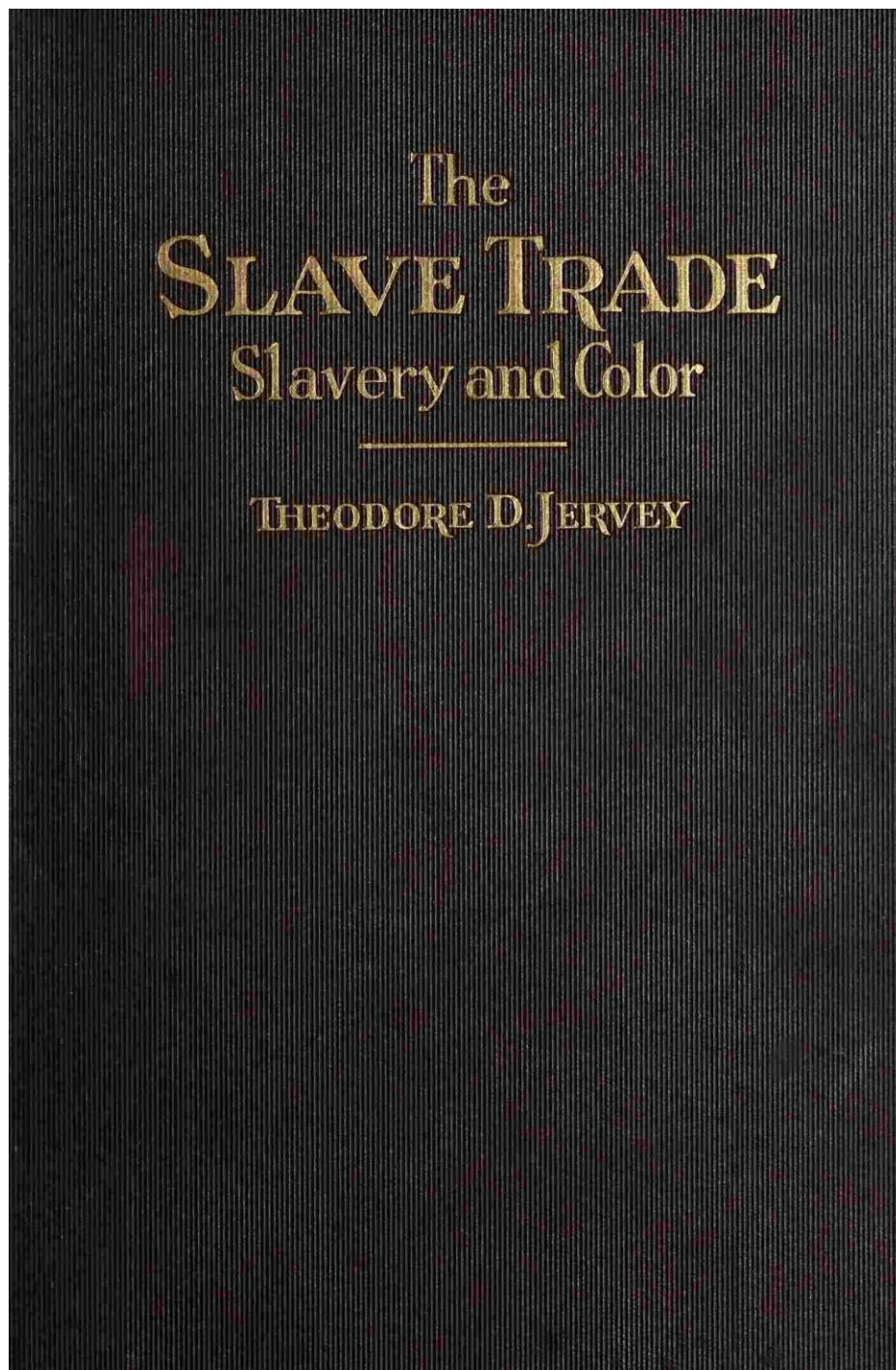

Работоторговля

Теодор Д. Джерви

The Project Gutenberg eBook of The slave trade.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Работоторговля

Рабство и цвет

Автор: Теодор Д. Джерви

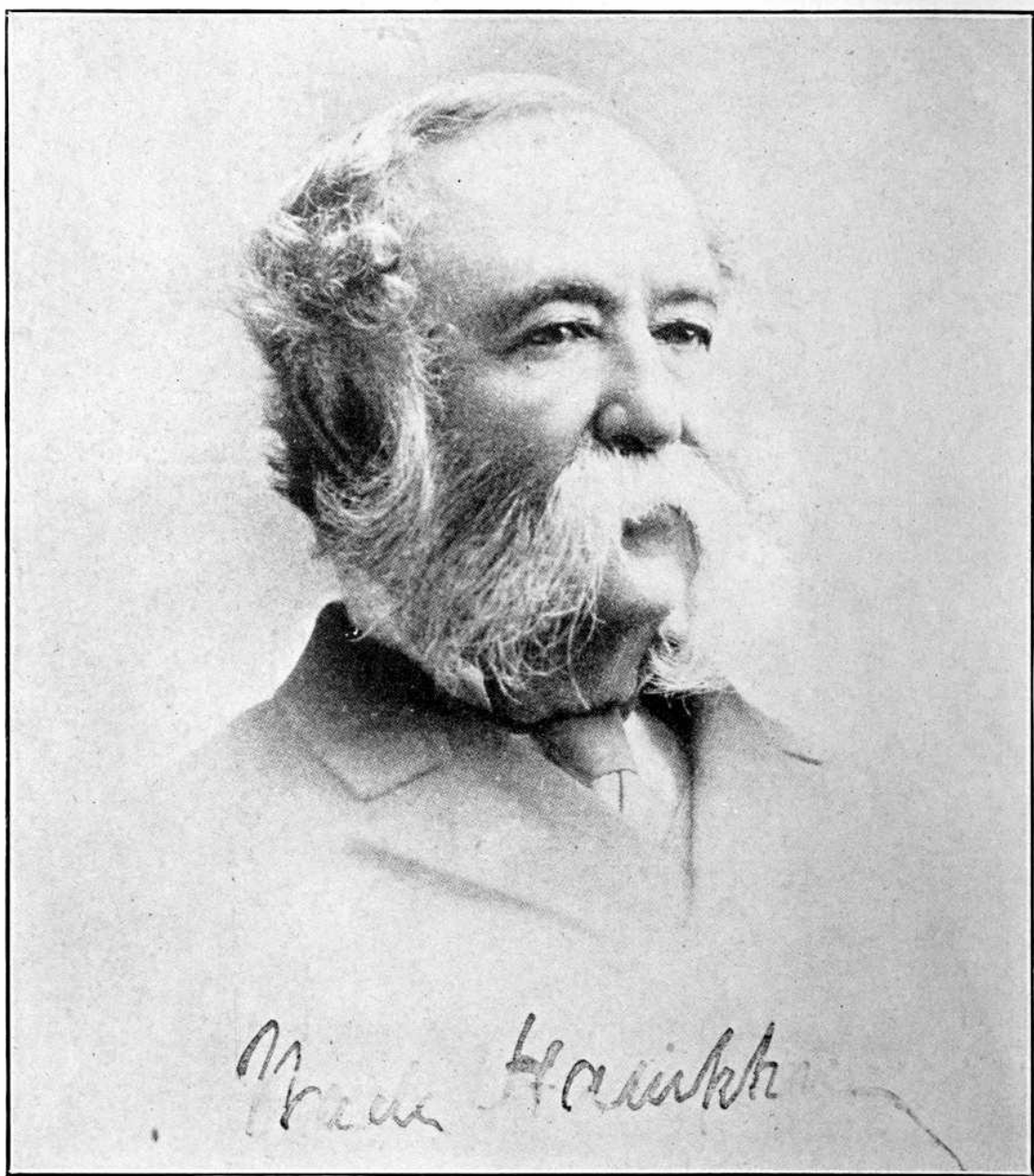
Дата выхода: 26 декабря 2023 года [eBook #72513]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Columbia: The State Company, 1925

Кредиты: Боб Тейлор, Шарлин Тейлор и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE SLAVE TRADE ***

Уэйд Хэмптон, 1889 г.

"Распространение негров? Это лишит нас большей части нашего труда и сделает его немного труднее для нынешнего поколения, но это будет спасением для будущего".

РАБОТОРГОВЛЯ

Рабство и цвет кожи

ТЕОДОР Д. JERVEY

КОЛУМБИЯ, США.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМПАНИЯ

АВТОРСКОЕ ПРАВО 1925
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМПАНИЯ

А. С. СЭЛЛИ, МЛ.

секретарю Исторической комиссии Южной Каролины, чья дружба выдержала испытание временем и чьи точные знания признали те, кто занимает высокое положение среди исследователей американской истории, посвящается эта книга.

ВВЕДЕНИЕ

Следующие страницы, отрывок из которых был опубликован в 1913 году под названием "Железная дорога - завоеватель", представляют собой попытку вкратце изложить главные причины переменчивого секционализма народа Соединенных Штатов.

Факты и утверждения, на которых основан этот очерк, вместе с другими, не включенными в него, собирались и обдумывались не менее шестнадцати лет, в течение которых многое, порой переплетаясь, время от времени обрывалось, из опасения, что их рассмотрение может увести мысли возможного читателя в сторону от основной темы.

Что касается работы, то мало кто может видеть более ясно, чем автор, насколько лучше она могла бы быть, если бы тот, кто взялся за нее, имел больше досуга и был оснащен эрудицией и средствами. И все же сомнительно, чтобы кто-то мог подойти к задаче и выполнить ее за годы, прошедшие между ее началом и завершением, с более твердой решимостью представить правду и ничего кроме правды, как ее видел и продолжает видеть писатель.

Чтобы опубликовать то, что здесь изложено, в наши дни безудержного коммерциализма и зачастую неосознанной нетерпимости, от издателя требуется характер и мужество.

С другой стороны, подчинение некоторым, выдающим себя за издателей и предлагающим рукописи, сопряжено с определенным риском, и в этой связи автор чувствует, что ему не хватило бы обычной благодарности, если бы он не рассказал о спасении этой рукописи в ранней форме из лап издательства, которое, получив ее по просьбе, для ознакомления и рассмотрения, на условиях отказа, держало ее в течение года, несмотря на неоднократные просьбы о возвращении, на которые неоднократно отвечали неправдивыми утверждениями, что она была отправлена обратно. Не зная и не интересуясь содержанием, незнакомец, на чьи запросы, касающиеся местной истории, автор время от времени отвечал, К. У. Льюис, эсквайр, проживающий поблизости от неблаговидного издательства, по просьбе, путем личного звонка, заставил отдать рукопись и вернул ее автору. Теперь она представлена публике без дальнейших комментариев, чтобы она могла говорить сама за себя.

ГЛАВА I

Рассматривая многое из того, что содержится в многочисленных материалах, посвященных обсуждению негритянского вопроса, следует заметить, что в последние годы произошло значительное расширение области, и что от того, что в прошлом было главным образом вопросом рабства или свободы для одного конкретного класса людей в одной большой стране, мы перешли к рассмотрению того, что может повлиять на весь мир, в том, что некоторые называли: "Конфликт цвета", а другие, не столь пессимистичные, - "Вопрос двадцатого века, вопрос цвета".

В таких обстоятельствах изучение эволюции этого вопроса и перечисление некоторых этапов, в которых он выносился на обсуждение в истории Соединенных Штатов, может помочь исправить некоторые заблуждения и пролить дополнительный свет на тему, которая, несмотря на попытки ее подавить, постоянно привлекает внимание всего мира.

Свободно признавая невозможность обсуждения этой темы в разумных пределах, без обязательного упоминания многих публикаций, содержащих огромное количество чрезвычайно ценной информации, целью данной работы будет проследить эволюцию вопроса в том виде, в каком он проявился в высказываниях как белых, так и негров в той стране, где общественное мнение, как утверждает, оказывает наибольшее влияние на правительство. При проведении такого исследования вряд ли стоит очень внимательно изучать колониальный период, поскольку, пока существовало мнение, нашедшее свое выражение в актах, заявлениях и законах, колонии, находясь под контролем Великобритании, подчинялись ее политике и были представителями ее цивилизации. Поэтому экстраординарный случай с рабовладельцем из Массачусетса Мавериком, который в 1636 году просто в целях размножения заставил принадлежавшую ему африканскую женщину высокого ранга принять обряда обычного молодого негра^[1], был всего лишь способом выразить презрение к расе. Мэрилендский закон 1663 года, куда менее грубое выражение, касался всех белых женщин, которые не смогли его принять. В книге Страуда "Очерк законов о рабстве", опубликованной в 1827 году, на странице 2 мы находим:

"Раздел 2. И так как свободные английские женщины, забыв о своей свободе и к позору нашей нации, вступают в брак с рабами-неграми", такие "свободные женщины... должны служить хозяину такого раба в течение жизни ее мужа, и все потомство таких свободных женщин, вышедших замуж, будет рабами, как и их отцы".

Однако, несмотря на эти две яркие иллюстрации, относящиеся к столь раннему периоду, в целом можно утверждать, что в Британской Америке "вплоть до 1700 года, а возможно, и позже, настроения Севера и Юга относительно негра или его порабощения различались незначительно; ведь хотя закон Южной Каролины от 1690 года предусматривал жесткие правила для негров и индейских рабов, изучение законов с 1698 года"^[2] "а затем и прессы, указывает на настроения против импорта негров, который, однако, был навязан этой провинции, как и другим, британским правительством"^[3].

Революционная война, отбросившая эту контролирующую силу, объединила государства в рамках Статей Конфедерации, проложив тем самым путь для великого эксперимента - конституционной Федеративной Республики, которая пришла ей на смену.

Именно на заседаниях великого Конвента, создавшего этот "более совершенный союз", впервые возник негритянский вопрос как жизненно важный политический вопрос; и среди всех вопросов, стоявших перед этим необычным органом, не было более серьезного, чем тот, что затрагивал статус цветного населения Союза.

В то время эта категория населения составляла около одной пятой населения тринадцати штатов, объединение которых было целью, - 737 208 чернокожих против 3 172 006 белых[4], и хотя из этих 737 208 цветных около 59 527 были свободными, в каждом из тринадцати штатов, кроме Массачусетса, были рабы, и только в одном штате за пределами Новой Англии, Пенсильвании, число свободных цветных превышало число рабов.

В восьми из тринадцати штатов число негров-рабов значительно превышало число цветных свободных людей; в то время как в другом штате, где насчитывалось 5572 цветных человека, число цветных свободных людей превышало число рабов всего на 54 человека.

В этих условиях не было ничего противоестественного в том, что вопрос представлялся как вопрос рабства против свободы, а не негров против белых, и в течение семидесяти лет, пока существовало рабство, этот факт в значительной степени затушевывал понимание отдельного вопроса о цвете кожи и расе. Тем не менее, некоторые люди уже очень рано признали, что помимо рассмотрения вопроса о том, как их можно содержать, само присутствие в Республике большого и растущего числа людей низшей расы представляет собой серьезную проблему.

Когда дело дошло до рассмотрения основы, на которой должно основываться федеральное представительство и распределяться прямые налоги, создатели Конституции столкнулись с политическим вопросом первой величины, связанным с существованием работорговли.

Кем был раб? Человеком или движимым имуществом?

Вопрос был поставлен в связи с пунктом в докладе комитета по деталям, представленном Джоном Ратледжем из Южной Каролины, статья 7, раздел 4. "Законодательное собрание не должно облагать налогом или пошлиной товары, вывозимые из любого штата, а также миграцию или импорт лиц, которых несколько штатов сочтут нужным принять, и не должно запрещать такую миграцию или импорт"[5].

В свете последующих событий, существующего законодательства по этому вопросу в штате Южная Каролина, а также истории провинции и штата, внесение заключительного пункта этого раздела ее самым выдающимся представителем было неудачным. Оно дало повод для заявлений в адрес штата, которые не только не были полностью подтверждены фактами, но и в некоторой степени затушеваны действиями и голосами ее депутатов; тем не менее, на штате лежала печать незавидного первенства в вопросе, в котором она подала лишь один из семи голосов, в общей сложности одиннадцать, с помощью которых было принято окончательное решение.

В ходе дискуссии, возникшей сразу после представления доклада, нашли свое выражение четыре точки зрения на этот пункт.

Лютер Мартин из Мэриленда, представитель штата, который, как будет показано впоследствии, можно было назвать самым рабовладельческим из тринадцати, тем не менее, обладал достаточной проницательностью, чтобы осознать опасность такого положения, и предложил изменить этот раздел, чтобы разрешить запрет или налог на ввоз рабов. Он

привел три основания для возражения против такого запрета: "1. Поскольку при распределении представителей пять рабов считаются за трех свободных людей, такая оговорка будет поощрять торговлю. 2. Рабы ослабляют одну часть Союза, которую другие части обязаны защищать; привилегия их ввоза, таким образом, неразумна. 3. Наличие таких элементов в Конституции противоречило принципам Революции и позорило американский характер".

Защищая этот пункт, мистер Ратледж не был настроен примирительно. Он "не понимал, как можно поощрять импорт рабов с помощью этого раздела". Он не опасался восстаний и с готовностью освободил бы другие штаты от обязательств защищать от них южные штаты. Религия и гуманность не имеют никакого отношения к этому вопросу. Только интерес является руководящим принципом для наций. В настоящее время истинный вопрос заключается в том, будут или не будут южные штаты участниками Союза. Если северные штаты руководствуются своими интересами, они не будут противиться увеличению числа рабов, что приведет к росту товаров, потребителями которых они станут".

Мистер Эллсворт из Коннектикута поддержал клаузулу в аргументации, построенной на той же утилитарной плоскости, но усиленной утверждением доктрины прав штатов. Он "был за то, чтобы оставить положение в его нынешнем виде. Пусть каждый штат импортирует то, что ему нравится. Моральность или мудрость рабства - это вопрос, принадлежащий самим штатам. То, что обогащает часть, обогащает целое, и штаты - лучшие судьи своих конкретных интересов". Старая Конфедерация не вмешивалась в этот вопрос, и он не видит большей необходимости в том, чтобы включить его в политику новой Конфедерации".

Мистер Чарльз Пинкни из Южной Каролины, поддерживая точку зрения мистера Ратледжа, сохранял надежду на последующее согласие. Он сказал: "Южная Каролина никогда не сможет принять этот план, если он запрещает работорговлю. В каждом предложении о расширении полномочий Конгресса этот штат четко и осторожно исключал возможность вмешиваться в импорт негров. Если все штаты останутся свободны в этом вопросе, Южная Каролина, возможно, со временем сама добьется желаемого, как это уже сделали Вирджиния и Мэриленд"[6].

На следующий день обсуждение было возобновлено.

Мистер Шерман, представитель Коннектикута, "был за то, чтобы оставить положение в его нынешнем виде. Он не одобрял работорговлю; однако, поскольку штаты в настоящее время обладают правом ввозить рабов, поскольку общественное благо не требует отнять его у них, и поскольку целесообразно иметь как можно меньше возражений против предложенной схемы правительства, он счел, что лучше оставить этот вопрос в том виде, в каком мы его нашли. Он отметил, что отмена рабства в Соединенных Штатах, похоже, идет полным ходом и что здравый смысл нескольких штатов, вероятно, со временем доведет ее до конца. Он настоятельно призвал Конвенцию к тому, чтобы она покончила со своими делами".

Полковник Мейсон из Вирджинии занял очень высокую позицию. Он заявил: "Этот дьявольский трафик возник из-за жадности британских купцов. Британское правительство постоянно пресекало попытки Вирджинии положить этому конец. Нынешний вопрос касается не только штатов-импортеров, но и всего Союза. Зло от наличия рабов было испытано на себе во время последней войны. Если бы с рабами обращались так, как это мог бы сделать враг, они оказались бы опасным оружием в его руках. Но по своей глупости поступили с рабами так же, как и с тори. Он упомянул об опасных восстаниях рабов в Греции

и на Сицилии, а также об инструкциях, данных Кромвелем комиссарам, посланным в Виргинию, вооружить слуг и рабов на случай, если другие способы добиться покорности окажутся безрезультатными. Мэриленд и Виргиния, по его словам, уже прямо запретили ввоз рабов. Северная Каролина сделала то же самое по существу. Все это будет напрасно, если Южная Каролина и Джорджия получат свободу ввоза. Западные народы уже требуют рабов на своих новых землях и заполнят эту страну рабами, если их можно будет доставить через Южную Каролину и Джорджию. Рабство препятствует развитию искусств и мануфактур. Бедняки презирают труд, выполняемый рабами. Они препятствуют иммиграции белых, которые действительно обогащают и укрепляют страну. Они оказывают самое пагубное влияние на нравственность. Каждый хозяин рабов рождается мелким тираном. Они навлекают на страну суд Небес. Поскольку нации не могут быть вознаграждены или наказаны в следующем мире, они должны быть наказаны в этом. По неизбежной цепи причин и следствий Провидение наказывает национальные грехи национальными бедствиями. Он сожалеет, что некоторые из наших восточных братьев из жажды наживы занялись этой гнусной торговлей. Что касается того, что штаты обладают правом на импорт, то это относится и ко многим другим правам, от которых теперь придется отказаться. Он считает, что с любой точки зрения важно, чтобы Генеральное правительство имело возможность предотвратить рост рабства".

Мистер Элсворт заговорил снова, и уже совсем по делу: "Поскольку он никогда не владел рабом, он не может судить о влиянии рабства на характер. Однако он сказал, что если рассматривать это в моральном свете, то следует пойти дальше и освободить тех, кто уже находится в стране. Кроме того, в Вирджинии и Мэриленде рабы размножаются так быстро, что их дешевле выращивать, чем импортировать, в то время как для болотных земель необходимы иностранные поставки. Если мы не пойдем дальше, чем нам предлагают, мы будем несправедливы к Южной Каролине и Джорджии. Давайте не будем вмешиваться. По мере роста населения бедные работники будут в таком количестве, что рабы станут бесполезными. Со временем рабство в нашей стране не останется и пятнышка. В штате Коннектикут уже предусмотрена возможность его отмены. И отмена уже произошла в Массачусетсе. Что касается опасности восстания из-за иностранного влияния, то это станет мотивом для доброго обращения с рабами".

Мистер Чарльз Пинкни сказал: "Если рабство неправильно, то оно оправдано примером всего мира". Он привел в пример Грецию, Рим и другие государства; санкцию, данную Францией, Англией, Голландией и другими современными государствами. Во все века половина человечества была рабами. Если оставить южные штаты в покое, они, вероятно, сами прекратят импорт. Он сам, как гражданин Южной Каролины, проголосовал бы за это. Попытка отнять это право, как это предлагается, вызовет серьезные возражения против Конституции, которую он хотел бы видеть принятой".

Генерал К. К. Пинкни "заявил, что, по его твердому мнению, если он сам и все его коллеги подпишут Конституцию и будут использовать свое личное влияние, это будет бесполезно для получения согласия их избирателей. Южная Каролина и Джорджия не могут обойтись без рабов. Что касается Вирджинии, то она только выиграет от прекращения импорта. Ее рабы вырастут в цене, и у нее будет больше, чем ей нужно. Было бы несправедливо требовать от Южной Каролины и Джорджии конфедерации на столь неравных условиях". Он сказал, что до революции королевское согласие никогда не отказывало Южной Каролине в том же, что и

Виргинии. Он утверждал, что ввоз рабов будет отвечать интересам всего Союза. Чем больше рабов, тем больше продукции для торговли. Чем больше потребление, тем больше доход для общей казны. Он признал разумным, что рабы должны облагаться пошлиной, как и другие импортные товары, но должен рассматривать отказ от этого пункта как исключение Южной Каролины из Союза".

Мистер Болдуин из Джорджии "считал, что на рассмотрение Конвента должны выноситься только национальные вопросы, а не те, которые, как сейчас, носят местный характер". Джорджия приняла решение по этому вопросу. Этот штат до сих пор всегда считал, что Генеральное правительство - это стремление центральных штатов, желающих иметь воронку для всего, что ее удаленность не позволит ей получить равные преимущества и что она не сможет благоразумно приобрести их, уступив национальные полномочия. Исходя из этого, можно понять, в каком свете она воспримет попытку урезать ее любимую прерогативу. Если ее предоставить самой себе, она, вероятно, сможет положить конец этому злу. В качестве одного из оснований для такого предположения он обратил внимание на секту, которая, по его словам, представляет собой респектабельный класс людей, выводящих свою этику за рамки простого равенства людей, распространяя свою гуманность на требования всего животного мира".

Мистер Уилсон из Пенсильвании "заметил, что если бы Южная Каролина и Джорджия были настроены избавиться от импорта рабов в короткие сроки, как это было предложено, они никогда бы не отказались объединиться из-за того, что импорт может быть запрещен. В нынешней редакции раздела все ввозимые товары облагаются налогом. Только рабы освобождаются от налога. На самом деле, это - щедрость на эту статью".

Мистер Джерри из Массачусетса "считает, что мы не имеем никакого отношения к поведению штатов в отношении рабов, но должны быть осторожны, чтобы не дать ему никакой санкции".

Мистер Дикинсон из Делавэра "считал недопустимым по всем принципам чести и безопасности, чтобы ввоз рабов был разрешен штатам Конституцией". Истинный вопрос заключается в том, будет ли ввоз способствовать или препятствовать национальному счастью, и этот вопрос должен быть оставлен на усмотрение национального правительства, а не особо заинтересованных штатов. Если Англия и Франция разрешают рабство, то в то же время рабы исключаются из обоих этих королевств. Греция и Рим были несчастны благодаря своим рабам. Он не может поверить, что южные штаты откажутся от конфедерации по причине, которой они опасаются; тем более, что власть не может быть немедленно использована Генеральным правительством".

Мистер Уильямсон, представитель Северной Каролины, "изложил закон Северной Каролины по этому вопросу, а именно: он не запрещает напрямую ввоз рабов. Он ввел пошлину в размере пяти фунтов на каждого раба, ввозимого из Африки. Десять фунтов с каждого раба, ввозимого из других стран, и пятьдесят фунтов с каждого раба, ввозимого из штата, где разрешена манумиссия". Он считал, что южные штаты не смогут быть членами Союза, если это положение будет отвергнуто, и что неправильно принуждать к чему-либо, что не является абсолютно необходимым и на что любой штат должен не согласиться".

Мистер Кинг из Массачусетса "считает, что этот вопрос должен рассматриваться только в политическом свете. Если два штата не согласятся с Конституцией в том виде, в котором она изложена с одной стороны, то он может с такой же уверенностью утверждать, что с другой стороны другие штаты встретят большое и равное противодействие". Он отметил освобождение рабов от пошлин, в то время как все остальные импортные товары облагались

ими, как неравенство, которое не могло не поразить коммерческую смекалку северных и средних штатов".

Мистер Лэнгдон из Нью-Гэмпшира "решительно выступал за передачу полномочий Генеральному правительству. Он не мог с чистой совестью оставить это на усмотрение штатов, которые могли бы продолжать торговлю, не будучи сдержанными высказанным здесь мнением, что они сами прекратят ввоз рабов".

Генерал Пинкни "счел себя обязанным откровенно заявить, что он не думает, что Южная Каролина прекратит ввоз рабов в течение какого-либо короткого времени, а лишь будет прекращать его время от времени, как она делает это сейчас". Он предложил принять положение о том, что рабы могут быть обложены равным налогом с другими импортируемыми товарами, что, по его мнению, правильно и устранил одно из начавшихся затруднений".

Мистер Ратледж заметил: "Если Конвенция думает, что Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия когда-нибудь согласятся с этим планом, если их право на импорт рабов не будет затронуто, ожидания напрасны. Жители этих штатов никогда не будут такими глупцами, чтобы отказаться от столь важного интереса". Он решительно выступил против исключения этого раздела и поддержал предложение генерала Пинкни о принятии обязательства".

Мистер Гувернер Моррис из Пенсильвании "пожелал, чтобы весь предмет был принят, включая пункты, касающиеся налогов на экспорт и Навигационного акта. Эти вещи могут составить сделку между северными и южными штатами".

Мистер Батлер из Южной Каролины заявил, "что он никогда не согласится на право облагать налогом экспорт".

Мистер Шерман сказал: "Лучше позволить южным штатам импортировать рабов, чем расстаться с ними, если они сделают это *непременным* условием". Он выступал против налога на ввоз рабов, поскольку это ухудшает ситуацию, так как подразумевает, что они являются собственностью. Он признал, что если полномочия по запрету импорта будут предоставлены Генеральному правительству, то они будут реализованы. Он считал, что его обязанностью будет осуществление этой власти".

Мистер Рид из Делавэра "был за принятие обязательства при условии, что пункт, касающийся налогов на экспорт, также будет принят".

Мистер Шерман отметил: "что этот пункт был согласован и поэтому не может быть принят".

Мистер Рэндольф из Вирджинии "был за принятие обязательства, чтобы найти некую золотую середину, если это возможно". Он никогда не сможет согласиться с этим положением в его нынешнем виде. Он бы скорее рискнул Конституцией". Он остановился на дилемме, перед которой оказалась Конституция, согласившись с этим пунктом, она взбунтует квакеров, методистов и многих других в штатах, не имеющих рабов. С другой стороны, два штата могут быть потеряны для Союза. "Давайте же, - сказал он, - попробуем рискнуть обязательством"^[7].

По вопросу о принятии решения голосовали:: Нью-Гэмпшир - нет; Массачусетс - воздержался от голосования; Коннектикут - за; Нью-Джерси - за; Пенсильвания - нет; Делавэр - нет; Мэриленд - за; Виргиния - за; Северная Каролина - за; Южная Каролина - за;

Джорджия - за;^[8] В целом из одиннадцати штатов на конвенте семь "за", три "против", один не голосовал.

Этот пункт был передан в комитет, состоящий из господ Лэнгдона, Кинга, Джонсона, Ливингстона, Клаймера, Дикинсона, Л. Мартина, Мэдисона, Уильямсона, К. К. Пинкни и Болдуина, и комитет представил доклад в пользу этого пункта с поправкой, гласящей: "Миграция или импорт лиц, которых несколько штатов, ныне существующих, сочтут нужным принять, не должны быть запрещены Законодательным собранием до 1800 года, но на такую миграцию или импорт может быть наложен налог или пошлина в размере, не превышающем средний размер пошлин, установленных на импорт"^[9].

Генерал Пинкни предложил исключить слова "1800 года и вставить слова восемнадцатый и девятый".

Мистер Горхэм из Массачусетса поддержал предложение. Это предложение вызвало у одного из тех, кто до этого момента, похоже, не принимал участия в обсуждении, мистера Мэдисона, заявление о том, что: "Двадцать лет принесут все беды, которые можно ожидать от свободы ввоза рабов. Столь долгий срок будет более позорным для национального характера, чем ничего не сказать об этом в Конституции"^[10].

Представленный пункт был передан в комитет против голосов Нью-Гэмпшира, Пенсильвании и Делавэра. Вирджиния и Нью-Джерси выступили против поправки; но поскольку она получила голоса Нью-Гэмпшира и Массачусетса, которые не голосовали за обязательство, ее поддержали семь из одиннадцати штатов, три присутствующих штата Новой Англии и четыре из пяти южных штатов, три присутствующих средних штата и один южный штат, выступивший против.

Хотя разумные люди всегда должны осознавать необходимость компромисса, и хотя также очевидна большая ответственность ситуации в этом вопросе, все же это важнейшее обсуждение и голосование устанавливает некоторые факты в отношении конституционного Союза, которые честный историк не может игнорировать.

Первое: Миграция или импорт негров были запрещены, несмотря на заявление представителей трех южных штатов, Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии, о том, что некоторые из южных штатов не смогут принять Конституцию, если она будет принята.

Второе: налог на импорт был введен благодаря голосованию Новой Англии, представители которой предупредили Конвенцию, что введение налога на импорт будет признанием рабства. Поэтому утверждение о том, что Южная Каролина и Джорджия вынудили признать работорговлю, не подтверждается фактами. Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Коннектикут, Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия последовали предложению Губернера Морриса из Пенсильвании и, отказавшись от принципов, которые они отстаивали, "заключили сделку", по которой работорговля была сдана в обмен на признание рабства в Конституции.

По итогам обсуждения, хотя проницательная критика Эллсворта в некоторой степени исказила возвышенный полет Мейсона из Вирджинии, все же речь последнего ставит его на более высокую ступень государственного деятеля, чем та, которую занимал любой из присутствующих депутатов. С другой стороны, какой бы высокой ни была их репутация, ни один из них не опустился на такую низкую ступень, как Кинг из Массачусетса и Ратледж из Южной Каролины; ни один человек не проявил такого незнания существующей ситуации,

как тот, кто благодаря умеренности своих высказываний и влиянию своего высокого личного характера наиболее полно овладел ею.

Генерал К. С. Пинкни, похоже, не знал, что Великобритания не разрешила Южной Каролине отказаться от работорговли, когда она, будучи провинцией, пыталась это сделать,^[11] или что настроения жителей его штата, даже когда он говорил, нашли свое выражение в законе, запрещавшем ввоз в штат "любого негра-раба вопреки Закону о регулировании взыскания долгов и запрещении ввоза негров"^[12], и которые были достаточно сильны даже после вышеупомянутого компромисса, чтобы отрицательно повлиять на попытку Гиллона отменить закон о запрете ввоза в законодательном собрании Южной Каролины в 1788 году, проголосовав 93 против 40.^[13] Не было более жесткой критики государственной мудрости генерала в этом вопросе, чем та, которую тридцать четыре года спустя высказал его преданный брат, генерал Томас Пинкни, в некоторых размышлениях, опубликованных им самим^[14] без всякой мысли о том, насколько положительно они противоречат изречению его брата - "Южная Каролина и Джорджия не могут обойтись без рабов" - он предупредил жителей Южной Каролины, что негры-ремесленники занимают места белых.

Но, отвлекаясь от этого обсуждения, важно рассмотреть, как обстояли дела с негритянским населением Соединенных Штатов на момент принятия Конституции.

Перепись, проведенная в 1790 году, показала, что около шести седьмых всего цветного населения тринадцати штатов, составляющих Союз, проживало в четырех штатах - Мэриленде, Вирджинии, Северной Каролине и Южной Каролине, из которых около половины находилось в Вирджинии; население в порядке убывания численности выглядело следующим образом: Вирджиния - 305 493; Мэриленд - 111 099; Южная Каролина - 108 895; Северная Каролина - 105 547. Негритянское население Джорджии на тот момент лишь немного превышало негритянское население Нью-Йорка, составляя всего 29 662 против 25 978, в то время как в регионе к северу от Мэриленда негров было почти в три раза больше, чем в регионе к югу от Южной Каролины.

Если рассматривать процентное соотношение чернокожих и белых в разных районах, то наибольшее значение имела Южная Каролина, где цветное население достигало 44 процентов от общего числа. На втором месте Вирджиния - 41 процент, на третьем Джорджия - 36, на четвертом Мэриленд - 35, на пятом Северная Каролина - 27, на шестом Делавэр - 26, на седьмом Нью-Джерси - 9, на восьмом Нью-Йорк - 8, на девятом Род-Айленд - 7 и на десятом Пенсильвания - менее трех процентов.

Однако есть и другая точка зрения, с которой можно рассматривать эту численность населения; она заключается в отношении к площади штата, содержащего же, и если рассматривать ее в этом свете, то Мэриленд с негритянским населением, превышающим население Южной Каролины, и площадью, составляющей лишь одну треть, был самым отдельным негритянским штатом Союза. Делавэр занимал второе место, а Вирджиния - третье. В двух штатах Мэриленд и Вирджиния, общая площадь которых составляет 79 124 квадратных миль, проживало более половины цветного населения Соединенных Штатов - 416 572 человека. В южном регионе, охватывающем три штата - Северную Каролину, Южную Каролину и Джорджию - площадью 143 040 квадратных миль, проживало всего 244 104 негра, или около одной трети от их числа, если рассматривать территорию, на которой они проживали, что делает весьма очевидным утверждение Эллсворта о том, что отмена работорговли принесла бы Мэриленду и Виргинии явное коммерческое преимущество,

позволив им поставлять в регион к югу от них по повышенным ценам рабов, которых они могли бы выращивать для продажи.

Вирджиния, Мэриленд и Делавэр в то время составляли "черный пояс", в котором проживало четыре седьмых цветного населения Союза, три четверти остального населения находилось в регионе ниже и одна четвертая выше.

В первое десятилетие действия Конституции плотность цветного населения в Вирджинии и Мэриленде фактически увеличилась; в то же время, благодаря необычайному притоку белого населения, несмотря на большой прирост цветного, процент цветного населения Южной Каролины уменьшился, и именно по этой причине то, что произошло в следующее десятилетие действия Конституции в Южной Каролине, имеет такое большое значение. Рассмотрение этих событий покажет, что, несмотря на заявления ее великих депутатов о том, что "Южная Каролина не может обойтись без рабов" и что ее народ "никогда не будет таким глупцом, чтобы отказаться от столь важного интереса", как "право на импорт рабов", он не только предложил отказаться от этого права, но и серьезно стремился к этому. И только после тридцати лет безуспешных усилий, сопровождавшихся все возрастающими инвестициями в этот класс собственности, сильное меньшинство, выступавшее против этого, согласилось с самым неразумным мнением Кэлхуна, что негры представляют собой "лучший субстрат населения, на котором можно легко и безопасно вырастить великие и процветающие Содружества"[15]."[15]

Как только это мнение было принято, марш был неуклонно направлен к катастрофе.

ССЫЛКИ:

[1] Phillips, American Negro Slavery, p. 361.

[2] Statutes of S. C., Vols. 2 & 7, pp. 153, 367, 370.

[3] S. C. Gazette, Feb. 26, 1732, McCrady, S. C. under the Royal Government, p. 378.

[4] Compendium of the Ninth Census of the United States, p. 13.

[5] Farrand. Records of the Federal Convention, Vol. 2, p. 183.

[6] Farrand. Records of the Federal Convention, Vol. 2, p. 364.

[7] Farrand. Records of the Federal Convention, Vol. 2, pp. 369, 374.

[8] Ibid. p. 374.

[9] Ibid. p. 400.

Профессор Фарранд делает слово "abst" отсутствующим, что противоречит контексту. Кинг из Массачусетса был включен в состав комитета.

[10] Farrand. Records of the Federal Convention, Vol. 2, p. 415.

[11] S. C. Gazette, Feb. 19, 1732, Stat. S. C. Vol. 7, pp. 367-370. McCrady, S. C. Under the Royal Government, p. 378.

[12] Stat. S. C. Vol. 7, p. 430.

[13] State Gazette, Jan. 28, 1788.

[14] Jervey, Robert Y. Hayne and His Times, p. 130.

[15] Calhoun's Correspondence, p. 369.

ГЛАВА II

После неудачной попытки Гиллона в 1788 году отменить существующий закон, штат Южная Каролина, последовательно принимая законы, несмотря на подразумеваемую санкцию Конституции до 1808 года, запретил ввоз рабов[16] вплоть до 1803 года. В том году губернатор Джеймс Б. Ричардсон в своем ежегодном послании Генеральной Ассамблее косвенно предложил отменить это законодательство.

Формулировки этого послания настолько запутаны, что, если рассматривать их без учета их последствий, кажется, что они свидетельствуют о некоторой симпатии к запрету импорта; но при внимательном рассмотрении тайная симпатия этого чиновника к тем, кого он осуждает, становится очевидной. Быстрота, с которой за него ухватились противники запрета, и аргументы, почерпнутые из него, указывают на то, что это был тот самый клин, с помощью которого оборона против черного потока была расколота, чтобы впустить его в таком объеме, который сделает последующие усилия остановить поток почти бесполезными.

Та часть послания, которая касалась импорта негритянских рабов, гласит следующее:

"Все возможное усердие и все мои усилия были использованы для того, чтобы привести в действие закон, запрещающий ввоз негров в штат, но я с беспокойством вынужден сообщить вам, что это не увенчалось успехом; Должно ли это объясняться главным образом дурными последствиями, которые, как предполагают, привести в действие закон путем эмансипации привезенных негров (средство, считающееся более пагубным, чем зло их введения в рабство), или же интересы граждан настолько переплетены с этим видом собственности, что это препятствует их содействию закону в достижении спасительных целей, я не возьмусь определить; Но я склонен полагать, что обе причины действуют как превентивные; ибо этих людей продолжают ввозить в государство, не имея возможности предотвратить это. Все законы, предназначенные для общей пользы, должны быть так рассчитаны, чтобы их действие было одинаковым во всех частях государства; если этого не происходит, значит, в них есть какой-то коренной недостаток или они противоречат интересам граждан; с этим законом дело обстоит именно так; ибо при нынешнем положении вещей граждане в пограничных районах и на морском побережье накапливают это имущество без возможности быть обнаруженными, тогда как жители внутренних и средних районов испытывают действие этого закона только из-за своего отдаленного положения, и т. д. Это обстоятельство, конечно, достойно сожаления, но таково истинное положение дел, и поэтому оно становится предметом, достойным вашего рассмотрения, и предметом, который, я верю, вовлечет ваши усилия, чтобы сделать одинаково энергичным в каждой части штата тот закон, который, как показал опыт, является частичным в своем действии и угнетающим для тех граждан во внутренних районах, которые имеют желание увеличить свой капитал путем накопления такой собственности"[17].

Это мнение губернатора вызвало в Палате представителей вопрос о назначении "комитета для выяснения, необходимы ли какие-либо поправки к закону, озаглавленному "Акт о

предотвращении ввоза негритянских рабов в этот штат"[18]; в Сенате - законопроект о разрешении их ввоза"[19].

Главным противником законопроекта о разрешении импорта в Сенате был сенатор штата Роберт Барнуэлл, которому в то время шел сорок второй год. Он с честью отслужил в Революционной войне, в ходе которой был тяжело ранен; был делегатом Континентального конгресса; затем членом Конгресса от 2-го округа Южной Каролины, а еще позже был избран спикером Палаты представителей Южной Каролины.[20] Эдвард Хукер описывает его как "высокого, плотного, хорошо сложенного мужчину около шестидесяти лет - человека необычайной серьезности, обладающего большим влиянием в Сенате. Говорят, что он выдающийся оратор и очень религиозный человек"[21].

Сохранился краткий отчет о высказываниях мистера Барнуэлла по этому поводу, хотя, как стало все более и более обычным делом в отношении всех высказываний, касающихся рабства, в любом критическом смысле, многое было подавлено. В отчете говорится следующее: "Он утверждал, что из-за огромного притока этих людей в штат стоимость этого вида собственности значительно снизится, настолько, что, по его мнению, негры вскоре не будут стоить и половины того, за что их можно будет продать. Стоимость продукции, выращенной их трудом, будет таким же образом обесценена. * * * Разрешение, данное законопроектом, приведет к разорительным спекуляциям. Все будут покупать негров. Хорошо известно, что те, кто торгует этим имуществом, продают его в очень большой кредит. Наши граждане будут покупать негров, полагаясь на удачные урожаи и благоприятные рынки для осуществления своих платежей, и окажется, что Южная Каролина через несколько лет, если эта торговля будет открыта, окажется в таком же положении долга и подвержена всем несчастьям, которые это положение породило, как и в конце революционной войны". В поддержку своего мнения почтенный член привел и другие аргументы, еще более убедительные и впечатляющие, которые по вполне очевидным причинам мы отказываемся обнародовать"[22].

Самым видным защитником законопроекта был сенатор штата Уильям Смит, школьный товарищ Эндрю Джексона, позже судья, а еще позже сенатор Соединенных Штатов, самый решительный из политических противников Кэлхуна в последующие годы. Он был уроженцем Северной Каролины, несколько неопределенного возраста, исправившимся пьяницей, но человеком твердым и властным, а также приятной наружности[23].

Отчет о его высказываниях по этому поводу сам по себе краток, но достаточен для осуждения, поскольку очевидно, что в духе пессимизма он голосовал против своих убеждений. Отчет таков: "Мистер Смит сказал, что он согласен положить конец импорту негров, но считает это невозможным. По этой причине он будет голосовать за законопроект"[24] Палата представителей тем временем сообщила, что "законы, запрещающие ввоз негров, могут быть изменены таким образом, чтобы предотвратить их появление среди нас", но сильная фракция была за принятие сенатского законопроекта. "Мистер Дрейтон придерживался мнения, что комитет должен приступить к рассмотрению законопроекта Сената, а не отчета комитета этой палаты. Он признался, что является другом этого законопроекта в его предельной широте. У многих плантаторов были наличные деньги, которыми они не могли распорядиться так хорошо, как при покупке негров, и он не понимал, почему им нельзя позволить улучшать свои поместья наилучшим образом, на что они были способны, так же как и купцам или любому другому классу лиц"[25].

Однако палата не изменила своего курса. Она приступила к рассмотрению отчета комитета, и законопроект в соответствии с ним был вынесен на рассмотрение палаты 12-го числа. В

этот день, по предложению отложить второе чтение до 1 февраля 1804 года, он был провален 41 голосом против 63; на следующий день законопроект, поступивший из Сената, был принят и 55 голосами против 46 стал законом[26]. В меньшинстве записано имя нового члена, Джозефа Олстона, которому суждено было сделать карьеру, , и который по этому случаю, выступая против законопроекта, разрешающего импорт, произнес примечательную речь[27].

С момента обретения независимости в 1783 году Южная Каролина все более и более жестко запрещала ввоз негритянских рабов. Все указывает на то, что этот отказ от прежней политики стал результатом того, что губернатор Ричардсон на втором году своего пребывания в должности преподнес сюрприз, когда в Сенате было два к одному в пользу предложенных им мер, и даже в более популярной ветви законодательного органа можно было получить большинство в девять из ста одного голоса. В таких условиях естественным было то, что противники импорта сразу же начали предпринимать активные усилия по отмене закона, разрешающего импорт, и при повторном сборе Законодательного собрания осенью 1804 года законопроект, имеющий такую цель, был внесен, поставлен на голосование в Сенате и проиграл всего один голос: 16 - за, 17 - против отмены закона, разрешающего импорт, и двое отсутствовали[28].

Спустя четыре дня Палата представителей рассмотрела в комитете следующую резолюцию: "Решено, что, по мнению этой палаты, нецелесообразно и нелепо разрешать ввоз рабов в этот штат, и что должен быть назначен комитет из пяти человек для внесения законопроекта с этой целью"[29] Резолюция была принята 69 голосами против 39, и среди имен большинства значится имя Уильяма Лоундеса. Таким образом, если обе палаты не смогли договориться до перерыва, то, судя по тому, что большинство в палате было против импорта, а в сенате он был поддержан с крайне малым перевесом, можно было предположить, что осенью 1805 года при созыве законодательного собрания борьба будет продолжена. Так и случилось, поскольку после повторного созыва губернатор Пол Гамильтон сразу же обратился к этой теме в своем послании: "Я был бы неправ в своих усилиях на благо общества, если бы не просил вас принять закон о ввозе рабов. Абстрагируясь от других соображений по этому поводу, о которых действительно можно многое сказать, я считаю себя обязанным представить, что его продолжение приводит к самым пагубным последствиям, поскольку истощает наши деньги, тем самым смущая наших коммерсантов и, естественно, уменьшая продажи нашей продукции; что, рассматриваемый в отношении населения, он увеличивает нашу слабость, а не силу; ибо следует признать, что пропорционально увеличению числа рабов вы препятствуете притоку тех людей, которые могли бы увеличить средства обороны и безопасности. Я добавлю, что немедленное прекращение этой торговли, по моему мнению, является необходимым, исходя из всех принципов здравой политики"[30].

Это послание сразу же привлекло внимание вновь избранной палаты, спикером которой был избран Джозеф Олстон. Молодой спикер был интереснейшей личностью. Его отец, за одним исключением, был крупнейшим рабовладельцем в штате, а о последнем, как нам сообщили, , что "по его мнению, истинные интересы плантатора находились в точном соответствии с велениями просвещенного человечества". Как следствие, его многочисленные плантации были образцами аккуратности и порядка, а рабы всегда выглядели здоровыми и удобными, что говорило о хорошем отношении к ним"[31].

Избрание в спикеры стало началом политической карьеры Джозефа Олстона, которая вскоре привела его к должности губернатора и вполне могла бы распространиться на национальные сферы, если бы не трагедия, оборвавшая ее. Он только что женился на

Теодосии Бурр, очаровательной и талантливой дочери Аарона Бурра. Но смерть его единственного сына в 1812 году и почти сразу после этого гибель жены в море, казалось, буквально уничтожили весь его интерес к жизни и отняли ее у него. Об этих дебатах 1805 года, в которых он был главной фигурой, упоминается в дневнике Эдварда Хукера, который сообщает нам, что основными ораторами в палате были Саймонс, Алстон, Майлс, Тейлор и Райт. Рассматриваемая резолюция, составленная Джоозефом Алстоном, была предварена несколькими соображениями, такими как несоответствие работорговли заповедям христианства, справедливости, гуманности и т. д., а затем и истинным интересам государства. В аргументах мистера Майлза из Ричленда появились необычайные инсинуации губернатора Ричардсона о несправедливости закона по отношению к тем, кому было трудно его нарушить, и кому он действительно запрещал ввозить рабов. Из членов Палаты представителей и Сената, которые в достаточной степени привлекли внимание Хукера, чтобы нарисовать с него что-то вроде портрета, наиболее ярко выделяются Барнуэлл, Лоундес и Алстон. По его оценке, Алстону было около двадцати восьми лет. Ему было неполных двадцать семь. Он описывает его следующим образом: "Мистер Алстон - невысокий и довольно плотный мужчина. Смуглый, с густыми черными волосами и грозной парой усов, которые покрывают большую часть его лица и почти сходятся у подбородка. Его одежда и манера поведения вполне заслуживают названия buckish. Когда он не находится в зале заседаний, его можно увидеть в конюшне, как и везде, рассматривающим прекрасных лошадей, одетым в короткий сюртук или рясу, похожую на жокейскую, со шнуровкой и ботинками, с сегоаром во рту, и в нем гораздо больше легкомыслия "гига и тандема", чем строгих достоинств сенаторского лидера. В самом деле, он один из последних, кого я выбрал бы из толпы людей в городе на пост президента одной из ветвей законодательной власти".

О выступлении он говорит: "Речь Олстона кажется мне скорее экстенпоральной, хотя те, кто с ним знаком, говорят, что он всегда, без исключения, пишет свои речи. Он, как и Саймонс, пользовался записями, но не так часто к ним возвращался; он не ограничивал себя так сильно методом и не избегал так скрупулезно каждого выражения, не отмеченного элегантностью, однако его расположение не было плохим, а его язык - недостойным. Поначалу он не говорил с необыкновенной беглостью, даже немного заикался, но, когда он однажды стал честно заниматься, его слова потекли с большой легкостью. Его фигуры и аллюзии были необычайно яркими и красивыми, и его речь изобиловала ими. Он обронил несколько прекрасных моральных и политических сентенций, процитировал два или три текста возвышенной морали из Священного Писания и с большой горячностью и очевидной искренностью призвал Палату прислушаться к велениям справедливости и гуманности, в противовес подлым интересам. Его манера произносить речи была чрезвычайно хороша, а жесты решительны и выразительны. Он долго и с успехом доказывал, что увеличение числа рабов разрушает равенство, лежащее в основе наших республиканских институтов, и настаивал на том, что вводить их не только несправедливо, но и явно вредно для подлинных интересов государства. В его аргументах было много здравого смысла и полезной информации. В течение тридцати пяти или сорока минут, пока он говорил, в Палате царила полнейшая тишина"[32].

Резолюция была принята, и законопроект о запрете импорта был отправлен в Сенат 56 голосами против 28[33].

Позже, тем же пером, мы имеем краткое описание последней речи по этому биллю того сенатора, который, выступая против него, можно сказать, подал самый важный голос, который ему когда-либо приходилось подавать.

Ранее уже упоминалась краткая причина, по которой сенатор Уильям Смит проголосовал за открытие портов для импорта рабов, который он объявил не в свою пользу, но считал невозможным предотвратить, в 1803 году, когда он, составляя большинство два к одному в этой ветви Генеральной Ассамблеи, проголосовал за их открытие. Общественное мнение сместило это большинство, и из Палаты представителей с таким же голосованием, два к одному, законопроект о запрете поступил в Сенат. Ниже Хукер описывает ситуацию и роль, которую сыграл Смит:

"Законопроект прошел нижнюю палату, и общественное мнение было возбуждено его появлением здесь. Мистер Смит, адвокат из округа Йорк, произнес длинную и довольно утомительную речь против него. Он не владеет беглым языком и не пользуется самыми красивыми выражениями, но в ходе своих аргументов он добился многого, что имеет отношение к цели"[34].

Голоса Смита было достаточно, чтобы завалить законопроект. Сенат провалил его 15 против 16.[35] Таким образом, он одним своим голосом сделал невозможным то, за что ратовал, но отказался поддержать, поскольку, по его утверждению, считал это невозможным. Позже в Сенате Соединенных Штатов он рассказал, что за четыре года, в течение которых он обеспечил работорговле наводнение Южной Каролины, в порт Чарльстона на 202 судах было ввезено 39 075 рабов[36], за что он имел наглость возложить ответственность почти на всех, кроме себя. Этот катастрофический законодательный акт увеличил негритянское население Южной Каролины за это десятилетие на 41 процент, в то время как белое население увеличилось всего на 9 процентов, и почти полностью остановил замечательный рост белого населения, которым было отмечено предыдущее десятилетие. Что касается влияния на бизнес Чарльстона, то в воспоминаниях одного из редакторов ежедневной прессы мы имеем наглядную иллюстрацию истинности пророчества сенатора Барнуэлла. Мистер Томас рассказывает: "В ноябре 1803 года я вернулся из своего четвертого путешествия с печатным каталогом из пятидесяти тысяч томов книг по всем отраслям литературы, искусств и наук, что, безусловно, было самым большим импортом, когда-либо сделанным в Соединенные Штаты. Я успел открыть их и подготовить к продаже только через три дня, когда из Колумбии пришло известие, что законодательное собрание, находившееся в то время на сессии, открыло порт для ввоза рабов из Африки. Не прошло и пяти часов, как в городе появились два крупных британских гвинейца, которые несколько дней простояли в порту, ожидая этого, и с того дня мои дела пошли на спад, хотя тогда я мог вести их в три раза большем объеме, чем раньше. До этого у плантаторов были большие суммы денег, лежавшие без дела в банках, которые они щедро тратили не только на свои действительные, но и предполагаемые нужды. Сразу же во всем произошли большие перемены. Суда в большом количестве отправлялись к берегам Африки, и как только они возвращались, их грузы скупались с жадностью, не только расходуя большие средства, которые накапливались, но и все, что можно было купить, и, наконец, исчерпывая кредит и закладывая рабов для оплаты, многие из которых, насколько мне известно, не были выкуплены в течение десяти лет после этого"[37].

С другой стороны, штат Огайо, в который в 1800 году было принято 45 628 белых и всего 336 цветных, был настолько обеспокоен ростом цветного населения, что, прежде чем их число достигло двух тысяч, штат принял печально известные "черные законы" от 9 января 1805 года, раздел 4 которых гласит следующее: "Ни одному чернокожему или мулату впредь не разрешается приводить к присяге или давать показания в любом суде или в любом другом месте штата по любому делу или предмету спора, где одной из сторон является белый

человек, или в любом судебном процессе, который будет возбужден от имени этого штата против любого белого человека"[38].

Хотя Южная Каролина не разрешала в своих судах в полной мере использовать этот принцип,[39] считая свободного цветного человека, рожденного от свободной белой женщины, допустимым свидетелем, тем не менее, при наличии такого законодательства в Огайо и Индиане неудивительно, что Фиск из Нью-Йорка шесть лет спустя не смог доказать свое утверждение, что "цвет кожи - это просто вопрос случайности * * * Все люди рождены свободными и равными"; и что его попытка отклонить поправку Сената к Орлеанскому биллю, т.е. т. е. добавление слова "белый" перед словами "свободные жители мужского пола" при определении электората, должна была быть отброшена Шеффи из Виргинии простым заявлением, что "такие доктрины разрушат гражданские институты Виргинии".[40] Одно дело - протестовать против работорговли, как это делал полковник Мейсон; но, имея около четырехсот тысяч рабов, вдвое больше, чем любой другой штат, Виргиния была готова отстаивать свои права собственности, и эта позиция, похоже, была встречена Конгрессом с молчаливым согласием.

ССЫЛКИ:

[16] Stat. S. C. Vol. 7 pp. 431-448.

[17] Charleston Courier, December 5, 1803.

[18] Ibid. 6 декабря 1803 г.

[19] Там же. December 13, 1803.

[20] S. C. Hist. & Genealog. Mag. Vol. 2, p. 72.

[21] Annual Report American Hist. Ass. 1896, Vol. 1, p. 870.

[22] Charleston Courier, December 26, 1803.

[23] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 148.

[24] Charleston Courier, December 26, 1803.

[25] Ibid. 2 января 1804 г.

[26] City Gazette and Daily Advertiser, December 21, 1803.

[27] Memoirs of Aaron Burr, Vol. 2, p. 270.

[28] Charleston Courier, December 12, 1804.

[29] Ibid. 24 декабря 1804 г.

[30] Charleston Courier, December 2, 1805.

[31] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 534.

[32] Annual Report American Hist. Assn. 1896, Vol. 1, p. 868.

[33] Charleston Courier, December 13, 1805.

[34] Annual Report American Hist. Assn. Vol. 1, p. 878, 1896.

[35] Charleston Courier, December 9, 1805.

[36] Charleston Year Book, 1880, p. 263.

[37] Thomas's Reminiscences, Case Tiffany & Burnham, Vol. 2, p. 35.

[38] К. Л. Мартзолфф, Университет Огайо, 30 ноября 1909 г.

[39] S. C. Reports, Brevard, Vol. 2, p. 145. *Штат против Макдауэлла*.

[40] Charleston Courier, February 27, 1811.

ГЛАВА III

Что касается цветных свободных людей в Соединенных Штатах, которых в 1816 году насчитывалось от 210 000 до 1 550 000 негров-рабов, то, как утверждается в петиции Кентуккийского аболиционного общества в Конгресс, в которой содержалась просьба выделить подходящую территорию в качестве убежища для освобожденных негров и мулатов, "после освобождения им не предоставлялись привилегии свободных граждан и было запрещено эмигрировать в другие штаты и территории"[41].

Конечно, если их показания могли приниматься в судах только в тех случаях, когда они не противоречили интересам белых, как это было в Огайо, Индиане и Иллинойсе, их способность защитить себя от вреда со стороны белых серьезно пострадала, но в то самое время, когда этот маленький ручеек, впадающий в Огайо, был так жестко запружен, негры хлынули в Южную Каролину в таком количестве, что было принято законодательство против их ввоза из других штатов и территорий[42].

Но опять то же стремление к эфемерным выгодам для класса, которого хватило, чтобы свергнуть мудрый закон 1803 года, побудило принять меры по его отмене в 1818 году, и, с прискорбным отсутствием дальновидности, блестящий Джордж Макдаффи возглавил борьбу за отмену закона 1816 года.

По данным переписи 1810 года, цветное население Южной Каролины составляло 200 919 человек, а белое - всего 214 196.

За исключением только что принятой Луизианы, где цветное население составляло 42 245 человек, а белое - 34 311, ни в одном штате Союза не было такого большого количества негров, как в Южной Каролине, пропорционально белому населению. Рост цветного населения штата был настолько ускорен злонамеренными действиями губернатора Ричардсона и его сторонников в 1803 году, что почти в два с половиной раза превысил рост населения Мэриленда, негритянское население которого, как уже отмечалось, было больше, чем в Южной Каролине в 1790 году, и с того дня до 1800 года увеличивалось в большей пропорции по отношению к белому населению, чем в Южной Каролине.

Правда, прирост цветного населения Северной Каролины также был очень велик; но в то же время прирост белого населения был гораздо больше, чем в Южной Каролине, и изначально белых жителей было так много, что они все еще более чем вдвое превышали черных.

Поэтому для значительной и важной части законодателей Южной Каролины зло постоянного увеличения негритянского населения было очевидным, и они под руководством Роберта Й.

Хейна, в то время спикера Палаты представителей, выступили против отмены закона 1816 года.

К сожалению, Хукера не было рядом, чтобы записать свои впечатления от дискуссии, и все, что мы знаем об этой великой борьбе, - это то, что закон 1816 года был отменен после "одной из самых красноречивых и оживленных дискуссий, которые происходили в зале за многие годы."[\[43\]](#) В Сенате отмена была обеспечена только голосованием 22 против 19.

В следующем году в Конгрессе развернулась первая большая секционная борьба по Миссурийскому вопросу, связанному с правом южан переселяться на Северо-Запад со своими рабами, в связи с чем некоторые из них утверждали, что в долгосрочной перспективе такое распространение рабов не увеличит их число и не приведет к расширению рабства, а скорее будет препятствовать его увеличению.

В своей публикации речей обеих сторон редактор "Niles' Register" сожалеет о том, что ему не удалось получить копию речи Уильяма Лоундеса, которая, по всей вероятности, была бы самым ярким изложением взглядов южан, которое можно было бы представить; но речь Такера из Вирджинии действительно выдвигает идею в том виде, в каком она была изложена; в то время как Сержант из Пенсильвании, ведущий оратор со стороны северян, достаточно долго борется с ней, чтобы создать впечатление, что ее придерживался не один. Но больший интерес представляет отчетливая нота расовой неполноценности, которую громко произносит Сержант. Он возражает не только против негров-рабов, но и против негров *как таковых*; ... "Природа наложила на них неизменный отпечаток... Они есть и должны навсегда остаться отдельными"[\[44\]](#).

Сенатор Смит, который своим голосованием в Законодательном собрании Южной Каролины в 1805 году оказал существенную помощь в отмене закона Южной Каролины против импорта африканцев, в то же время нелепо заявив, что он сделал это только потому, что считал невозможным предотвратить его, теперь, в Сенате Соединенных Штатов, отказался от любого компромисса, заявив, что, санкционировав работорговлю в Конституции, федеральное правительство несет ответственность за существующие условия. Но компромисс был достигнут, и в 1820 году Союз, состоявший на тот момент из вдвое большего числа первоначальных тринадцати штатов, урегулировал разногласия по негритянскому вопросу.

С географической точки зрения было очевидно, что черный пояс сполз немного ниже по политическому телу. Общая численность цветного населения Союза составляла 1 771 856 человек, более половины из которых проживали в трех штатах - Вирджинии, Северной Каролине и Южной Каролине. В Вирджинии - 402 031 человек, в Южной Каролине - 265 301, в Северной Каролине - 219 629; всего 886 961 человек. К юго-западу от этого участка и к югу от реки Огайо негритянское население составляло 529 856 человек; но ни в одном штате Союза прирост с 1800 года не был таким огромным, как в Южной Каролине; поскольку при площади и белом населении, составляющем лишь две пятых от площади Виргинии, прирост негритянского населения в двух штатах был практически одинаковым, а именно: 156 538 человек в Вирджинии и 156 457 человек в Южной Каролине. Не может успокаивать и тот факт, что процент прироста того же вида населения в штатах Джорджия, Теннесси и Кентукки был больше; ведь в этих новых штатах он сопровождался еще большим приростом белого населения и основывался на первоначальном негритянском населении, которое было очень мало, по сравнению с населением Южной Каролины в 1800 году. С другой стороны, если сравнивать с Мэрилендом, где число негров изначально было больше, чем в Южной Каролине, а прирост белых за три десятилетия был не столь значительным, то как бы ни был

мал прирост белых, он все же был больше, чем у цветных, и первоначально доля белых была больше.

В силу всех этих причин Южная Каролина вместо Вирджинии становилась штатом, в наибольшей степени связанным с негритянским вопросом, в той части страны, где он становился все более значительным и важным имущественным интересом.

И все же, хотя рост негритянского населения на нижнем Юге, Среднем и Юго-Западе был очень значительным, перепись не дала никаких свидетельств того, что негры перемещаются с Севера на Юг, о чем так часто упоминается. Негритянское население Нью-Йорка увеличилось более чем на 50 процентов, Нью-Джерси - по меньшей мере на 43, Коннектикута - на 40, а Делавэра - на 38. В Пенсильвании за 30 лет прирост составил 200 процентов, и даже в Массачусетсе прирост составил 22 процента. Единственным штатом, в котором произошло сокращение населения, которое можно объяснить переездом в другую часть, был Род-Айленд, но он был недостаточно велик, чтобы его рассматривать, и составлял в общей сложности менее тысячи человек. Однако если рассматривать население южных штатов, то перепись предоставила информацию, вполне оправдывающую предположение о том, что из Вирджинии и Мэриленда в период с 1810 по 1820 год выехало около 30 000 цветных. За это же время цветное население Северной Каролины увеличилось примерно на 40 000 человек; Южной Каролины - на 65 000; Джорджии - на 44 000; Алабамы - на 24 000; Миссисипи - на 16 000; Луизианы - на 35 000; Теннесси - на 37 000; Миссури - на 7 000; Процент прироста: Северная Каролина - 24 процента, Южная Каролина - 32 процента, Джорджия - 42 процента, Миссисипи - 95 процентов, Луизиана - 55 процентов, Теннесси - 80 процентов, Кентукки - 58 процентов, Миссури - почти 300 процентов, причем нет оснований для оценки 42 000 жителей Алабамы.

Эти цифры показывают, что в восемь штатов - Северную Каролину, Южную Каролину, Джорджию, Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Теннесси и Кентукки - из Вирджинии и Мэриленда, а также из других штатов, в среднем на 45 процентов за десятилетие, и с учетом всех разумных поправок на движение из Вирджинии и Мэриленда и Нью-Йорка, из которых не менее трети должно было пойти на Северо-Запад и в Миссури, незаконный импорт должен был продолжаться быстрыми темпами. Итак, если нелегальный импорт имел место, то где он был наиболее вероятен?

В Луизиане, Миссисипи и Теннесси; и там мы видим увеличение почти на 85 процентов, или прибавление к негритянскому населению примерно на 88 000 человек.

Таким образом, эти факты показывают слабость аргумента Юга о том, что распространение рабов не привело бы к расширению рабства. Теоретически это был здравый аргумент, что, распространяясь по стране, рабы и их хозяева будут все больше и больше попадать под влияние, которое будет работать против рабства и за эмансипацию. Но если незаконный ввоз из-за границы достигал значительных масштабов, то предпосылка, на которой основывался аргумент, теряла свою силу, что и произошло, как было показано.

Не убеждает и аргумент профессора Ульриха Боннеля Филлипса, который высказывает мнение, что "значение отмены в 1818 году закона, запрещавшего ввоз рабов из других штатов в Южную Каролину, было преувеличено". Он обосновывает свою точку зрения тем, что "Федеральные переписи населения показывают, что средний темп прироста негритянского населения Южной Каролины в период с 1810 по 1860 год был значительно меньше, чем у негров в целом по Соединенным Штатам", что, по его мнению, "указывает на то, что Южная Каролина в эти полвека была скорее штатом, экспортирующим рабов, чем

импортирующим их, и что запрет на импорт рабов не оказал бы заметного влияния на соотношение темпов прироста ее негритянского населения"[45].

Однако если не будет доказано, что в период между периодами, выбранными профессором Филлипсом, негритянское население Соединенных Штатов не пополнялось извне. Филлипса, тот факт, что темпы роста негритянского населения Южной Каролины были существенно меньше, чем в целом по Соединенным Штатам, не доказывает, что Южная Каролина в этот период была скорее штатом, экспортирующим рабов, чем импортирующим; ведь больший прирост в других штатах вполне мог быть обусловлен импортом в больших объемах из других мест, а то, что он был, утверждали многие, в частности Генри Миддлтон, в Конгрессе, в тот самый год, когда Хейн выступил в Законодательном собрании Южной Каролины против импорта из других штатов.[46] Но помимо этого, еще до этого Южная Каролина стала штатом с самым большим негритянским населением по отношению к белому населению среди всех штатов Союза, и то, что темпы роста ее негритянского населения с этой даты или даже десятилетием ранее, до 1860 года, "были значительно меньше, чем у негров в целом по Соединенным Штатам", объяснялось просто огромным притоком негритянского населения из четырех новых хлопковых штатов: Джорджии, Алабамы, Миссисипи и Луизианы, наложившихся на негритянское население, которое изначально было намного меньше, чем в Южной Каролине. За этот период негритянское население этих четырех штатов увеличилось на 1 384 555 человек, но за то же время белое население увеличилось на 1 438 607 человек; в то время как за тот же период белое и негритянское население Южной Каролины увеличилось соответственно на 53 860 и 147 028 человек. И так трудно было преодолеть этот огромный старт, достигнутый Южной Каролиной в эти первые роковые годы, что в 1860 году превышение цветного населения Южной Каролины над белым составило 121 029 человек, по сравнению с превышением всего в 83 505 человек в Миссисипи, следующей по величине. Несомненно, в период, выбранный профессором Филлипсом, из Южной Каролины выехало много негров-рабов; но и белых было немало; ведь "с 1820 по 1860 год Южная Каролина была ульем, из которого постоянно вылетали рои, чтобы заселить новые растущие хлопковые штаты Юго-Запада", а "в 1860 году в других штатах проживало 193 389 белых, родившихся в Южной Каролине"[47] За полвека средний показатель прироста белых в Южной Каролине составил от 7 до 8 процентов, цветных - 21. В Виргинии и Мэриленде в 1810 году негритянское население составляло 668 515 человек. К 1860 году оно увеличилось на 151 523 человека. В Южной Каролине в 1810 году негритянское население составляло 200 919 человек, к 1860 году оно пополнилось на 212 401 человека, из которых 64 382 человека прибыли в десятилетие отмены закона, запрещающего ввоз из других штатов, а 58 021 человек - в последующее десятилетие. Правда, в следующее десятилетие, с 1830 по 1840 год, прирост негритянского населения Южной Каролины был сравнительно небольшим - всего 11 992 человека, но за ним в следующем десятилетии вновь последовало увеличение на 58 630 человек, в то время как прирост белого населения за те же два десятилетия составил соответственно 2 221 и 15 479 человек.

Но есть и другой способ оценить важность отмены. С притоком населения неизбежно появлялись такие люди, как Дания Весей и Гулла Джек, рабы и свободные негры, чье прошлое было неизвестно, и, согласно отчету законодательного комитета Массачусетса в 1821 году, имевшего дело всего с 6 740 свободными цветными людьми в штате, среди прочих "зол" от них, в частности, появились следующие:

2. Скопление в крупных городах нерадивого, беспорядочного и развращенного населения.
3. Замена собой многие работы и занятия, которые в конечном счете было бы выгоднее поручить белому и коренному населению штата[48].

Из этого, а также из аргументов мистера Сержанта следует, что реальное положение представителей двух секций во время великих миссурийских дебатов никогда не было изложено с абсолютной точностью. Со стороны южан это было утверждение их права носить с собой свою собственность, куда бы они ни отправились в рамках Союза, а со стороны северян - отрицание этого права. Это вызвало спор о том, означает ли расширение и распространение рабства одно и то же. Многие видные деятели Юга утверждали, что процесс распространения рабства должен привести к началу конца рабства, и если бы не было возможности незаконного ввоза рабов, в этом предположении была бы большая заслуга. Но помимо всех этих аргументов со стороны северян, Миссурийский вопрос указывал на противодействие самому присутствию негра, подневольного или свободного, на Северо-Западе. Он был нежелательным жителем.

До этого времени, в основном, позиция государственных деятелей Юга была свободна от секционализма. С другой стороны, Новая Англия проявляла сектантство, и именно депутаты Новой Англии в Конституционном конвенте, объединившись с депутатами Мэриленда, Северной Каролины, Южной Каролины и Джорджии, "заключили сделку", отменив работорговлю таким образом, чтобы практически признать рабство как имущественный интерес, обеспеченный Конституцией. Время, отпущенное работорговле, было достаточно долгим, как и говорил Мэдисон. Как ни велики были темпы роста белого населения, они превышались темпами роста цветного населения в пропорции 90-95 процентов. То, что пророчил полковник Мейсон, также сбылось. В 1787 году он заявил: "Западные народы уже требуют рабов для своих новых земель и заполнят эту страну рабами, если их удастся доставить через Южную Каролину и Джорджию".

Без сомнения, они были получены в большом количестве через Южную Каролину и Джорджию; но также, по всей вероятности, через Луизиану, а если не через Мэриленд и Виргинию, то в некоторой степени из них. Негритянское население на Западе за три десятилетия выросло с 16 322 до 385 825 человек; в то время как семь штатов, Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи и Луизиана, держали около 1 193 732 голов этого вида собственности, представляющих собой инвестиции на сумму около \$477 492 800, которые были отмечены как собственность, поскольку были обложены пошлиной в соответствии с федеральным законодательством до 1808 года. Такой имущественный интерес почти наверняка породил бы секционную политику по его защите, и в утверждении такой политики Южная Каролина, имеющая самую большую долю и самых сильных представителей, естественно, взяла бы на себя ведущую роль.

В результате широкая национальная политика Лоундеса с этого момента постепенно поддавалась влиянию, которое заставило Кэлхуна отойти от нее, несмотря на его усилия сформировать в единую форму национальную и секционную политику, основанную на объявленном признании рабства, вместо или в дополнение к подразумеваемому признанию, обеспеченному конституционным компромиссом или "сделкой" о санкционировании работорговли до 1808 года. По мере того, как Юг объединялся в поддержку рабства, затмевающие размеры его величайшего выразителя отбрасывали в небытие Барнуэлла, Гамильтона и Алстона, которые так ясно осознавали опасности, связанные с его увеличением, и даже уменьшали пропорции таких выдающихся людей, как Лоундес и его преемник Роберт Й. Хэйн.

Пока тариф занимал центральное место на сцене, перемены не были столь очевидны; но после того, как он улегся, после взрыва чувств, вызванного нуллификацией, разделение

между секциями стало явным. С этого периода нижний Юг представлял собой сплошной фронт в защиту рабства под руководством Южной Каролины.

С 1800 года Юг в значительной степени определял политику Республики, а в лице Лоундеса, Чейвза и Кэлхуна Южная Каролина с 1813 по 1820 год оказывала на нее мощное влияние ; но Миссурийский компромисс и избрание Тейлора в 1820 году спикером над Лоундесом ознаменовали начало перемен. Никто не видел этого яснее, чем великий человек, которого победил Тейлор. Его взгляды на состояние дел в это время современник выразил следующим образом: "Северный народ опередил южный и желал видеть правительственные учреждения в руках северян. Этот неизбежный результат мистер Лоундес ясно видел еще сорок лет назад и считал, что Юг должен уступить политическую власть, которой он так долго обладал, когда уже не сможет ее удержать"[49] Ясное суждение Лоундеса открыло ему то, что роковой блеск интеллекта Кэлхуна не позволил ему понять, а именно: что для нужд несовершенного человечества не может быть выстроена идеально симметричная политика. Лоундес свел вместе Уэбстера и Клея и протолкнул тарифный билль 1816 года[50].

В ответ на яростную критику этого законопроекта, утверждавшего, что это худшее, что было сделано со времен всеобщего избирательного права, он просто сказал: "Ни то, ни другое не было в целом хорошим, но лучшим из возможного для того времени". "Он считал, что младенческим отраслям промышленности должна быть предоставлена определенная защита, и что вопрос заключается в том, какая мера защиты им требуется?" Он продолжал: "Мы вынуждены оставить некоторые вопросы потомкам. Мы делаем все возможное с теми, кто приходит к нам, а будущие поколения должны нести свою долю проблем." [51] Поэтому, когда был выдвинут билль Болдуина 1820 года, "он выступил против него на том основании, что повышенные пошлины не были необходимы." [52] Прежде чем был представлен тарифный билль 1824 года, он скончался; но вместо него, чтобы разделить с Вебстером почести великопечной борьбы с ним, Южная Каролина направила в Конгресс Роберта Й. Хейна, которого Бентон восхвалял как: "Из всего молодого поколения будущих государственных деятелей я считаю его самым надежным, наиболее похожим на Уильяма Лоундеса и имеющим все шансы на будущее выдающееся лидерство"[53].

Насколько Хейн соответствовал этому мнению, показывает изучение его достижений. Но хотя такой хороший судья, как покойный Эдвард М. Шепард, в своей "Жизни Ван Бюрена" оценивает усилия Хейна в Сенате против тарифа 1824 года как полностью соответствующие, если не превосходящие, усилия Вебстера в Палате представителей, те историки, которые превозносят речи Вебстера, почти не уделяют им внимания.

Опять же, в то время как почти каждая история подробно рассматривает сенаторские дебаты и подробно останавливается на речи Хейна о Панамской миссии в 1825 году, совершенно не упоминается гораздо более важное выступление по поводу Колонизационного общества в 1827 году. А между тем речь Хейна в его дебатах с Чемберсом по поводу Колонизационного общества - одно из самых важных высказываний, когда-либо сделанных государственным деятелем Юга. Она показывает, каким было преобладающее мнение по негритянскому вопросу до злополучного эпизода с нуллификацией, которым Кэлхун закрепил на Юге убеждение, что рабство в том виде, в котором оно существовало в южных штатах, было благом. В речи, произнесенной в 1827 году, Хейн впервые показал абсурдность схемы перевозки негров в Африку в таком количестве, чтобы повлиять на ситуацию. То, что присутствие негров в стране было злом, он не пытался отрицать, но заявил: "Прогресс времени и событий дает средство от этого зла". Он показал с помощью статистики, что относительный прирост свободного белого населения увеличивается, а цветного, как подневольного, так и свободного, уменьшается, и что "пока идет этот процесс, цветные

постепенно рассеиваются по стране и делают устойчивые успехи в интеллекте и утонченности, и если бы в улучшении их положения проявлялась половина того рвения, которое тратится на напрасные и бесплодные усилия по их отправке за границу, их интеллектуальное и моральное совершенствование было бы устойчивым и быстрым." [54] Почему это высказывание лидера своей партии в Сенате никогда не упоминается историками? Потому ли, что оно требует изучения состояния негров в северных и западных штатах в этот период и в течение двадцати последующих лет? Трудно сказать. Но с этого времени вопрос изменился. Подчинив ему тариф и интерес к развитию железных дорог, с учетом условий, созданных нуллификацией к 1833 году, штат Южная Каролина, а к 1839 году и весь Юг, был привержен взглядам Кэлхуна: "Наша судьба как народа связана с этим вопросом. Если мы уступим, нас уничтожат; но если мы будем успешно сопротивляться, мы станем самым великим и процветающим народом современности". Это лучший в мире субстрат населения, на котором можно легко и безопасно вырастить великие и процветающие Содружества". [55] И этой политике "негритянского субстрата населения" были подчинены и тарифы, и развитие железных дорог Юга до самой смерти Кэлхуна, когда Джорджия, опередив Южную Каролину в людях и материалах, заняла место лидера, которое Южная Каролина уже не могла занять, и с амбициозным планом принуждения к рабству в Тихом океане за десять лет привела к Войне между штатами.

ССЫЛКИ:

[41] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 67.

[42] Statutes of S. C. Vol. 7, p. 451.

[43] Charleston Courier, Dec. 22, 1818. Jervey, Hayne, p. 80.

[44] Niles' Register, Vol. 18, p. 383.

[45] American Hist. Review, Vol. 15, No. 3, p. 630.

[46] Suppression of Slave Trade, DuBois, p. 124.

[47] McCrady, S. C. Under Proprietary Govt. p. 1.

[48] Studies American Race Problem, Stone, p. 57. Robert Y. Hayne & His Times, Jervey, p. 114.

[49] Grayson, Memoir of James L. Petigru, p. 116.

[50] City Gazette, Sept. 16, 1820.

[51] Ravenel, Life & Times of William Lowndes, p. 154-5.

[52] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 112.

[53] Benton, Thirty Years View, Vol. 2, p. 188.

[54] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, pp. 205-209. Abridgment of Debates of Congress, Vol. 9, p. 303, *et seq.*

[55] Calhoun's Correspondence, p. 368.

ГЛАВА IV

Как уже было показано, через девять лет после безуспешной борьбы за ограничение разрастания негритянского населения в своем штате Роберт Й. Хейн в Сенате Соединенных Штатов изложил свои взгляды на этот класс нашего населения применительно ко всей стране. Но прежде чем обсуждать это далее, следует отметить, что повторная попытка в 1822 году снова потерпела поражение узким, но эффективным большинством в девять голосов, что вызвало пессимистическое заявление губернатора Южной Каролины Беннета:

"Зло неизбежно, и мы можем лишь неуклонно следовать курсом, указанным суровой необходимостью и не менее суровой политикой"[56].

Таким образом, последняя мирная попытка решить негритянский вопрос была предпринята по другой линии. В связи с великой промышленной работой, в которой он буквально свою жизнь, в 1839 году, речь Хейна в Сенате Соединенных Штатов в 1827 году является наиболее показательной. По этому случаю он сказал:

"История этой страны доказала, что, когда относительная доля цветного населения по отношению к белому сильно уменьшается, рабы перестают быть ценными, за чем, естественно, следует эмансипация, и они поглощаются общей массой. Везде, где свободный труд применяется в полной мере и успешно, рабский труд перестает быть выгодным. Правда, это очень постепенная операция, и она должна быть такой, чтобы быть успешной или желательной"[57].

Не была ли ирония судьбы в том, что, когда этот оратор позже, в 1839 году, умирал в Эшвилле, Северная Каролина, в то время как шла многословная война за его великую железную дорогу на Запад, критика должна была быть "направлена против контрактов, заключенных с плантаторами для выполнения с использованием рабского труда" главным лейтенантом этого великого южнокаролинца, который всего за год до этого, отказываясь от участия в этом предприятии, восхвалял негров-рабов как "лучший в мире субстрат населения?"

Полковник Гадсден, с этого времени все больше и больше становившийся доверенным лицом Кэлхуна, пока они не расстались из-за кандидатуры Тейлора на пост президента, спросил:

"Почему работа не была передана северным подрядчикам, которые предложили выполнить ее по цене на 12½-15 процентов дешевле? Ответ был исчерпывающим. Плантаторы возражали против того, чтобы привозная свободная рабочая сила контактировала с их рабами. Это было прискорбно, но компания не могла враждовать с элементом, который практически контролировал государство; кроме того, во многих случаях они предоставляли право на прокладку дороги. Но еще дальше, когда главный инженер получил слово, он оспорил правильность обвинения"[58].

Между 1830 и 1840 годами два южных штата, Южная Каролина и Мэриленд, лидировавшие в Союзе по развитию железных дорог, пытались наладить железнодорожное сообщение с Северо-Западом. Сравнение условий, в которых они находились до и после 1810 года, позволяет предположить одну из причин, по которой один из них преуспел, а другой потерпел неудачу.

С 1790 по 1810 год белое население Мэриленда увеличилось с 208 649 до 235 117 человек, или примерно 11,10 процента. За те же двадцать лет белое население Южной Каролины выросло со 140 178 до 214 196 человек, или примерно на 51,20 процента. Совершенно верно, что за тот же период негритянское население Южной Каролины выросло с 108 805 до 200 919 человек, или на 85,6 процента, а население Мэриленда - с 111 079 до 145 129 человек, или всего на 30,07 процента. Однако, если учесть, что площадь Южной Каролины в два с половиной раза превышала площадь Мэриленда, то если бы усилия, предпринятые в 1816 и 1822 годах для прекращения ввоза негров извне, увенчались успехом, экономическое положение Южной Каролины в 1830-1840 годах могло бы быть более прочным. Действительно, в 1822 году генерал Томас Пинкни заявил, что дешевый негритянский труд уже тогда неуклонно подрывал класс белых ремесленников в Южной Каролине.^[59] Он был достаточно патриотичен, чтобы так заявить, хотя его собственный старший брат был более, чем кто-либо другой, ответственен за это зло.

За три десятилетия, последовавшие за 1810 годом и завершившиеся смертью Хейна и разрушением его пятилетних усилий по обеспечению Северо-Западного железнодорожного сообщения, цветное население Мэриленда, которому оно было обеспечено, увеличилось всего на 6 396 человек, с 145 429 до 151 815, в то время как белое население за тот же период выросло с 235 117 до 318 204, то есть на 83 087 человек. В Южной Каролине за это же время белое население, выросшее с 214 196 до 259 344, увеличилось всего на 44 883 человека, что примерно в два раза меньше, в то время как негритянское население выросло с 200 314 до 335 344, или на 134 395 человек, что примерно в двадцать раз, чем в Мэриленде. В свете несправедливой критики, направленной против железной дороги Южной Каролины, разве не оправдывает себя послание губернатора Пола Гамильтона в 1804 году законодательному собранию Южной Каролины?

"Если рассматривать ее со стороны населения, то она увеличивает нашу слабость, а не силу, ибо следует признать, что, увеличивая число рабов, вы препятствуете притоку тех людей, которые могли бы увеличить средства обороны и безопасности"^[60].

Как наши забытые великие люди боролись за то, чтобы избежать рубашки Несса! Кто помнит, что Гамильтон был достаточно велик, чтобы стать министром военно-морского флота? Под великим деревом Южной Каролины все другие величия чахли, и к 1840 году имущественные интересы негров стали настолько огромными, что не только парализовали другие отрасли, которые при любом воображении могли бы угрожать их эффективности, но и повлияли на общественное мнение в такой степени, которая сейчас кажется едва ли правдоподобной.

Мнение Кэлхуна, высказанное в 1838 году, о том, что негр представляет собой "лучший в мире субстрат для населения и тот, на котором можно легко и безопасно возвращать содружества"^[61], было не единственным на Юге в то время. Большое собрание деловых людей Юга в Огасте, штат Гавайи, в 1838 году официально заявило:

"Что из всех социальных условий жизни человека, наиболее благоприятных для развития кардинальных добродетелей сердца и благороднейших способностей души, для содействия частному счастью и общественному процветанию, являются рабовладельческие общины при свободных политических институтах"^[62].

Даже сам Хейн, несмотря на осознание того, что Южная Каролина расточительно обрабатывает свою землю, был настолько затронут огромными интересами, связанными с рабством, и страшным потрясением от любых беспорядков, которыми грозили аболиционисты в 1835 году, что заявил тогда:

"Рабство, в том виде, в каком оно сейчас существует в южных штатах, которое, как мы все чувствуем и знаем, необходимо для процветания и благополучия, а может быть, и для самого существования штатов, так мало понимают в других частях Союза, что в последнее время оно подвергается нападкам в духе, который угрожает, если его не остановить быстро, привести в конечном итоге к разрушению Союза и всем тем бедам, которые должны сопутствовать столь прискорбному событию"[63].

К 1838 году условия достигли такого развития, что отмена рабства могла произойти только одним из двух способов: либо мирным путем, через медленный процесс изменения промышленных условий, либо быстро и насильственно, как военная мера; поэтому, когда Кэлхун отказался от поддержки железной дороги Хейна на Северо-Запад в 1838 году, разумным курсом было бы подготовиться к неизбежному конфликту.

Мы уже упоминали о "черных законах" Огайо, которые имели свои аналоги в Индиане и Иллинойсе, и ссылались на отчет Законодательного комитета Массачусетса в 1821 году как на свидетельство того, что чувствовали на Севере и Северо-Востоке в отношении негра как гражданина, и, если мы рассмотрим условия в Средних штатах в этот период, мы найдем их едва ли отличающимися. По мнению самого высокообразованного представителя негритянской расы в Соединенных Штатах, в Филадельфии условия были следующими:

"К 1830 году чернокожее население города и округа увеличилось до 15 624 человек, что на 27 процентов больше, чем за десятилетие 1820-1830 годов, и на 48 процентов больше, чем в 1810 году. Тем не менее рост города намного опережал этот показатель; к 1830 году в округе проживало почти 175 000 белых, среди которых быстро увеличивался контингент из 5000 иностранцев. Расовая антипатия была настолько сильна среди низших слоев населения, и так сильно ее поддерживали средние и высшие классы, что в 1829 году началась серия беспорядков, направленных главным образом против негров, которые часто повторялись примерно до 1840 года и полностью прекратились только после войны"[64].

На эту дату, 1840 год, в десяти из одиннадцати штатов, которые впоследствии составили Конфедерацию, насчитывалось 3 311 117 белых и 2 267 319 негров; и в трех из них, Южной Каролине, Миссисипи и Луизиане, белые были в меньшинстве, и они, следовательно, лучше всего представляли состояние, которое восхвалял Кэлхун в 1838 году[65].

При таких взглядах Кэлхуна было бы более естественно, если бы он считал "хамством" великую железнодорожную инициативу Хейна, основанную в какой-то степени на убеждении последнего, что "везде, где свободный труд в полной мере и успешно используется, рабский труд перестает быть выгодным". Железная дорога, соединяющая Цинциннати с Чарльстоном, несомненно, имела бы тенденцию к "полному и успешному использованию свободного труда", и рабский труд, становясь все более и более выгодным, постепенно перестал бы существовать в этом регионе.

И все же следует признать, что величайший писатель и мыслитель, когда-либо рассуждавший об Америке, рассматривая условия того времени, будучи категорически противником рабства, практически поддержал взгляды Кэлхуна. Подводя итог своим выводам в 1838 году, де Токвиль пишет

"Размышляя о состоянии Юга, я могу обнаружить только две альтернативы, которые могут быть приняты белыми жителями этих штатов: либо эмансипировать негров и смешаться с ними, либо оставаться изолированным от них, чтобы держать их в состоянии рабства так долго, как это возможно. Все промежуточные меры, как мне кажется, могут закончиться, и

притом очень скоро, самой ужасной из гражданских войн и, возможно, истреблением одной или другой из двух рас"[66].

Время, однако, доказало, что и де Токвиль, и Кэлхун ошибались.

Если в 1810 году негритянское меньшинство составляло 13 277 человек, то в 1840 году перепись населения Южной Каролины показала негритянское большинство в 76 230 человек, то есть превышение негритянского населения над белым более чем в два раза по сравнению с Луизианой и в четыре раза по сравнению с Миссисипи.

В 1843 году для лучшего контроля над этим "лучшим в мире субстратом населения"[67] всего через пять лет после его открытия Генеральная ассамблея Южной Каролины приняла следующий закон:

"Да будет постановлено Сенатом и Палатой представителей, ныне собравшимися и заседающими, и властью оных: что с момента и после принятия сего закона любой раб или свободный цветной человек, который совершит нападение на белую женщину с целью изнасилования, будучи осужден за это, должен подвергнуться смертной казни без помощи духовенства"[68].

Для белых, по-видимому, не было необходимости повышать квалификацию преступления по сравнению с мисдиминором. Но если вышеупомянутый закон не был достаточным подтверждением противодействия Барнуэлла, Пола Гамильтона, Алстона и Хейна дальнейшему увеличению негритянского населения Южной Каролины, то сам Кэлхун предоставил нечто вроде аргумента против "лучшего субстрата" своим заявлением всего через девять лет после его открытия:

"Мы знаем, на что идем, мы предвидим, что нас ждет, и не движемся ни с какой другой целью, кроме как защитить нашу часть Союза от величайшего из бедствий - не от восстания, а от чего-то худшего. Я вижу конец, если процесс будет продолжаться без сопротивления; он заключается в том, чтобы со временем изгнать белое население южных штатов и оставить негров во владении"[69].

Если это правдивая картина условий в 1847 году, какими бы черными мы ни считали аболиционистов того времени, очевидно одно: не имея такой массы "лучшего субстрата населения", на который можно было бы опираться, аболиционисты не смогли бы осуществить то, чего опасался Кэлхун: Следовательно, государственная мудрость Уильяма Смита, Макдаффи и Кэлхуна, благоприятствовавшая и способствовавшая ее накоплению, в этом смысле уступала государственной мудрости Пола Гамильтона, Барнуэлла, Алстона и Хейна, пытавшихся остановить рост. Но это не было очевидно для Юга в 1850 году, и сомнительно, чтобы это было общепризнанно даже сегодня; ведь интерес окрашивает мнение, и дешевый труд негров все еще стоит на первом месте для многих людей на Юге, так же как и труд нищих европейцев для многих на Севере. И Север, и Юг ясно видят соринку в глазу своего брата, но не видят бревна в своем собственном глазу.

По данным переписи 1850 года, население 33 штатов, составляющих Союз, составило 22 969 603 человека, разделенных следующим образом: В 19 свободных штатах - 13 230 231 белый; 213 346 свободных цветных; 2 536 рабов. В 14 рабовладельческих штатах было: 6 113 068 белых; 210 085 свободных цветных; 3 200 590 рабов. Это означало, что Юг вложил в этот вид собственности 1 280 200 000 долларов. В пересчете на денежную стоимость и численность населения в то время это была огромная сумма.

В том же году "Демократическое обозрение" опубликовало статью, которая была переиздана в "Чарльстон Меркьюри" и получила высокую оценку этой газеты. В этой статье изложены определенные претензии, представляющие значительный интерес:

Во-первых, что:

"Положение дел полностью изменилось с тех пор, как генерал Пинкни на конвенте согласился с предложением, дающим Конгрессу право принимать законы, регулирующие торговлю, простым большинством голосов, на том основании, что это благодеяние, предоставленное Северу в связи с необходимостью, которую слабый Юг испытывал к сильному Северу в качестве соседа. Тогда торговля хлопком почти не существовала, но с тех пор этот материал превратился в паутину, связывающую коммерческий мир с интересами Юга"[70].

Также приводились цифры, показывающие, что число свободных негров в рабовладельческих штатах увеличивалось по сравнению с числом рабов, и что было заметно, что они не эмигрировали из рабовладельческих штатов, где, как утверждалось, они должны были со временем вытеснить рабов в качестве слуг; а законы Огайо указывали на противодействие не рабству, а присутствию негров, которое, как утверждалось, значительно замедлило эмансипацию. В этих утверждениях истина смешивалась с заблуждением.

Что касается нежелания жителей Массачусетса, Пенсильвании, Огайо, Индианы и Иллинойса допускать цветных в качестве резидентов, то в этом нет никаких сомнений вплоть до настоящего времени, хотя признаки изменения настроений налицо. Одним из примеров этого является отмена "черного закона" в Огайо. Когда на 1 955 059 белых приходилось всего 25 279 цветных, суровые положения, затыкавшие рты этим несчастным при спорах с белыми в так называемых судах справедливости, по мнению белых жителей Огайо, можно было смело отменить, и они были отменены в 1848 году. Возможно, верно и то, что свободные негры не эмигрировали из рабовладельческих штатов; но то, что в этом регионе они набирали рабов и что существовала хоть какая-то разумная возможность вытеснить их в качестве слуг, не подтверждается результатами переписи населения.

Демократическое обозрение утверждает, что если в 1800 году в рабовладельческих штатах насчитывалось 61 441 свободный цветной человек против 73 100 в свободных штатах, то к 1830 году пропорции составляли 182 070 в рабовладельческих штатах против 137 525 в свободных штатах, а к 1840 году пропорция увеличилась до 215 568 против 172 509. Но эти данные кажутся неточными. По данным переписи 1800 года, в рабовладельческих штатах насчитывалось 52 188 свободных цветных людей, а в свободных - 55 464, а к 1830 году их число в рабовладельческих штатах, правда, превысило число в свободных штатах, составив соответственно 160 063 против 153 384. Однако, независимо от того, было ли это следствием восстания Ната Тернера в 1831 году или аболиционистской бури 1835 года, к 1840 году произошли изменения: в том году соотношение составляло 190 285 человек в рабовладельческих штатах и 187 647 человек в свободных штатах, которое, как уже было показано ранее, к 1850 году изменилось на 210 085 человек в рабовладельческих штатах и 213 346 человек в свободных штатах.

В то же время можно отметить, что если численность негров в Соединенных Штатах с 1840 года увеличилась более чем на 28 процентов, то численность вольноотпущенников за это же время выросла менее чем на 13 процентов.

В свободных штатах Нью-Йорк, Нью-Гэмпшир, Вермонт и Коннектикут численность свободного цветного населения сократилась на 1 402 человека. В рабовладельческих штатах Луизиана и Миссисипи оно сократилось на 8 174 человека, а штат Юга, в котором проживало более четверти всего населения южных штатов, Вирджиния, выделял на их переселение 30 000 долларов в год[71].

Таким образом, Юг, очевидно, был привержен институту африканского рабства, и в защиту его некоторые поборники были достаточно дики, чтобы отбросить вопрос о неполноценности негритянской расы и утверждать, "что рабство, будь то черное или белое, является нормальным, правильным институтом в обществе"[72].

Английская газета "Ричмонд, штат Вирджиния, Инкуайер", "Маскоги, штат Ала, Геральд", "Нью-Орлеан, штат Лас, Дельта" и "Чарльстон, штат Северная Каролина, Стандарт" цитируют английского писателя, чьи работы появились в печати около 1855 г.[73] Три первые из них подтверждают это необычное утверждение; четвертая же призывает к возрождению работорговли.

Даже если комментарии этих газет правильно процитированы, они не свидетельствуют о преобладающих настроениях на Юге в то время; ведь публикация в Чарльстоне и прием работы доктора Джона Бахмана о "Единстве человеческой расы" в определенной степени свидетельствуют об обратном.

Но то, что Юг был позитивно, безоговорочно и даже агрессивно привержен институту африканского рабства, неоспоримо.

Но так было не всегда. Перемены начались в 1833 году, когда газета Charleston Mercury заявила: "Институт рабства - это не зло, а благо". Эта газета и раньше признавала, что в прошлом южане придерживались противоположного мнения, но в 1833 году утверждала, что даже в Вирджинии и Северной Каролине:

"Большая масса южан не признает, что южное рабство - это зло, которое следует презирать"[74].

И поскольку аппетит растет от того, чем он питается, в 1855 году газета The Richmond Examiner заявила:

"Это все галлюцинации, что мы когда-нибудь избавимся от африканского рабства, или что это когда-нибудь будет желательно сделать. Истинная филантропия по отношению к неграм начинается дома; и если каждый южанин будет вести себя так, словно на небесном пологое огненными буквами начертан завет, что негр здесь и здесь навсегда; это наша собственность и наша навсегда; он никогда не будет эмансипирован; что он должен все свои дни находиться на тяжелой работе и в жестком подчинении и никогда не должен уезжать ни в Африку, ни в Полинезию, ни на землю янки, - что гораздо хуже, чем то и другое, - за пять лет они сделают для расы больше хорошего, чем, как они хвастаются, сам институт сделал за два столетия."[75]

И все же, как бы экстремально это ни было, вполне вероятно, что экстравагантность и несправедливость заявления против рабства в южных штатах побуждала тех, кто его поддерживал, к столь же экстравагантным высказываниям.

В начале 1850 года в Конгресс была внесена резолюция законодательного собрания штата Вермонт, которая гласила:

"Рабство - это преступление против человечности и тяжкое зло для политического тела, которое было оправдано создателями Федеральной конституции как преступление, возложенное на страну их предшественниками, и терпимо исключительно как вещь неумолимой необходимости"[76].

Как, должно быть, чувствовали это южане, нам сегодня почти невозможно оценить. Это был не только обвинительный акт против Юга в суде, где не было предусмотрено судебное разбирательство; он заканчивался лицемерной ложью, поскольку рабство не было "терпимым исключительно как вещь неумолимой необходимости". Вопрос о том, можно ли повлиять на существующее положение дел, разрешив на некоторое время увеличить количество рабов за счет импорта, существовал во всех штатах, кроме Массачусетса, и был решен вместе с пунктами, касающимися налогов на экспорт и Навигационного акта, чтобы они могли "составить сделку между Северным и Южным штатами".

Это предложение Губернера Морриса из Пенсильвании было принято голосами семи из одиннадцати штатов, участвовавших в конвенте, при трех против и одном воздержавшемся от голосования, один из делегатов которого поддержал предложение Пинкни об увеличении срока, разрешающего ввоз, за которое он вместе с одним из противников обязательства проголосовал; таким образом, за фактическое рабство с правом увеличивать его за счет работорговли проголосовали девять из одиннадцати участвовавших штатов.

Вермонтская резолюция ничего не дала; но ни одному человеку в Конгрессе она не могла нанести такую рану, какую нанесла Кэлхуну. Для него резолюции имели огромное значение, и все же он никогда не был готов сопровождать их принятием законов. Наконец-то он оказался в руках той силы, которая побеждает все, кроме Бога. Прошло двенадцать лет с тех пор, как ему пришлось выбирать между политикой Хейна, основанной на стремлении связать тесным торговым общением ведущие западные и южные штаты, проведя железную дорогу из Огайо в Южную Каролину, и резолюцией Ретта - внести изменения в Конституцию или расторгнуть Союз.

Ни на то, ни на другое он согласиться не мог. Вместо предложенной Хейном связи с Огайо через Северную Каролину он заменил связь с Арканзасом через Джорджию.

На предостережение ближайшего окружения о том, что "лучше расстаться мирно, чем жить в состоянии нерешительности", он мог ответить лишь туманным намеком на:

"Многочисленные кровоточащие поры, которые нужно пройти ножом через политическое тело, чтобы сделать из одного два, которые так долго были связаны друг с другом столькими узами, политическими, социальными и торговыми"[77].

В этой декларации безошибочно прослеживаются сильные чувства к Союзу, но также и некоторая нерешительность; ведь что могло быть более практическим применением учения Кэлхуна, чем поправка Ретта к биллю Слейда об отмене рабства в округе Колумбия? Это была резолюция, на которую можно было опираться в решительных действиях. Прошло двенадцать лет, ничего не было сделано, и вот теперь появилась резолюция законодательного собрания Вермонта. В первом шоке, который она ему нанесла, Кэлхун был несправедлив к своим собственным последователям. Он сказал:

"Господин президент, я не собирался говорить ни слова на эту тему. Я долгое время добросовестно трудился над пресечением посягательств Севера, с самого начала я видел, чем это закончится и должно закончиться; и я отчаялся, что когда-нибудь увижу, как это закончится в Конгрессе. Она дойдет до конца, ибо джентльмены уже поддались течению Севера, которому, как они признают, они не могут противостоять, сэр, что будет делать Юг - не мне судить. По моему мнению, они встретят это так, как должно быть встречено"[78].

Месяц спустя он рассмотрел политическую ситуацию в самом тщательном и глубоком анализе, его последняя большая речь, прочитанная для него сенатором Мейсоном из Вирджинии. "Как можно сохранить Союз?". Пытаясь дать "ответ на этот великий вопрос", он утверждал, что недовольство Юга вызвано тем, что политическая власть была отнята у этой части населения и передана Северу, причем не по естественным причинам, а в результате принятия законов, которые можно разделить на три категории: первая - исключение из общей территории; вторая - система доходов, при которой непомерная часть налогового бремени возлагалась на Юг, а доходы от него присваивались Севером; третья - система мер, изменивших первоначальный характер правительства. В результате, утверждал он, произошел переход от конституционной федеративной республики к деспотии численного большинства, когда под угрозой оказался вопрос, имеющий жизненно важное значение для меньшинства:

"Отношения между расами в южной части... которые нельзя разрушить, не подвергнув обе расы величайшему бедствию, а часть - нищете, запустению и убогости"[79].

Правильно или нет, но первая из этих претензий была урегулирована Миссурийским компромиссом 1820 года, с которым Юг согласился. Второе Кэлхун сам взялся исправить в 1832 году, и если это не удалось, то в какой-то мере из-за его неспособности достаточно точно определить ситуацию на тот момент.

Начиная с 1827 года Юг прилагал усилия по восстановлению своего могущества и увеличению численности населения, восстановлению своего ослабевающего политического влияния и укреплению своей коммерческой мощи по двум направлениям. Одно из них заключалось в пересмотре тарифов, другое - во внутреннем благоустройстве посредством развития железных дорог. Первый вариант, несмотря на весь интерес, который он вызвал, и великолепную судебную экспертизу, которую он породил, не только оказался досадным провалом в своем лечебном эффекте, но и, вполне вероятно, несколько усугубил трудности, которые мешали второму варианту. Что касается первого, то Кэлхун разработал план и взял на себя ответственность, осуществив проект нуллификации, с помощью которого он добился перевода Хейна на пост губернатора штата Южная Каролина из Сената Соединенных Штатов, куда он сам отправился с почти посольскими полномочиями. Влияние Нуллификации на тариф следует проанализировать до рассмотрения железнодорожной кампании, в которую Кэлхун не мог не вмешаться, что привело к самым неутешительным результатам для тех, кого он побудил принять его точку зрения и отказаться от мнения его верного друга и сторонника, ставшего в результате Ноксвильской конвенции 1836 года гораздо более основательным коммерческим лидером Юга, чем Кэлхун, когда-либо ставший его политическим проводником.

Мистер Джон Б. Кливленд в своем памфлете "Спор между Джоном К. Кэлхуном и Робертом Й. Хейном" утверждает:

"Не может быть никаких сомнений в искренности намерений или целостности характера мистера Кэлхуна. В то же время, как принято говорить, "он был тверд в своих идеях" и не выносил оппозиции"[80].

По многим вопросам он мог менять и менял свои взгляды, но все эти изменения, похоже, происходили от определенного развития самого человека, а не от какого-либо контакта с другими. Он был настолько уверен в своих силах, что никогда не мог извлечь пользу из осознания своих ошибок. Если бы в одной из величайших хвалебных речей, когда-либо произнесенных великим последователем над великим лидером, можно было бы утверждать, что:

"Истина, история и он сам должны заявить, что он оказал мощное содействие в придании силы мнениям и созданию систем, которые оказались серьезно вредными для Юга и, возможно, для стабильности существующего Союза"[81].

Критическое исследование провала Кэлхуна в пересмотре тарифа не может быть лишним; ведь именно для обеспечения правильного его составления и была начата Нуллификация. Позже мы можем рассмотреть железную дорогу.

ССЫЛКИ:

[56] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 135.

[57] Ibid. p. 208. Abridgment of Debates of Congress, Vol. 19. p. 303 *et seq.*

[58] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 511.

[59] Ibid. p. 130.

[60] Charleston Courier, Dec. 2, 1805.

[61] Calhoun's Correspondence, p. 368.

[62] Charleston Courier, April 9, 1838.

[63] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 389.

[64] DuBois; The Philadelphia Negro, p. 26.

[65] Calhoun's Correspondence, p. 368.

[66] Tocqueville: Democracy in America, Vol. 2, p. 245.

[67] Calhoun's Correspondence, p. 368.

[68] Statutes of S. C. Vol. XI, p. 279.

[69] Pinckney: Life of Calhoun, p. 161.

[70] Charleston Mercury, Feb. 15, 1850.

[71] Ibid.

[72] Chambers: American Slavery & Color, p. 1.

[73] Ibid, pp. 1-2.

[74] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 366.

[75] Chambers; American Slavery & Color, p. 7.

[76] Charleston Mercury, Jan. 12, 1850.

[77] Calhoun's Correspondence, p. 391.

[78] Charleston Mercury, Jan. 12, 1850.

[79] Pinckney; Life of Calhoun, pp. 167-181.

[80] Cleveland; Controversy between Calhoun & Hayne p. 7.

[81] Hammond; Oration on Calhoun, Press of Walker & James 1850, C. L. S. Vol. XV p. 23.

ГЛАВА V

Эпизод с нуллификацией обычно рассматривается как борьба между Джексоном и Кэлхуном. По внешним признакам это было противостояние между президентом и штатом Южная Каролина; но по сути это была борьба между Кэлхуном и Клеем.

Позиция Генри Клея в 1833 году стала испытанием всех сил этого великого политика. В предыдущем году он жестко отверг поправку Хейна к своему тарифному законопроекту, приняв свою собственную точку зрения в сочетании с угрозой принуждения. Однако его закон был аннулирован штатом Южная Каролина под руководством Хейна, а сам он с большим перевесом победил на президентских выборах Джексона, который, угрожая принуждением в Южной Каролине, тем не менее сделал поправку Хейна к тарифу основой своей собственной рекомендации по этому вопросу для Конгресса. В Палату представителей был внесен законопроект о восстановлении пошлин по шкале 1816 года. Что мог сделать Клей, чтобы оправдать себя и свое дело? В Сенат, на освободившееся место Хейна, вернулся "старый товарищ Клея по оружию с практической доверенностью от непокорного штата"[82].

Клей сразу же вступил в переговоры с самим Кэлхуном и представил в Сенат законопроект, два принципа которого, а именно "предоставить время производителям и предусмотреть *адвалорную* пошлину", Кэлхун одобрил, и законопроект был передан в специальный комитет в составе: Клей, Клейтон, Кэлхун, Грюнди, Уэбстер, Ривес и Даллас.

Затем появился законопроект о сборе доходов, поддержанный тридцатью двумя сенаторами и принятый только семью, кроме Кэлхуна, и великий политик из Кентукки надежно запутал Кэлхуна в своих сетях. Вопреки протестам последнего, он внес в свой тарифный законопроект поправку, согласно которой при оценке импортных товаров "оценка должна производиться в том порту, в который товар был ввезен". Кэлхун утверждал, что это было бы большой несправедливостью по отношению к Югу, поскольку цены на товары в северных городах были бы дешевле, чем в южных, а оценка на родине давала бы предпочтение первым.[83] Но именно это предлагал и был намерен сделать Клей, и хотя Уэбстер и Силсби от Массачусетса, Хилл от Нью-Гэмпшира, Даллас от Пенсильвании и Кейн и Бентон от Миссури поддержали Кэлхуна, он, очевидно, опасаясь разрушить свой компромисс с Клеем, уступил этот жизненно важный пункт. Чтобы рассмотреть все, что было связано с капитуляцией Кэлхуна, необходимо вернуться в прошлое и рассмотреть некоторые политические взгляды, исходящие от самого могучего интеллектуала Южной Каролины.

До принятия Конституции Соединенных Штатов и после заключения мира между Великобританией и Штатами стоимость импорта из Великобритании в Америку превышала стоимость экспорта из Америки в Великобританию почти в три раза, а объем торговли между двумя странами был почти в десять раз больше, чем между Штатами и остальным миром. Такое положение дел привело Америку не к процветанию.

Государственный деятель, внесший наибольший вклад в создание Конституции, Чарльз Пинкни, добиваясь ее ратификации в своем штате, среди прочего сделал следующее примечательное заявление:

"Внешняя торговля - один из врагов, против которого мы должны быть крайне осторожны, более чем против любого другого, поскольку ни один из них никогда не будет иметь более неблагоприятного действия. Я считаю ее корнем нашего нынешнего общественного бедствия, а также обильным источником, из которого будут проистекать наши будущие национальные бедствия, если не будет предпринято больших усилий для их предотвращения"[84].

Тридцать лет спустя он предупреждал Конгресс в том же духе, "что страна, занимающаяся в основном сельским хозяйством и не имеющая шахт по добыче драгоценных металлов, не может иметь импорт, значительно превышающий экспорт, без финансового бедствия"[85].

Со времен Союза до первого эмбарго и войны 1812 года огромное преобладание стоимости импорта значительно сократилось - с почти трехкратного до двадцатипятипроцентного превышения; но за два года, последовавших за заключением мира, его стоимость возросла почти вдвое по сравнению с экспортом. При тарифе Лоундеса 1816 года они снова упали до превышения всего лишь около двадцати процентов к 1821 году[86].

С этого периода и до компромисса 1833 года они еще больше снизились до превышения примерно на восемь процентов; стоимость экспорта за эти двенадцать лет составила 934 287 320 долларов, а стоимость импорта - 1 007 853 830 долларов, то есть общее превышение стоимости импорта за двенадцать лет составило 73 566 502 доллара.

Рассматривая штаты, через которые проходила эта торговля, мы видим, что в Массачусетсе за этот период стоимость экспорта составила 125 378 462 доллара, импорта - 182 861 825 долларов. Пенсильвания, экспорт - \$86 062 157; импорт - \$139 891 027. Мэриленд, экспорт - \$53 048 043; импорт - \$56 860 616. Нью-Йорк, экспорт - \$267 371 444; импорт - \$473 671 382. Превышение импорта в северных портах составляет \$321 000 000.

Теперь возьмем южные штаты за тот же период, и обнаружим, что Вирджиния, экспорт, 47 535 525 долларов; импорт, 7 093 499 долларов. Южная Каролина, экспорт, \$93 018 377; импорт, \$20 625 049. Джорджия, экспорт - \$56 167 842; импорт - \$5 828 581. Алабама, экспорт, \$14 897 425; импорт, \$1 631 343. Луизиана, экспорт, \$138 670 081; импорт, \$68 321 568. Избыток экспорта составил 247 000 000 долларов[87].

Таким образом, хотя большая сумма денег с Юга могла быть потрачена на северные мануфактуры, значительная часть также уходила на импорт товаров через северные рынки.

Пересмотр тарифа должен был исправить обе ошибки.

Но в результате за неполные шесть лет превышение стоимости импорта над экспортом по всей стране удвоилось, и это без заметного прироста экспорта Вирджинии и лишь

незначительного, учитывая агитацию, прироста Южной Каролины; или в полном состоянии, которое, даже с большим приростом Джорджии, все равно оставляло южноатлантические штаты в импортной и экспортной торговле далеко позади штатов Персидского залива, более быстро развивающихся и питаемых великим водным путем Миссисипи.

Но именно при рассмотрении состояния северных штатов после 1833 года наиболее наглядно проявилась абсолютная неэффективность пересмотра тарифа, призванного в то время исправить недостатки торговли. Даже при снижении экспорта Массачусетс за шесть лет ввез товаров на сумму, равную стоимости, которую он импортировал за предыдущие двенадцать лет, и вместе с Мэрилендом превысил поставки из портов Персидского залива. Торговля Пенсильвании была действительно подорвана. Но хотя экспорт Нью-Йорка отставал от экспорта Луизианы, по стоимости ввезенных товаров за шесть лет был превышен импорт предыдущих двенадцати. Пересмотр тарифа в 1833 году не только не устранил корень проблемы, но и, очевидно, усугубил ее; поскольку, нанося ущерб Пенсильвании, он стимулировал Массачусетс, Нью-Йорк и Мэриленд зарабатывать на импорте то, что они потеряли на производстве; при этом вместо того, чтобы потраченные таким образом деньги оставались в обращении в Соединенных Штатах, огромное их количество должно было уйти за границу. Паника 1837 года, наступившая весной и последовавшая за величайшим нью-йоркским импортом, цифра, не достигнутая вновь за четырнадцать лет роста населения, имела свое начало в Нью-Йорке. Он во многом сдерживал движение южных железных дорог того времени; но ни он, ни паника 1839 года не смогли так сильно затормозить усилия южан, как разделенные советы и неудачное соперничество Южной Каролины и Джорджии, Хейна и Калхуна.

Возможно, было бы неразумно ожидать, что грузины помогут проложить дорогу на Запад через Северную Каролину из Чарльстона, пренебрегая своим штатом, и они имели полное право начать свою "конкурирующую систему", как ее называет один из апологетов; Но для жителей Южной Каролины отказаться от того, что делалось в их собственном штате при поддержке Северной Каролины и Теннесси, пусть и слабой, и влить свои деньги в Джорджию, когда на самом пороге было отказано в разрешении на переправу через реку Саванну для них, было крайней степенью глупости, независимо от того, кто ее отстаивал, И если историки характеризуют как провал и фиаско великий план, начатый Ноксвилльским съездом в 1836 году, то это означает лишь непонимание всего, что было связано с этим начинанием, и решительное закрытие глаз на природу препятствий, которые заблокировали его продвижение в тот момент, когда было крайне важно продвигать его наиболее решительно.

Поскольку именно с помощью железных дорог в конечном итоге был решен вопрос о рабстве, интересно отметить, что первое разумное движение в сторону строительства железных дорог в Соединенных Штатах было одновременным с великой речью Роберта Й. Хейна в Сенате США в 1827 году, посвященной негритянскому вопросу. Были приведены некоторые доказательства, указывающие на вероятность его ответственности за первое предложение о строительстве железной дороги на паровой тяге в Соединенных Штатах в 1821 году, которая должна была пройти от Чарльстона до Огасть с развилкой до Колумбии.^[88] Хотя Хейн мог быть этим ранним автором предложения, вполне возможно и не совсем невероятно, что автором предложения, "Н", мог быть Элиас Хорри. Но шесть лет спустя, когда движение приняло окончательные очертания, Хейн в Сенате Соединенных Штатов произнес фразу, которую можно рассматривать как отражающую точку зрения его секции на негритянский вопрос, а именно:

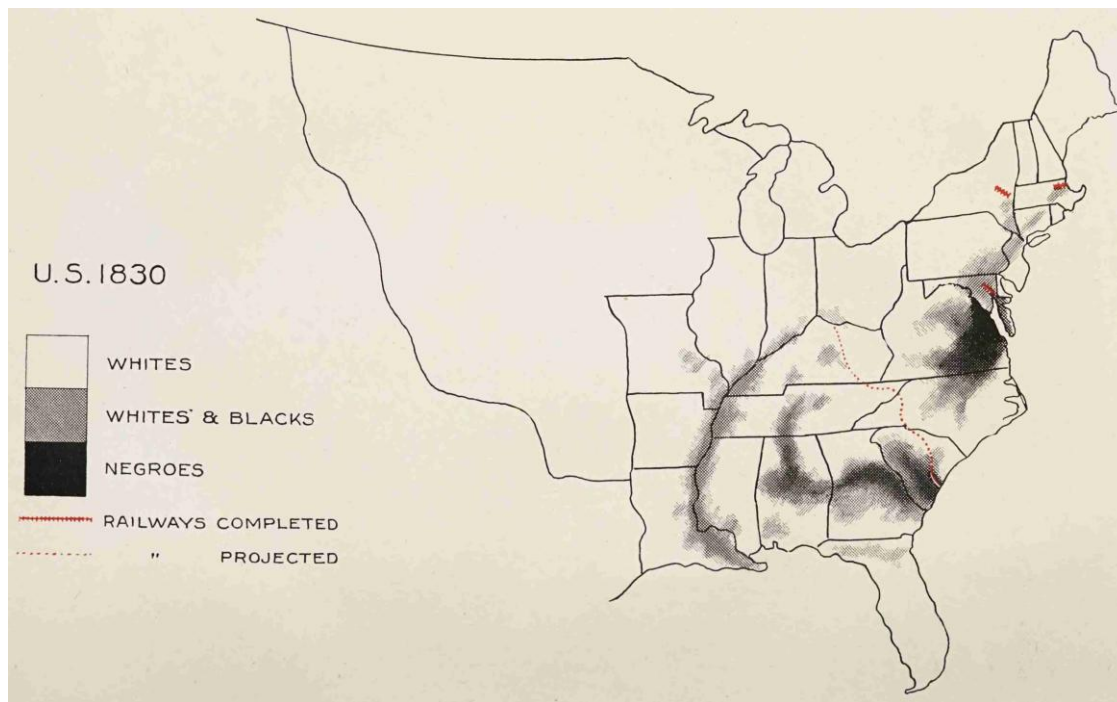
"История страны доказала, что там, где относительная доля цветного населения по отношению к белому значительно уменьшалась, рабы переставали быть ценными, и эмансипация следовала сама собой... там, где свободный труд был введен в полную и успешную эксплуатацию, труд рабов переставал быть ценным"[89].

"Время и терпение", - утверждал он тогда, - были необходимы только для решения негритянской проблемы. Однако Нуллификация 1832 года и Аболиционистская эбуллитация 1835 года впоследствии оказали глубокое влияние на секции, и с этого момента политическая история Республики все больше и больше зависела от влияния, которое могли оказать на Запад Юг и Север, а на Юг и Север - Запад. Любое влияние, способствующее однородности, на мирное развитие. Нельзя утверждать, что Хейн 1835 года был, *ipsissimus verbis*, Хейном 1827 года; но ни для одного государственного деятеля Союза не была более очевидна необходимость в содействии этой однородности, чем для того, кому представители девяти штатов доверили грандиозную задачу проложить великую западную железную дорогу от Чарльстона до Цинциннати, входную дверь великого Запада для "свободного социального и торгового общения"[90] с:

"Взаимная зависимость от Мичигана до Флориды, установление связей в бизнесе, развитие дружеских отношений, устранение предрассудков, создание большего единообразия в политических взглядах и объединение чувств отдаленных частей страны в сердечный союз"[91].

Соперничающая система", в пользу которой Кэлхун отказался от железной дороги Хейна в 1838 году, по всей вероятности, не была изначально задумана, но в конечном итоге стала средством реализации плана политического завоевания, целью которого был подход к задней двери Запада через новый штат Арканзас. Это утверждение может быть воспринято с нетерпением, но изучение покажет его истинность.

Железная дорога Чарльстона и Гамбурга была зафрахтована в 1828 году, а к 1831 году она уже довольно успешно развивалась. Должно быть, на тот момент существовал первоначальный план строительства развилки до Колумбии и продолжения на запад, через Северную Каролину и Теннесси; ведь первый проектировщик в Джорджии, Джеймс А. Мерриуэзер, упоминает об этом в письме к Элиасу Хорри от 8 июня 1831 года.[92] В ответ Элиас Хорри четко сообщает ему, что компания желает "завершить строительство железной дороги, если это возможно, через Салудскую пропасть", но видит важность железной дороги через Джорджию и советует соединить ее с Саванной, которая должна получить некоторые преимущества, на которые она имеет право[93].

U. S. 1830
 БЕЛЫЕ
 БЕЛЫЕ И НЕГРЫ
 НЕГРЫ
 СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ЗАВЕРШЕНО
 " ПРОЕКТ

В тот самый год, когда Кэлхун советовал народу: "Если все другие способы сопротивления окажутся безуспешными.

"если все другие эффективные меры сопротивления окажутся безуспешными, их долгом будет принять меры для концентрации голоса Юга, который должен ясно объявить их северным братьям, что либо законопроект (сила), либо политическая связь должны уступить"[94].

В своем отчете о завершении строительства Чарльстонской и Гамбургской железной дороги в 1833 году Элиас Хорри ссылается на "Конвенцию Западной и Атлантической железной дороги", состоявшуюся в Эшвилле, Северная Каролина, 3 сентября 1832 года, по поводу "железной дороги вверх по реке Френч-Брод", на которой были указаны многочисленные и большие преимущества, которые будут получены... не только с политической, но и с коммерческой точки зрения, так неразрывно соединяя интересы Юга и Запада, укрепляя узы союза и тем самым увековечивая все блага наших ценных институтов[95].

Но после смерти Хорри в 1834 году проект, похоже, затих, пока в октябре 1835 года хорошо продуманное заявление, исходившее от группы граждан Огайо, одним из которых был генерал Гаррисон, не подняло этот вопрос снова.[96] и 4 июля 1836 года делегаты из Индианы, Огайо, Кентукки, Вирджинии, Северной Каролины, Южной Каролины, Джорджии, Алабамы и Теннесси в Ноксвилле открыли железную дорогу Луисвилл, Цинциннати и Чарльстон, чтобы соединить Запад и Юг. Хейн стал президентом компании, а Кэлхун - директором. Однако с самого начала Кэлхун был постоянно мешающим элементом. Он

никак не мог отделаться от мнения, что железные дороги, если они не являются дополнением к водным артериям, должны быть неудачными. В его время это было естественным мнением, пусть и невежественным, и искренним; но оно вредило предприятию.

Его известное недоверие к маршруту через Северную Каролину охладило энтузиазм жителей Северной Каролины[97]. Он покинул Южно-Каролинскую компанию в самый критический момент, когда перспективы конкурирующего предприятия через Джорджию казались наиболее радужными. Его мощная обструкционистская сила остановила Каролинскую дорогу в Колумбии, настойчиво добиваясь предварительного заявления о том, что она не должна идти дальше[98], и тем самым отвлекла на "конкурирующую систему" в Джорджии средства Южной Каролины, которые самым существенным образом помогли уберечь предприятие в Джорджии от полного провала, когда оно рухнуло, с неучтенными средствами, на сумму 2 602 457 долларов 26 центов;[99] в то время как его печально триумфальное заявление о том, что дорога Хейна закончилась "хамством", через лет после смерти Хейна, когда, наконец, было решено, что она не должна идти дальше Колумбии, было принято за чистую монету теми, кто более склонен верить в это, чем взять на себя труд изучить факты.

Однако сам Кэлхун, хотя и пережил Хейна на одиннадцать лет, умер до того, как "конкурирующая система" была гарантирована; и через девять лет после его смерти, когда еще не было никаких больших выгод для торговли Южной Каролины от строительства дороги Джорджии, была предпринята энергичная попытка воскресить маршрут Френч-Брод, с заявлением, что осталось закрыть только промежуток от Спартанбурга, Южная Каролина, до Пейнт-Рок, на линии Теннесси - Северная Каролина, С. Г. Меммингер, выступая против воскрешения L. C. & C. R. R, сделал в отношении нее заявление, что "она была матерью всех наших внутренних железных дорог и не стоила штату ни доллара своих денег"[100].

Если такое заявление мог сделать в 1858 году человек, который, хотя и оказывал ей существенную помощь до 1839 года, затем выступал против нее, то не лишним будет рассмотреть, как к этой схеме относились в Европе в то время, когда мистер Меммингер возглавил движение за ее остановку в Колумбии, очевидно, чтобы сконцентрировать все усилия на маршруте через Джорджию.

В работе Александра Троттера из Лондона, Англия, опубликованной в 1839 году, есть три упоминания о западной дороге Хейна. Одно - в общем обсуждении условий в Соединенных Штатах в целом; другое - в главе, посвященной штату Южная Каролина; и третье - в главе, посвященной штату Огайо. Первая из них звучит следующим образом:

"Помимо выхода для своих продуктов, который Огайо и Миссисипи предоставляют земледельцам, штат Пенсильвания наладил сообщение по первой реке с помощью ряда каналов и железных дорог, и открыл для них рынок атлантических городов. Штат Нью-Йорк с помощью канала Эри обеспечил им аналогичные преимущества в порту, расположенном севернее, в то время как еще более гигантское предприятие, чем эти работы, находится сейчас в процессе соединения города Цинциннати с Чарльстоном, что позволит доставлять продукты этих далеких земель на рынки южных атлантических штатов"[101].

В той части своего труда, где речь идет о Южной Каролине, мистер Троттер более подробно останавливается на плане этого соединения:

"Работа, задуманная этой компанией ("Железная дорога Луисвилля, Цинциннати и Чарльстона"), заключается в создании железнодорожного сообщения между городом

Чарльстоном и Огайо. Расстояние между Чарльстоном и Цинциннати по прямой составляет около пятисот миль. Было исследовано несколько маршрутов, по которым длина железной дороги составит около шестисот, но ни одна линия, похоже, не была определена окончательно. Железная дорога под названием "Южная Каролина" уже существует между Чарльстоном и Гамбургом, городом, расположенным на реке Саванна напротив Огасти в Джорджии. Эта железная дорога была приобретена компанией и будет использоваться до Бранчвилла или Эйкена. Один из планов - провести дорогу от первого до Колумбии, резиденции правительства Южной Каролины, а затем вверх по долине реки Брод в штат Северная Каролина. После преодоления Голубого хребта по наклонным плоскостям со стационарными двигателями, дорога, согласно этому плану, должна быть проведена вниз по долине реки Френч-Брод до Ноксвилла в Теннесси, а затем через Камберленд Гэп до Лексингтона в Кентукки; из последнего города отдельные дороги будут вести в Луисвилл, Цинциннати и Мэйсвилл. Расстояние от Чарльстона до Цинциннати по этому маршруту составит 607 миль"[102].

Ссылаясь на маршрут Джорджии, он указывает на первый как на вероятный маршрут, который будет окончательно выбран, и на удивительно точной карте на эту дату показывает, что линия через Северную Каролину короче примерно на пятую часть расстояния, и что "успех Южно-Каролинской железной дороги открывает хорошие перспективы для более значительной работы", поскольку она...

"несмотря на успех, ей пришлось бороться с большими недостатками; это была не только первая железная дорога, построенная в южных штатах, но и самая длинная железная дорога, которая была построена в любой части мира... так что проектировщики могли извлечь мало пользы из опыта других работ подобного характера - вся работа, что является необычным обстоятельством, была выполнена чернокожим населением". В дополнение к этим недостаткам, ограниченные средства компании привели к тому, что работа была выполнена очень несовершенным образом..... Первоначальная стоимость дороги составляла \$904 500,00, но заполнение промежутков между сваями и другие расходы увеличили стоимость до 31 октября 1834 года до \$1 336 615,09. Нынешняя компания почти перестроила всю работу; две трети уплаченных денег, вместе с уже понесенными расходами, составили почти два миллиона долларов"[103].

Джорджия начала свою систему с точки, ставшей впоследствии Атлантой, к которой вели две дороги: одна из Огасти примерно на запад, а другая из Саванны на северо-запад к Мейкону, от которого по наклонной на север она двигалась к той же точке.

Обзор торговой ситуации, проведенный Хейном весной 1838 года, показал, насколько ясно он осознавал тот факт, что пересмотр тарифа не смог вылечить условия, в которых работал Юг; поскольку, экспортируя более шестой части всего экспорта страны, три штата - Вирджиния, Южная Каролина и Джорджия - импортировали менее сороковой части. Если бы только Юг мог убедиться в этом до того, как представится возможность. Его комментарий справедливо гласил:

"Посмотрите на нынешний ход торговли между Югом и Западом. Импорт из Теннесси и Кентукки в Южную Каролину и Джорджию исчисляется миллионами долларов, но вместо того, чтобы оплачивать его иностранными товарами, ввозимыми непосредственно в Чарльстон и Саванну в обмен на наш собственный хлопок и рис, мы платим за них золотом или серебром или векселями Севера, тем самым полностью теряя прибыль от импорта и сильно смущая наших купцов этой операцией. Если бы у нас только были средства для транспортировки этих товаров по железной дороге на Запад, все бы изменилось. Мы не

только оплачивали бы западную продукцию, потребляемую Югом, иностранными товарами, получаемыми в обмен на нашу собственную продукцию, но и могли бы снабжать значительную часть западных стран всеми товарами, которые они сейчас получают из-за границы, получая взамен их продукцию, которая будет распространяться на южных кораблях по всему миру. Правда заключается в том, что все наши усилия по установлению прямой торговли с Европой в значительной степени окажутся бесполезными, если мы не сможем обеспечить рынок на Западе для товаров, которые мы можем импортировать. Наша железная дорога с помощью Юго-Западного железнодорожного банка добьется для нас этой важной и мирной победы"[104].

Но Кентукки и Теннесси не составляли всего того, к чему вела железная дорога в Цинциннати. Описание, данное английским студентом, изучающим американские дела в 1839 году, показывает, что представлял собой Огайо на тот момент:

"Из 75 графств, из которых он состоит, 14 лежат на реке Огайо, которая, извиваясь, огибает штат на протяжении 436 миль; в то время как семь, граничащие с озером Эри, имеют побережье протяженностью более 200 миль. Великие сооружения, которые были описаны выше, и другие, являющиеся результатом частного предпринимательства, дали почти равные преимущества внутренним районам. Каналы, которые сейчас проложены или прокладываются, проходят через 32 округа, железные дороги - через шесть, а щебеночные - через пять, так что из 75 округов, на которые разделен штат, есть только 11, которые не пользуются ни естественными, ни улучшенными средствами сообщения, и даже многие из них пересекаются или ограничиваются реками меньшей величины. В то время как природные преимущества штата и промышленность его жителей обеспечили ему преимущества удобного внутреннего сообщения, его положение не менее благоприятно для внешней торговли. Река Огайо обеспечивает прямое сообщение со всей страной в долине Миссисипи, которая нуждается в значительной части сельскохозяйственной продукции и мануфактур, а через озеро Эри, имеющее несколько хороших естественных или искусственных гаваней, он сообщается с Канадой и Нью-Йорком с одной стороны и со страной верхних озер с другой..... Когда будет завершено сообщение между линиями Огайо и Пенсильвании, и еще больше, когда будет закончена железная дорога, которая должна соединить Цинциннати с Чарльстоном в Южной Каролине, будет дан дополнительный стимул промышленности штата. Завершение последней работы, благодаря тому значению, которое она придаст Цинциннати, вряд ли представляет меньший интерес для Огайо, чем для штатов, по территории которых она проходит"[105].

Именно из Огайо в 1835 году пришло движение, возглавляемое генералом Гаррисоном, за железнодорожное сообщение с Южной Каролиной. Мы обсудили коммерческие условия. А что насчет политических? Профессор Паксон отмечает:

"Южные графства старого Северо-Запада никогда не были единодушны в отношении рабства, но они были основательно пропитаны идеалами Юга еще до того, как северные графства были обследованы или очищены от индейцев. К северу от Национальной дороги (от Уилинга до Колумбуса, Индианаполиса, Вандалии и Сент-Луиса), грубо говоря, находилась зона канала Эри - к 1840 году новая Новая Англия соперничала с северным Югом в пределах трех старейших штатов старого Северо-Запада. Еще двадцать лет, от избрания Гаррисона до избрания Линкольна, политическое будущее этой части было неопределенным"[106].

Но в 1835 году Кэлхун был убежден, что движение населения и промышленности идет в сторону Арканзаса[107] и что, следовательно, "мы должны смотреть гораздо дальше на

Запад, чем Цинциннати или Лексингтон".^[108] Об этом он сообщил в своем письме Хейну, уходя с поста одного из директоров железной дороги Луисвилля, Цинциннати и Чарльстона в 1838 году.

На чем он основывал свое мнение? Данные переписи 1830 года по сравнению с переписью 1820 года показали, что прирост населения Индианы, Иллинойса и Мичигана был больше, чем в Арканзасе, даже если прирост в Огайо с 581 295 до 937 903 человек был не таким большим в процентном отношении, как в Арканзасе с 14 314 до 33 388 человек за тот же период. Тем не менее, на момент, когда дорогу решили остановить в Колумбии, Южная Каролина, в пользу движения через Джорджию в Арканзас, белое население Огайо составляло 1 502 122 человека, а цветное - 17 345. На ту же дату белое население Арканзаса составляло 77 174 человека, а цветное - 20 865. Если утверждать, что к северу от Арканзаса находился Миссури с белым населением 323 888 человек и цветным - 61 388; но если взять три штата к северу от Кентукки и за рекой Огайо, а также штат Мичиган, расположенный сразу за ними, то окажется, что регион, в котором проживало 2 864 634 белых и 29 483 цветных, был покинут, чтобы построить регион, населенный 401 662 белыми и 82 253 цветными людьми. Было ли это разумным коммерческим движением? Если нет, то что это было? Попытка ответить на эти два вопроса будет предпринята в двух следующих главах, которые должны открыться описанием движения железных дорог на Севере и Западе.

ССЫЛКИ:

^[82] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 348.

^[83] Ibid. p. 349.

^[84] Ibid. p. 22.

^[85] Ibid. p. 502.

^[86] Census, U. S. 1850, p. 185.

^[87] Ibid. p. 185.

^[88] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 122.

^[89] Ibid. p. 208.

^[90] Ibid. p. 458.

^[91] Ibid. p. 401.

^[92] A. E. Miller, Pub. 1833, Address by Horry p. 31.

^[93] Ibid. pp. 34-35.

^[94] Charleston Mercury, November 25, 1833.

^[95] A. E. Miller, Pub. 1833, Address by Horry, p. 21.

^[96] Charleston Courier, Oct. 8, 1835.

^[97] Ibid, Dec. 18, 1839.

^[98] Charleston Mercury, Aug. 16, 1839.

^[99] Phillips, Transportation Eastern Cotton Belt, p. 316.

[100] W. E. Cog. Pub. Address Memminger, Vol. XXI Pam. C. L. S. p. 9.

[101] Trotter: Finances, North American States, p. 61.

[102] Ibid. p. 223.

[103] Ibid. p. 226.

[104] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 457.

[105] Trotter: Finances, North American States, p. 277.

[106] Paxson, Early Railroads of the Old Northwest, p. 254.

[107] Charleston Courier, Nov. 9, 1835.

[108] Jameson, Calhoun's Correspondence, pp. 411-412.

ГЛАВА VI

Понимая, какое огромное преимущество канал Эри принес Нью-Йорку, Пенсильвания к 1834 году соединила Филадельфию и Питтсбург каналами, большая часть которых была построена к 1832 году; [109] но после пересмотра тарифа 1833 года, столь вредного для нее, как уже было показано, она приложила все усилия, чтобы дополнить свои водные пути железными дорогами, и к 1835 году в штате было около 200 миль железных дорог. [Правда, большинство из них были угольными, но к 1839 году была построена железная дорога от Филадельфии до Колумбии (штат Пенсильвания) длиной 82 мили, а в процессе строительства находилась еще 41¾ мили в юго-западном направлении до Геттисберга. [111] Филадельфия также имела железнодорожное сообщение с Нью-Йорком на севере и Балтимором на юге.

В Нью-Йорке к 1836 году было открыто железнодорожное сообщение между Олбани и Ютикой, [112] и велись работы по строительству железной дороги Эри, начинавшейся ниже по Гудзону в направлении озера Эри.

В Мэриленде железная дорога Балтимор и Огайо, начатая примерно в то же время, что и Чарльстон и Гамбург, но не так скоро использованная для работы на паровой тяге, к 1834 году достигла Харперс-Ферри, 82 мили. [113] Там она соединилась виадуком через реку Потомак с Винчестерской железной дорогой, которая к 1839 году пролежала по долине Шенандоа в Виргинии на протяжении 30 миль. Ветка до Вашингтона длиной около 33 миль соединялась с железной дорогой Ричмонд и Потомак [114] длиной 70 миль, открытой для движения в 1836 г. [115] От Ричмонда на юг шла железная дорога Ричмонд и Петербург, находившаяся в процессе строительства, и от Петербурга до Блейкли в Северной Каролине, законченная к 1839 г., и до Уилмингтона к 1840 г. [116].

К 1842 году Нью-Йоркская центральная железная дорога достигла Буффало, в то же время Бостон соединился с Олбани.

Все вышесказанное подтверждает предостережение, с которым Хейн обратился к жителям Южной Каролины в 1835 году, когда из Огайо поступил призыв соединить Юг железной дорогой, а именно: "Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия и Балтимор стремятся к тому, что предлагается Чарльстону" [117]:

"Если после всего, что мы сказали и сделали, мы должны ослабить свой курс, наши города-побратимы очень скоро установят эти связи, и тогда наша гибель будет предreshена, и мы заслужим свою судьбу"[118].

Жителям Южной Каролины он сказал:

"Невозможно закрывать глаза на то, что Южной Каролине суждено опуститься с высоты своего высокого и пышного процветания... если ее сыновья не воспользуются нынешней благоприятной возможностью"[119].

Шесть месяцев спустя, пытаясь побудить Кэлхуна пересмотреть свое заявление об отставке с поста директора L. C. & C. Co, он признался:

"Если ваше влияние будет направлено против нас, весь наш проект во всех его частях может провалиться".

Но он также предупредил его, с истинно пророческой силой, что сотрудничество с теми, кого он покидает, является: "единственный план, будьте уверены, который может повлиять на ваши взгляды".[120] Утвердившись в своих взглядах, Кэлхун не поддавался никаким аргументам, бросил все свое влияние против плана и считал остановку дороги Хейна в Колумбии, через год после смерти Хейна, своим личным триумфом.[121] Таким образом, он разрушил план соединения с Цинциннати, против которого он выступал с самого начала, хотя и в завуалированных выражениях, [122] из-за своей решимости обеспечить сочетание политических и коммерческих выгод, которые, как он был убежден, должны быть получены от железной дороги через Теннесси в Арканзас. Правда, к моменту его отставки с каролинского предприятия на линии от Атланты до Чаттануги работало 2000 человек, и были большие надежды, что к осени 1839 года сто из 138 миль будут закончены; но без точного отчета о расходах, указывающего на то, как были понесены расходы в размере \$2 602 457.26 были понесены,[123] эти работы были приостановлены в 1841 году, даже не начав укладку железа; эта приостановка также остановила Джорджию и Джорджию Сентрал на 88 и 95 милях соответственно от Огасти и Саванны, и еще около шестидесяти миль оставалось между их самыми продолжительными работами и южной точкой в этом звене их цепи на Запад. Также была приостановлена работа от Нэшвилла до северного пункта в Чаттануге. Приостановка произошла всего через два года после смерти Хейна и всего через год после того, как было принято настойчивое решение прекратить работы на Южно-Каролинской дороге в Колумбии и разорвать отношения между ней и Теннесси и Северной Каролиной. Поэтому для тех, кто добился этого катастрофического результата, стало абсолютно необходимым довести до конца строительство дороги Джорджии, что и было сделано к 1845 году.

США 1840 Г.
 БЕЛЫЕ
 БЕЛЫЕ И НЕГРЫ
 НЕГРЫ
 ЗАВЕРШЕННЫЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ
 ПРОЕКТИРОВАНО

"Новые подписки из Чарльстона и Огасты на акции компании, похоже, в значительной степени способствовали ускорению завершения строительства дороги";^[124] но какая часть расходов, \$3 328 594, была оплачена вкладчиками из Южной Каролины, точно не известно. Однако известно, что генерал Гадсден, который был обязан своим возвышением до поста президента Южно-Каролинской железной дороги влиятельной помощи Кэлхуна, одновременно с завершением строительства Джорджийской железной дороги в 1845 году написал Кэлхуну, призывая его принять участие в железнодорожном съезде, который должен был состояться в Мемфисе в том же году, заявив в своем письме:

"Мы находимся накануне осуществления всех наших горячих надежд и ожиданий 1836 года... Сейчас самое время встретиться с нашими западными друзьями в Мемфисе, чтобы привести в движение шар, который принесет долину на Юг"^[125].

С 1836 по 1838 год Кэлхун был директором южнокаролинского предприятия, а Гадсден - его самым заядлым врагом^[126].

Ф. Х. Элмор был более определенным в своем одобрении дороги в Мемфис. Он писал Кэлхуну:

"Железнодорожное сообщение, основанное в Мемфисе, в рабовладельческом регионе и протянувшееся прямо к Чарльстону, проходящее через наиболее воинственную часть нашего народа, который в нынешнем положении меньше всех на Юге заинтересован в рабстве, сделает их отношения с нами в Чарльстоне и Мемфисе настолько близкими и

выгодными, что их интересы и наши будут неразрывно объединены. Они стали бы для нас источником силы, власти и безопасности и сделали бы Юг неуязвимым"[127].

Конечно, было не только возможно, но и вполне вероятно, что, прокладывая первоначальный маршрут от Чарльстона до Цинциннати, свободный труд мог нанести ущерб институту рабства в Южной Каролине, Северной Каролине и Теннесси, даже больше, чем знакомство с ним могло смягчить отношение жителей Огайо, Индианы и Иллинойса к рабству. Но каким бы образом это ни происходило, оно должно было крепче скрепить секции, благодаря идентичности мышления, которая должна была проявиться при более тесном торговом общении. То, что Элмор надеялся сохранить в 1845 году, Коннер увидел в 1849 году, когда начал рушиться, ибо он пишет Калхуну в этот день:

"Все города с каждым днем становятся все более и более неустойчивыми, и все по одной и той же причине. Вливание в них северян и иностранцев. И их интерес ощущается во внутренних районах. В Новом Орлеане все грузчики и рабочие - белые и иностранцы, и они не позволяют негру управлять грузовиком. Его заберут в толпу или убьют. На пароходах все слуги белые, а их капитаны в основном северяне, и скоро на Юге встанет вопрос о свободном труде против рабского. Наши собственные люди впадают в уныние. Они начинают думать, что институт рабства обречен"[128].

В свете этого письма, написанного в 1849 году, мы можем задуматься о том, что могло бы быть сделано для мира, если бы в 1840 году не было так опрометчиво перерезано то, что могло бы стать великой торговой артерией между Цинциннати и Чарльстоном. Вряд ли можно сомневаться, что при перерезании коммерческие условия были абсолютно подчинены политическим в культивируемом росте Института, в котором ученики постоянно опережали мастеров и учителей.

В 1846 году Кэлхун предложил Дж. Х. Хэммонду восхвалять преподобного Генри Баскомба за его защиту Юга в связи с расколом методистов, и Хэммонд ответил на это пространственным отказом. Ответная реплика Кэлхуна представляет определенный интерес:

"Я согласен с мнением, что мы должны занять самую высокую позицию по вопросу об африканском рабстве, как оно существует среди нас, и с самого начала действовали соответственно; но мы не должны порывать или отбрасывать тех, кто не готов соответствовать нашим стандартам, особенно на внешних границах рабовладельческих штатов. Я с удовольствием оглядываюсь на прогресс, достигнутый за последние десять лет в отношениях между двумя расами благодаря здравым принципам. Все, за очень немногими исключениями, защищали его некоторое время назад, ссылаясь на то, что это необходимое зло, от которого нужно избавиться как можно скорее. Южная Каролина 20 лет назад была не намного здоровее, чем Кентукки сейчас, и я не могу не думать, что курс, который взяли западные баптисты и методисты в отношении разделения своих церквей, сделал многое для изгнания К. Клея и исправления общественного мнения в этом квартале"[129].

Если мы вернемся на двадцать лет назад от этого высказывания Кэлхуна, то окажемся в пределах одного года от даты великой речи Хейна в Сенате Соединенных Штатов в 1827 году. За двадцать лет, насколько можно судить по сайту, численность белых увеличилась примерно на пятьдесят процентов, а негров - на шестьдесят процентов. Очевидно, он ожидал слишком многого. Темпы роста белых были не столь велики, как у негров, независимо от причин, и вместе с ростом увеличилась и оценка Института. В свете этих фактов неудивительно, что в 1848 году, несмотря на то, что железные дороги от Колумбии до двух пунктов на линии Северной Каролины были уже проложены, а заявка на хартию третьей, по маршруту Хейна до Спартанбурга, находилась в стадии рассмотрения, город Чарльстон

был вынужден выделить 500 000 долларов на завершение строительства железной дороги от Нэшвилла до Чаттануги, несмотря на протест некоторых жителей Чарльстона, которые заявили, что использовать средства корпорации для работ за пределами штата неправильно, а если и правильно, то нецелесообразно, пока Августа отказывается, как отказывалась в то время, разрешить построить мост через реку Саванна у конечной остановки Гамбургской дороги, по которому только Южно-Каролинская железная дорога могла бы соединиться с системой Джорджии.

По возвращении Кэлхуна из поездки на Запад, к которой его подтолкнул президент Южно-Каролинской железной дороги Гадсден, он выразил своему зятю Клемсону удовлетворение приемом в Мемфисе и других местах; но вряд ли его мог обрадовать тон, который вскоре после этого взял Гадсден в отношении тарифа.

Ранее уже упоминалось о том, что в 1833 году Кэлхуну не удалось успешно справиться с Клеем; но незначительные успехи, достигнутые тогда, были сведены на нет новым тарифом в 1842 году. В 1846 году, будучи свободным от ужасающей ответственности и угроз, связанных с нуллификацией, Кэлхун добился принятия закона, который, как представляется, в своей работе очень удовлетворительно сбалансировал импорт и экспорт страны, будучи, очевидно, принятым на основе здравых принципов законодательства Лоундеса. Но эти усилия привели к тому, что раздутое величие Гадсдена получило такую наглую характеристику главного его творца:

"Принятие тарифа нас порадовало, но не удовлетворило. Возможно, это были лучшие условия, которые можно было получить в этот кризис, и отказ от минимальных и *адвальных* пошлин - это выигрыш. Оценка неоднозначна. То ли иностранная, то ли отечественная, мы не можем понять. Законопроект может быть истолкован в любую сторону. Пенсильванцы, похоже, действительно контролируют вас"[131].

Вывод, должно быть, был неприятен, и в 1847 году за ним последовало еще одно письмо, в котором, с признаниями в преданности, говорилось, что кандидатура генерала Тейлора на пост президента станет серьезным препятствием для единственной кандидатуры, которую мог выдвинуть Кэлхун. Получил ли мистер Гадсден заблаговременный ответ, о котором он просил на том основании, "что согласованность действий может обеспечить победу того, кто не будет использовать наше влияние для обмана"[132], не известно; но в следующем году возникло сильное движение, возглавляемое Джорджем А. Тренхолмом из Чарльстона, чтобы сместить Гадсдена с поста президента железной дороги, и в последние два года жизни близость Кэлхуна с Гадсденом не подтверждается никакой перепиской. Скорее, он все больше опирался на Хэммонда и именно ему адресовал последнее письмо, написанное кому-либо за пределами ближайшего окружения собственного очага.

К Хэммонду умирающий государственный деятель обратился с уверенностью, рассчитанной на то, чтобы внушить последнему веру в себя:

"Без лести я не знаю никого, кто был бы лучше вас осведомлен о предмете, который сейчас волнует страну, или более способен решить, что следует делать, имея знания о положении дел здесь или подготовив документы, которые Конвенция сочтет нужным выпустить..... Никогда еще Юг не был поставлен в столь сложную ситуацию, и никогда еще не будет поставлен в более сложную. На карту поставлено все"[133].

Этим съездом стал Нэшвиллский съезд 1850 года, который собрался через несколько месяцев после смерти Кэлхуна. Хэммонд и многие другие надеялись, что на ней они получат совет Кэлхуна и, возможно, предложение о новой Конституции, разработанной Кэлхуном. Они верили, что эмансипация не за горами и что с ней Юг будет низведен до состояния Хейти. Хэммонд заявил Кэлхуну:

"Мы должны действовать сейчас и решительно..... Если мы не будем действовать сейчас, мы сознательно предадим огню не наше потомство, а наших детей. Что за жертва для нас - возложить на алтарь этот союз, к которому Юг и Запад питают такое фанатичное и суеверное почтение"[134].

Блестящий последователь вышел за рамки своего лидера. Оратор, который восемь лет спустя дерзко заявил в Сенате Соединенных Штатов: "Хлопок - король", в этом письме лаконично излагает свое политическое кредо, а именно:

"Основной целью правительства является обеспечение плодов труда и мастерства, то есть собственности, и что ее формы должны зависеть от социальных организаций. Тогда жизнь и свобода будут обеспечены, ибо они естественным образом находятся под опекой общества и той цивилизации, которая является плодом его прогресса. Свободное правительство" и все подобные вещи были, как мне кажется, фатальным заблуждением и юмором со времен Моисея. Свобода проистекает не из правительства, а из той же почвы, которая порождает само правительство, и все, чего мы хотим от него, - это гарантии справедливо приобретенной собственности"[135].

Его вывод гласил: "Если лидеры будут только руководить, ни им, ни нам нечего бояться".

Говорят, что собственность, по преданиям, робка, а финансовые силы боятся войны и ее смятения; но вывод Хэммонда совпадал с мнением крупнейшего банкира Чарльстона того времени, который в предыдущем году после длительного путешествия сообщил Кэлхуну, что Юг "готов к действиям"[136].

Однако со смертью Кэлхуна партия действия осталась без признанного главы. Не было ни одного южнокаролинца, который мог бы в 1850 году беспрекословно занять его место, и, соответственно, к 1852 году лидерство на Юге перешло к Джорджии от Южной Каролины, и в некоторой степени оно перешло от и благодаря слепым усилиям титана Южной Каролины подчинить все своей воле; ведь в значительной степени именно благодаря Кэлхуну Джорджия получила и разжирила на великой железной дороге в Теннесси и на Запад. Как только Западная и Атлантическая железная дорога из Атланты достигла Чаттануги, встретив там в 1851 году дорогу из Нэшвилла, которая проходила примерно в 35 милях от Чаттануги на запад, была получена подписка из Чарльстона[137] на строительство дороги до этого пункта на реке Миссисипи напротив Арканзаса, Хотя в данном случае, с некоторым проблеском здравого смысла, она была обусловлена устранением препятствия, вызванного отказом города Огасты разрешить строительство моста с южнокаролинского берега через реку Саванна, по которому только и можно было соединиться с железной дорогой из Южной Каролины. Но только когда в 1852 году, отчаявшись наведение моста через реку Саванна, выделил 500 000 долларов на помощь в продвижении Южно-Каролинской дороги от Андерсона, штат Южная Каролина, чтобы затем, выкупив у Огасты право на строительство моста через реку Саванна и соединение с железной дорогой Джорджии; так что в итоге за пределами Колумбии в Южной Каролине пришлось построить около сотни или более миль железной дороги только для того, чтобы обеспечить соединение с дорогой Джорджии в 1853

году, ради чего великая дорога Хейна была остановлена в Колумбии в 1840 году. Но к 1853 году, когда тщетность надежд на большую выгоду для торговли Южной Каролины от соединения с Джорджией овладела умами тех, кто управлял делами в Южной Каролине, 500 000 долларов из Чарльстона и 1 000 000 долларов[139] из штата были выделены для продвижения второго из двух маршрутов, которыми Кэлхун с самого начала препятствовал строительству железной дороги Френч-Брод. В течение пяти лет, с постоянными неудачами, строительство этой второй тетивы для лука Кэлхуна энергично продвигалось, с тщетной надеждой получить для Южной Каролины то, что было выброшено восемнадцать лет назад в слепом повиновении властному диктату великого человека. И именно прося у штата дополнительные 1 000 000 долларов и сопротивляясь аргументам относительно возрождения маршрута Френч-Брод, мистер Меммингер, впоследствии министр финансов Конфедеративных Штатов, заявил о железной дороге Хейна:

"Хотя эта великая работа была заброшена по независящим от нас причинам, она стала матерью всех наших внутренних железных дорог и не стоила штату ни одного доллара из своих денег"[140].

Если и можно было что-то сказать, чтобы еще больше подчеркнуть роковую глупость отказа от этого великого предприятия в пользу попытки соединения с дорогами Джорджии в 1840 году и маршрута в Арканзас вместо Огайо, то это было бессознательно выражено тем же оратором, мистером Меммингером, в то же время в 1858 году, в той же речи, из которой взята приведенная выше выдержка:

"Две дороги на Запад, которым помогал Чарльстон, - это Мемфисская и Нэшвилльская железные дороги..... Мы надеялись, что они приведут торговлю в город, но она нашла более дешевый выход на реке Миссисипи"[141].

Еще несколько слов о стоимости этой дороги, которая, если бы ее не остановили в Колумбии, возможно, предотвратила бы войну между государствами. За три года с 1836-го по 1839-й старая Гамбургская железная дорога, обветшавшая и пришедшая в негодность, была куплена и приведена в такой порядок, что к 1839 году поступления от нее увеличились на пятьдесят процентов. На развилке к Колумбии от Бранчвилла было построено 17 миль, и подготовка к строительству была настолько успешной, что к 1 858 772 долларам, потраченным на 153 мили, было добавлено 584 304 доллара, что, по расчетам, позволило бы за год достроить оставшиеся 48 миль до Колумбии, и еще около 1 300 000 долларов нужно будет потратить, чтобы достичь линии Северной Каролины к 1846 году, когда общие расходы на дорогу от Чарльстона до Августы и от Бранчвилла через Колумбию до линии Северной Каролины через Спартанбург составят 3 743 076 долларов. К этому моменту было бы получено 1 102 600 долларов, обещанных Северной Каролиной и Теннесси, которые с учетом проделанной и подготовленной работы были потеряны из-за остановки в Колумбии. Однако через девять лет после смерти Хейна, в 1848 году, отчет президента Южно-Каролинской железной дороги Джеймса Гадсдена показывает 5 546 735,48 долларов[142], потраченных на обеспечение только дополнительной 51 мили дорожного полотна.

ССЫЛКИ:

[109] Trotter, *Finances of the North American States* p. 163.

[110] Hadley, *Railroad Transportation*, p. 33, *et seq.*

[111] Trotter, *Finances North American States*, p. 165.

- [112] Hadley, Railroad Transportation, p. 33, *et seq.*
- [113] Trotter, Finances North American States, p. 165.
- [114] Ibid. p. 211.
- [115] Ibid. p. 212.
- [116] Ibid.
- [117] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 388.
- [118] Ibid. p. 459.
- [119] Courier, March 13th, 1838.
- [120] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 477.
- [121] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 464.
- [122] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 470.
- [123] Phillips, Transportation in Eastern Cotton Belt, p. 316.
- [124] Ibid. p. 242.
- [125] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 1062.
- [126] Courier, Dec. 18, 1839.
- [127] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 1060.
- [128] Ibid. p. 1188.
- [129] Ibid. p. 672.
- [130] Pamphlet, C. L. S. Vol. VIII. Art. 7, p. 6.
- [131] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 1085.
- [132] Ibid. p. 1148.
- [133] Ibid. p. 782.
- [134] Ibid. p. 1210.
- [135] Ibid. p. 1210.
- [136] Ibid. p. 1188.
- [137] Pamphlet, C. L. S. Vol. VII. Art. 7. p. 16.
- [138] Ibid. p. 19.
- [139] Памфлет, том II, C. L. S. Miller, p. 6.
- [140] Памфлет, том XXI. Memminger, C. L. S. p. 9.
- [141] Ibid. p. 23.
- [142] Pamphlet, Vol. V. C. L. S. Art. 18, p. 18.

ГЛАВА VII

Школа политиков Джорджии в 1852 году не поддерживала сецессию. Их возражения сводились к тому, что это настолько снизит стоимость рабов, что владельцы будут вынуждены сами их эмансипировать; в то время как при сохранении Союза, по их мнению, они могли бы принудить рабство к Тихому океану.

Конечно, Джорджия во многих отношениях была вполне пригодна для того, чтобы стать лидером. Перепись населения 1850 года показала, что по стоимости личного имущества, возвращенного для налогообложения, она лидировала в Союзе с 213 499 486 долларами. На двенадцать миллионов больше, чем у старого и богатого штата Массачусетс, который получил \$201 976 892. Южная Каролина заняла третье место с \$178 130 217. Алабама - четвертая с 162 463 700 долларами. Нью-Йорк на пятом месте - 150 719 379 долларов^[143].

По стоимости недвижимости, которую нельзя было так же хорошо скрыть, как и личную собственность, северные штаты были богаче, так что по доходам Джорджия занимала не выше седьмого места среди штатов Союза; но если рассматривать доходы, расходы и долги вместе, то ни один штат Союза не находился в таком безупречно здоровом состоянии; ведь со своими излишками она могла бы погасить свой долг за пять лет.

Конечно, то, что личная собственность жителей южных штатов, возвращаемая для налогообложения, так сильно превышала таковую в более богатых штатах Севера, - это тот факт, что большая ее часть приходилась на рабов. Но именно этот факт позволяет понять, почему институт рабства так сильно закрепился на Юге, когда не более десяти процентов его жителей были рабовладельцами. Если государственные деятели и политики, поддерживавшие и защищавшие его, требовали "гарантии справедливо приобретенной собственности", то на эту собственность и ложилась основная часть налога. На Севере дело обстояло иначе, и пороком более развитой цивилизации этой части было то, что с помощью всех возможных приспособлений бремя налогов все больше и больше перекладывалось на плечи бедняков^[144].

Хотя и не в таком раздутом состоянии, как сегодня, Север в течение тридцати и более лет до Войны между государствами был страной капиталистов, обителью американского капитала.

Насколько решимость северного капитала держать Юг в финансовом подчинении была ответственна за быстрое развитие железных дорог на Севере и Западе, потребует большого исследования. Сомнительно, что, имея более высокие и благородные кадры среди своих лидеров и более уважительное отношение к трудящимся массам белого населения, он смог бы так тщательно подготовить почву для завоевания Юга; но, получив удар, пусть и слабый, от тарифа 1833 года, с помощью домашней оценки он парировал удар и продержался за счет возросшей импортной торговли, пока не смог ввести в действие тариф 1842 года; И когда он был заменен тарифом Кэлхуна 1846 года, , собрав своих промышленных иждивенцев, с великолепной энергией потянулся к ним, одной рукой схватив Юг, а другой - Запад, и привязал их обоих к себе стальными лентами.

Мы видели, что было предпринято на Юге в рамках политической коммерческой попытки протянуться от Атлантики до Арканзаса после отказа от движения к Цинциннати в 1840 году.

Возвращаясь к Западу, мы видим, что в Огайо часть железной дороги Цинциннати, Сандаски и Кливленда была построена в 1837 году, но завершена она была только в 1848 году^[145].

В Кентукки из 97 миль, запланированных к строительству, к 1839 году было построено 28 миль от Лексингтона до Франкфорта, с одной стороны; 3 мили от Луисвилля до Портленда, с другой стороны.^[146] Но в течение девяти лет с того момента, как железная дорога Луисвилля, Цинциннати и Чарльстона была остановлена в Колумбии, железная дорога протянулась от Детройта через нижний Мичиган, и к 1851 году Кливленд и Питтсбург были соединены железной дорогой; вторая линия от Толедо ниже Детройта параллельно дороге от Детройта до нижнего конца озера Мичиган. К 1853 году от озера Мичиган до слияния рек Миссури и Миссисипи протянулась линия от Толедо до Детройта, а от Кливленда сеть дорог достигла Индианаполиса, из которого на запад шла линия до Терре-Хаута, а на север - до озера Мичиган. К 1857 году все это превратилось в идеальную сеть железных дорог, пересекающих и вновь пересекающих Огайо, Индиану и Иллинойс и доходящих до Висконсина, а три составные дороги протянулись от североатлантического побережья до реки Миссисипи напротив Миссури.

В этот период ситуация с населением была примерно следующей: В трех вышеупомянутых штатах проживало около 4 500 000 белых жителей, а население Мичигана, Висконсина и Айовы достигало примерно 6 000 000. За ними скрывалось около 11 000 000 белых в Нью-Йорке, Пенсильвании и Новой Англии.

Тем временем на Нэшвиллский съезд 1850 года Южная Каролина направила своего представителя, которого можно было бы считать листом из ее великого прошлого, Лэнгдона Чевеса, и он успешно выступал против независимого отделения Южной Каролины.

Мистер Г. М. Пинкни, наиболее симпатичный из всех биографов Кэлхуна, так описывает ситуацию в 1850 году:

"Если бы мистер Кэлхун прожил немного дольше, кажется весьма вероятным, что история сложилась бы иначе. Он, несомненно, заставил бы решать вопросы на этой сессии, и в это время, если бы Юг предпринял определенные действия, кажется вероятным, что со всех сторон осталась искренняя любовь к Союзу, достаточная для его спасения. Промедление в десять лет было неизбежно фатальным. Каждый упущенный момент лишь подливал масла в огонь межнациональной ненависти. Смерть мистера Кэлхуна стала ошеломляющим ударом. Юг впал в смятение. Задержка привела к тому, что естественные причины, действуя своим чередом, привели к естественным результатам"^[147].

Взгляд профессора Пэксона на ситуацию того же времени кажется в некоторой степени согласным с вышеизложенным:

"Если бы движение за отделение в 1850 году переросло в войну, ни один из этих факторов (т. е. железные дороги) не был бы эффективным, и успех отделения вряд ли можно было бы поставить под сомнение. Но в 1860 году отделение произошло слишком поздно. Северо-Запад пересекался и перекрещивался запутанным переплетением путей"^[148].

Такое совпадение взглядов в столь широко разделенных кругах заслуживает глубочайшего уважения; но это не то мнение, которого придерживается автор данной работы, которому 1850 год кажется слишком поздним, чтобы повлиять на ситуацию в пользу отделения, даже если бы Кэлхун остался в живых; ведь, судя по его карьере, крайне сомнительно, что он довел бы дело до конца. Это не соответствовало бы его прошлому. Он был великим

парламентарием и еще более великим дебатером, но на протяжении всей его карьеры его рука была вынужденной. Он никогда не был готов к ситуации, как она сложилась. Возможно, это было очень полезно для него и соответствовало его взглядам, но он всегда советовался и размышлял. Его политические методы так раскрывают его. Макдаффи надавил на него в вопросе о нуллификации. Клей навязал ему тариф 1833 года. К резолюции Ретта 1838 года он не был готов, хотя это было логичное время и логичный ход.

Те, кто считает, что для этой великой Республики была и остается всемирная задача, могут радоваться, что в 1838 году не было предпринято никаких попыток отделиться, но это не влияет на вопрос о возможном успехе, если бы попытка была предпринята. Условия в Южной Каролине были сильно запутаны смертью Кэлхуна. На его место в Сенате Соединенных Штатов губернатор Сибрук сначала назначил Ф. Х. Элмора, а после его смерти через месяц или два - Роберта У. Барнуэлла, но на заседании Генеральной Ассамблеи Южной Каролины, состоявшемся шесть месяцев спустя, этот орган избрал Р. Барнуэлла Ретта, который в течение примерно года с четвертью стремился к осуществлению политики сецессии и, потерпев неудачу, подал в отставку и уступил место У. Ф. Де Соссюру, очевидно, в согласии с политикой Джорджии, стремившейся продвинуть рабство к Тихому океану, в пределах Союза, и вслед за Джорджией Южная Каролина двигалась до 1860 года, когда ее представители вновь взяли инициативу в свои руки при полном одобрении лидеров Имперского штата Юга[149].

Для реализации в 1850 году плана Джорджии по продвижению рабства к Тихому океану в Миссури было 592 004 белых, в Арканзасе - 163 189, в Кентукки и Теннесси - 1 518 247, к которым весь оставшийся Юг мог бы добавить 3 422 923, и даже если бы Арканзас удвоил свое белое население с 1840 года, 450,000 белых, на которые за это же время увеличилось население Огайо, давали этому штату десятую часть всего белого населения Союза, что, вместе с тем, что Индиана и Иллинойс избавились примерно за то же время, что Кентукки и Теннесси, давало в два с половиной раза больше возможностей для использования. Поэтому должно было быть очевидно, что Югу потребуется все возможное, чтобы удержать Миссури, а тем более вторгнуться на Северо-Запад, даже если в Айове на тот момент было не намного больше белых жителей, чем в Арканзасе. Был шанс повлиять на Огайо в 1840 году; но к 1855 году движение с Востока и железные дороги превратили его в мощный передовой форпост аболиционистов. Десять лет между 1838 и 1848 годами практически определили ход событий, все больше и больше настраивая на войну между медленно разделяющимися секциями и на неуклонное увеличение численности чернокожих рабов на Юге.

Если это правда, что:

"Транспорт, в конце концов, определил и ход, и период развития Запада"[150].

, то колониционный поток, которым великий и густонаселенный штат Огайо с 1840 года оплодотворял прерии Запада, мог бы в значительной степени влиться в долины гор Блю-Ридж, Аллегани и Камберленд вдоль линий железной дороги Луисвилл, Цинциннати и Чарльстон, чтобы встретиться и смешаться с потоком, который двигался на запад из Южной Каролины с 1820 года.[151] В таком случае страна, возможно, и, скорее всего, развивалась бы медленнее; но это был бы более однородный народ. Напрасно утверждать, что конфликт был неудержимым. Это всегда было утверждением тех, кто стремится к его ускорению и абсолютно мертв.

"Влияние свободного, социального и коммерческого общения на смягчение острых углов, устранение предрассудков, расширение знаний и содействие человеческому счастью".

ССЫЛКИ:

[143] U. S. Census, 1850 p. 190.

[144] McMaster, The people of the United States, between 1854 and 1860, Vol. VIII. Ханлейтер, Речь Роберта Харпера, 1858.

[145] Paxson, Early Railways of Old Northwest, p. 255.

[146] Trotter, Finances of North American States, p. 244.

[147] Pinckney, Life of John C. Calhoun, p. 212.

[148] Paxson, Early Railways of Old Northwest, p. 266.

[149] Stephens, History of the United States, p. 561.

[150] Paxson, Early Railways of Old Northwest, p. 247.

[151] McCrady, History of S. C. Vol. I, p. 1.

ГЛАВА VIII

Президентские выборы 1852 года поначалу не способствовали волнению. Житель Новой Англии, тесно связанный с южанами, Франклин Пирс из Нью-Гэмпшира, победил в номинации демократов, обойдя гораздо более именитых конкурентов. Из этих конкурентов Бьюкенен и Касс были давно и тесно связаны с партийными лидерами своих штатов во времена Эндрю Джексона; они прошли обучение в старой школе политики и черпали силы в верной службе. Третий соперник, сравнительно новый лидер на Западе, волевой, агрессивный и нетерпимый к сдержанности, Стивен А. Дуглас, был совершенно другого типа. Решив сделать ложку или испортить рог, он разработал доктрину суверенитета скваттеров и с ее помощью вскоре привел страну в смятение.

Положение было странным. У джорджианцев была политика и руководство секцией, но ни один человек среди них не обладал качествами, необходимыми для выполнения такой задачи, какой требовала их смелая программа продвижения рабства к Тихому океану в рамках Союза. Хауэлл Кобб подошел к роли лидера ближе, чем кто-либо другой из его штата; но он едва ли соответствовал тому, что требовалось. Кроме того, как ни велика была Джорджия среди южных штатов, уступая лишь Вирджинии по численности населения и превосходя ее по богатству и ресурсам, среди штатов Союза по численности населения она занимала едва ли десятое место. Благодаря непрерывному потоку белых иммигрантов, хлынувшему в Иллинойс, этот великий штат, однако, быстро поднимался на четвертое место по численности населения, а Стивен А. Дуглас был одним из самых дерзких и находчивых политиков, когда-либо продвигавшихся в делах Союза, на большую высоту. Имея в Конгрессе сорок два голоса северян, он казался именно тем человеком, который был нужен джорджианцам, и, соответственно, в Конгресс, собравшийся в декабре 1853 года, он внес свой законопроект об организации территории Небраска, основывая его положения на прецедентах, созданных при организации территорий Юта и Нью-Мексико за четыре года до этого. Об этом законопроекте один выдающийся автор, впоследствии президент Соединенных Штатов, сказал:

"Ни одна более смелая или экстраординарная мера никогда не предлагалась в Конгрессе, и она обрушилась на страну, как ночной вор, без предупреждения и ожиданий, когда стороны пытались отойти от возбуждения, вызванного прежними дебатами о расширении рабства"[152].

Мистер Вудро Вильсон придерживался мнения, что южанам и в голову не приходило требовать такой меры и что никому, кроме Дугласа, не пришло бы в голову предложить ее им; но все же он утверждает, что с президентом посоветовались и он дал свое согласие на нее, мотивируя это тем, что "она основана на здравом принципе, на который посягнул компромисс 1820 г." [153] И уж точно президент советовался по этому поводу с тем южанином, которому суждено было занять самый видный пост, когда-либо занимаемый южанином. Джефферсон Дэвис знал об этом.

Об авторе законопроекта Роберт Тумбс заявил семь лет спустя, с характерным для него преувеличением, что апостол Павел был единственным, кто превосходил его в качестве лидера. В то время как Александр Х. Стивенс с абсолютной преданностью держался за него, пока сецессия не разлучила их, Тумбс был менее верен. Сорок четыре демократа-северянина и все южные члены Палаты представителей, за исключением девяти, поддержали законопроект, и в народной ветви Конгресса он получил большинство в тринадцать голосов, а в Сенате - почти три к одному [154]. Когда скваттерский суверенитет должен был вынести свое решение по вопросу о рабстве?

Именно здесь, в момент опробования закона на практике, произошел перелом.

Южные члены считали, что Дуглас представляет их точку зрения. Мистер Дэвис, военный министр во время принятия закона, четко заявляет, что по просьбе Дугласа он добился беседы между комитетом Дугласа и президентом в воскресенье, 22 января 1854 года, в результате которой было получено одобрение президента, и утверждает, что, исходя из условий законопроекта и аргументов, использованных в его поддержку, он считал, что его цель - открыть территорию "для жителей всех штатов с любым видом собственности, признанным любым из них" [155].

Но Дуглас не просто возглавлял южное меньшинство. Он пытался сформулировать политику, с помощью которой он мог бы запрячь обе части в свою триумфальную машину, и он был так же готов использовать южан, как и они его. Когда южане узнали, как он собирается их переиграть, Александр Х. Стивенс все еще держался за него; но Тумбс, менее преданный, заявил, что у него "нет ноги, на которой можно стоять".

Правда заключалась в том, что компромисс за компромиссом настолько запутали вопрос, что распутать его без применения меча было практически невозможно.

В 1787 году был достигнут компромисс, в результате которого были признаны и рабство, и работорговля; а по вопросу о Миссури в 1820 году южные штаты имели полное конституционное право расторгнуть Союз; но снова был принят компромисс.

Принятие Калифорнии и закона 1850 года было явным нарушением второго компромисса, и право на отделение было столь же очевидным, как и в 1820 году; но целесообразность такого действия была не столь очевидна. Не было великой и возвышающейся личности, вокруг которой могли бы собраться люди. Резолюция Ретта в Конгрессе в 1838 году была логическим результатом учения Кэлхуна с 1833 года; но Кэлхун не был готов действовать.

Если когда-либо сецессия и была практической политикой, то в 1838 году, в том виде, в каком ее представил Ретт в Конгрессе[156].

В Южной Каролине в 1850 году Кэлхун был мертв, и существовало мнение Ретта и мнение Чевса. В Джорджии были взгляды Кобба и Тумбса, Хилла и Стивенса.

О человеке, который больше, чем кто-либо другой, сделал для предотвращения отделения в 1850 году, мы знаем меньше всего, а то, что мы знаем, не помогает нам в значительной степени понять его. Какую политику представлял Хауэлл Кобб, не совсем ясно. Он был достаточно силен, чтобы его осуждали как предателя те, кто не мог согнать его со своего пути, и примерно так же, как Хейна убрали из национальной политики, когда политика штата требовала человека необычной силы, Кобб в 1852 году ушел с высокого поста спикера Палаты представителей, чтобы стать губернатором Джорджии; а в последние четыре года перед отделением он молчал благодаря своему положению в кабинете Бьюкенена.

Но и помимо лидеров страна менялась, и, несмотря на заявления об обратном, нигде так сильно, как на Юге.

Постоянный рост негритянского населения и огромные суммы, вложенные в этот вид собственности, привели к дезинтеграции прежних взглядов.

Нуллификация ускорила эти изменения, поскольку взгляды Хейна в 1827 году и Кэлхуна в 1836 году, безусловно, сильно расходились.

В 1845 году Кэлхун поздравил Хэммонда с тем, что мнение на Юге продвинулось к той высокой позиции, которую он занимал раньше; но можно сомневаться, что сам Кэлхун не был бы поражен прогрессом, выявленным в 1855 году, о чем свидетельствовала агитация за возобновление работорговли.

В 1845 году, когда Уайз, тогдашний министр Соединенных Штатов в Бразилии, раскрыл способ ведения работорговли в этой стране, в которой были замешаны как англичане, так и американцы, президент, в кабинете которого Кэлхун тогда занимал пост государственного секретаря, без обиняков осудил ее, радуясь, что "наши собственные берега свободны от ее загрязнения"; хотя он был вынужден признать, что существует "множество обстоятельств, дающих основания считать, что некоторые из наших граждан глубоко замешаны в ее вине"[157].

Критика Кэлхуна в адрес Уайза по этому поводу сводилась лишь к тому, что он опасался, что тот был неосмотрителен и что его заявления могут повлиять на отношения между Бразилией и Соединенными Штатами[158].

Конечно, Кэлхун был не тем человеком, который мог бы поддержать то, что его шеф назвал "загрязнением окружающей среды", и остаться в его кабинете.

Опять же, нет никаких оснований полагать, что Кэлхун вообще симпатизировал амбициозному плану принуждения к рабству в Тихом океане. Какими бы ни были достоинства или недостатки его политики, она была сугубо оборонительной, и он почти религиозно придерживался фразы "рабство в том виде, в каком оно существует на Юге".

Что это такое, в некоторой степени раскрыл комитет по религиозному обучению негров, , который в 1845 году получил отчеты со всех концов Юга.

Роберт Барнуэлл Ретт возглавлял один из главных комитетов, а среди его членов были Д. Э. Хьюгер, Бэзил Гилдерслив, Роберт У. Барнуэлл и многие другие видные государственные деятели, а также деятели культуры и религии на Юге.

Рассказ из Алабамы о "слуге Эллисе" очень интересен. Его кровь и цвет кожи, как утверждалось, были несмешанными, и он оказывал большую помощь в проведении собраний среди негров, хотя "был более сдержанным и скромным, чем большинство людей его положения, когда они имели способности выше своих товарищей"[159].

Говорят, он умел читать по-гречески и по-латыни и очень хотел овладеть ивритом; синоды Алабамы и Миссисипи предложили купить его, чтобы отправить в Африку в качестве миссионера.

Такие условия, как в этих отчетах, были полностью проигнорированы фанатичными аболиционистами того времени, хотя они являются лишь одним из многих свидетельств того, насколько мягким и гуманным было рабство, как оно тогда существовало на Юге.

Но вопрос заключался в том, могло ли оно продолжаться? И к 1855 году появились зловещие признаки перемен. Началась агитация за возобновление работорговли.

О том, каким страшным моральным ущербом для Юга это обернулось бы, свидетельствуют одни только заявления тех, кто выступал за этот курс и в то же время имел смелость высказать свое мнение о недостаточности существовавших тогда законов для надлежащей защиты представителей низшей расы, которые тогда находились на Юге, усовершенствованные годами обучения.

В 1856 году губернатор Южной Каролины Джеймс Х. Адамс высказался следующим образом:

"Если мы не можем удовлетворить спрос на рабский труд, то мы должны ожидать, что нам будет предоставлен вид труда, который нам не нужен и который по самой природе вещей антагонистичен нашим институтам. Гораздо лучше, чтобы наши повозки возили рабы, чтобы на наших фабриках работали рабы, чтобы наши гостиницы обслуживали рабы, чтобы наши локомотивы обслуживали рабы, чем чтобы мы подвергались притоку из любой точки населения, чуждого нам по рождению, воспитанию и образованию, что со временем должно привести к конфликту между капиталом и трудом, который так затрудняет сохранение свободных институтов во всех богатых и высококультурных странах, где таких институтов, как у нас, не существует."

Во всех рабовладельческих государствах истинная политика диктует, что высшая раса должна руководить, а низшая выполнять всю рутинную работу. Конкуренция между белыми и чернокожими за эту службу может не беспокоить чувства северян, но она не подходит для нашей широты. Однако, независимо от интересов, закон Конгресса, объявляющий работорговлю пиратством, ставит на нас клеймо, которое я считаю важным снять. Если торговля является пиратством, то раб должен быть грабежом; и никакая изобретательность не может избежать логической необходимости такого вывода.

Мои надежды и судьба неразрывно связаны с этой формой общества. Я чувствую, что не выполнил бы свой долг, если бы не призвал вас отозвать свое согласие на закон, который сам по себе является прямым осуждением ваших институтов"[160].

Это было правдивое, честное, разумное и обоснованное изложение дела; надежды и судьбы тех, кто находился у власти, были неразрывно связаны с формой общества, которую рабство воздвигло на Юге.

В подробном отчете комитета Генеральной Ассамблеи Южной Каролины в ответ на послание, в котором рекомендовалось аннулировать упомянутый закон; хотя честность и искренность членов комитета не вызывает сомнений, их ужасная непригодность к возложенной на них ответственности стала со временем почти до смешного очевидной. Их полная неспособность оценить ужасающее зло, причиненное цивилизации, которую, как они думали, они защищают и укрепляют, выступая за возобновление работорговли, наиболее ярко проявилась в их впечатлениях о последствиях эмансипации, менее ярких, чем картина Хэммонда, но столь же поразительно неверных.

"Паралич промышленности, который наступил бы в результате эмансипации рабов, в течение одного года оставил бы всю страну почти без продовольствия, и несчастные жители погибли бы тысячами от всех томительных мук неудовлетворенного голода"[161].

Когда к этому добавляются излияния таких людей, как Спратт, мы с трудом можем осознать, что это было сделано в штате, который произвел на свет Роберта Барнуэлла, Джозефа Алстона, Уильяма Лоундеса и Роберта Й. Хейна.

В докладе меньшинства, однако, приемного сына Дж. Джонстона Петтигрю, который шесть лет спустя с честью и славой, в высоком чине, пал при отступлении из Геттисберга, штат нашел лучшее представление; в то время как блестящий Хэммонд, который утверждал, что он: "безоговорочно одобрял расхожее мнение губернатора Макдаффи о том, что "рабство - краеугольный камень нашего республиканского здания"", тем не менее также заявил в споре с Кларксоном: "Я могу сказать, что я не больше сторонник рабства в абстрактном смысле, чем нищеты, болезней, уродства, идиотизма или любого другого неравенства в человеческой семье; что я люблю совершенство и думаю, что должен наслаждаться тысячелетием, как обещал Бог"[162].

Нельзя сказать, что такие люди, как Хэммонд, Адамс и Роберт Г. Харпер из Джорджии, были слепы к злоупотреблениям рабства, ведь Адамс, сторонник возобновления работорговли, всего за год до этого в своем послании к Генеральной ассамблее Южной Каролины заявлял:

"Применение наших законов по отношению к цветному населению нашими магистратскими судами и судами свободных держателей, как они устроены в настоящее время, настоятельно требует реформы. Их решения редко соответствуют справедливости и гуманности. В большинстве случаев, доведенных до моего сведения, я был вынужден либо изменить приговор, либо вовсе отменить его"[163].

И все же губернатор Адамс был готов рискнуть страшным увеличением таких признанных зол, наводнив Юг множеством варваров, только что прибывших из джунглей Африки.

Но против этого Харпер из Джорджии выступал как башня силы.

Профессор Дюбуа утверждает, что "хотя такие горячие головы, как Спратт, не смогли в 1859 году увлечь за собой значительное большинство южан в попытке вновь открыть торговлю любой ценой, все же агитация сумела смести почти всю теоретическую оппозицию торговле и оставила большинство южан в позиции, которая рассматривала открытие африканской работорговли лишь как вопрос целесообразности"[164].

Он попытался подтвердить это цитатами из "Чарльстон Стандарт", "Ричмонд Экзаминер", "Нью-Орлеан Дельта" и других южных газет, утверждая, что доклад меньшинства Джонстона Петтигрю стоил ему переизбрания в законодательное собрание Южной Каролины. Как уже было показано, это, однако, не помешало ему получить высокий командный пост в войсках, которые Южная Каролина предоставила для участия в войне между штатами; в то время как сенатор Хэммонд, который поднялся до самой высокой чести, которой мог удостоить его штат, в 1858 году недвусмысленно заявил по поводу возобновления работорговли: "Я сам когда-то рассматривал эту идею, но после дальнейшего изучения отказался от нее. Сейчас я не буду углубляться в ее обсуждение, скажу лишь, что Юг сам расколот по поводу этой политики, и, судя по всему, подавляющее большинство выступает против нее"[165].

Джеймс Чеснат, другой сенатор от Южной Каролины, в том же году публично высказался против. Но именно в глубокомысленной и восхитительно тщательной аргументации Харпера из Джорджии противники повторного открытия нашли наилучшее представление.

Южный до глубины души, он защищает рабство "в том виде, в котором оно существовало на Юге", и это не может быть улучшено.

Харпер знал, что рабский труд отнюдь не был дешевой рабочей силой. Подобно Хэммонду и другим исследователям, он знал, что свободный труд дешевле и в Великобритании, и в Соединенных Штатах, но в отчетах парламентской комиссии 1842 года указывалось, что трудящиеся Соединенного Королевства находятся в более жалком состоянии, более деградированы морально и физически, чем рабы Юга. Он понимал, что капитал неизбежно потянется за дешевой рабочей силой, которая, хотя и будет выгодна работодателю и потребителю, постепенно подорвет основы республики, низведя на нет весь труд, и в то же время создаст привилегированный класс праздных богачей. Он услышал в этих криках о возобновлении работорговли тот же самый спрос на дешевую рабочую силу со всеми пороками, от которых Юг освободился за годы, когда он обучал и возвышал свой дорогой рабочий класс. Он видел, как этот дешевый импортный рабский труд вторгается в сферу деятельности остатков белого рабочего класса Юга и делает его неприемлемым для института. Но помимо всего этого, он видел работорговлю такой, какой видели ее его предки в те времена, когда Юг производил своих сильнейших мужчин, и без обиняков заявлял:

"Голосами представителей Юга и Севера мы поставили на ней клеймо и наказание величайшего из преступлений против человечества". Перемены в общественном мнении Юга еще не произошли. Произвести его будет трудно. Когда попытка будет сделана, она приведет к расколу, который века дискуссий не смогут преодолеть"[166].

Как бы ни было неприятно рабство в абстрактном смысле, спорным является вопрос о том, не занимал ли Харпер из Джорджии, сторонник рабства, как оно существовало на Юге в 1858 году, но решительный противник возобновления работорговли, более высокую позицию с гуманитарной точки зрения, чем Оливер Эллсворт из Коннектикута в 1787 году, который тогда был "за то, чтобы оставить положение в его нынешнем виде, пусть каждый штат импортирует то, что ему нравится"[166]. По мере роста населения бедных рабочих будет так много, что рабы станут бесполезными".

Эллсворт мог бы пойти дальше и заявить, что, если бедных рабочих не хватает, их можно импортировать. В 1912 году их завозили такими стаями, что, как утверждалось, это угрожало нашей цивилизации.

Однако, несмотря на столь явное противодействие возобновлению работорговли на Юге, не приходится сомневаться в том, что рабское население Юга с 1808 года в значительной

степени пополнялось за счет незаконного ввоза из-за границы. В какой степени - трудно сказать с точностью.

В своей работе "Подавление работорговли" профессор Дюбуа цитирует документы Конгресса, свидетельствующие о том, что с острова Амелия на побережье Персидского залива в 1817 году пираты имели одиннадцать вооруженных судов, на которых они захватывали рабов и доставляли их грузы в Соединенные Штаты[167], и что через год после захвата острова американскими войсками африканские и вест-индские негры почти ежедневно нелегально ввозились в Джорджию.[168] Он также утверждает, что, по оценкам трех представителей Конгресса, Таллмаджа из Нью-Йорка, Миддлтона из Южной Каролины и Райта из Вирджинии, в 1819 году в страну ввозилось около 14 000 рабов в год.[Он считает, что хотя контрабанда никогда полностью не прекращалась, участие американцев в ней сократилось в период с 1825 по 1835 год, когда она вновь оживилась, достигнув наивысшей активности в период с 1840 по 1860 год, когда Нью-Йорк был "главным портом мира для этой позорной торговли, хотя Портленд и Бостон занимали лишь второе место."Он цитирует ДеБоу, утверждающего, что в 1856 году из восточных портов ежегодно уходило сорок работорговцев, на которых ежегодно наживалось 17 000 000 долларов, и доклад Американского общества борьбы с рабством, согласно которому в 1857-1858 годах двадцать один из двадцати двух работорговцев, захваченных британскими крейсерами, оказались американцами, из Нью-Йорка, Бостона и Нового Орлеана;[171] а Стивен А. Дуглас утверждал, что видел недавно привезенных рабов в Висксбурге и Мемфисе в 1859 году[172].

В 1839 году газета "Чарльстон курьер" напечатала выдержку из "Нью-Йорк джорнэл оф коммерс" о том, что двадцать три судна под американским флагом отплыли в это время из Гаваны для торговли рабами[173]. А газета "Чарльстон Меркьюри" в 1849 году заявила: "Работорговля на Кубе снова очень активна"[174].

В поддержку этих утверждений можно сказать следующее:

Из прироста цветного населения Соединенных Штатов с 1850 по 1860 год более половины приходилось на четыре штата - Луизиану, Миссисипи, Арканзас и Техас, в которые легче всего импортировать рабов, и нравы самого северного из них становились чрезвычайно чувствительными к намекам на институт рабства, о чем свидетельствует следующая выдержка из резолюции, принятой законодательным собранием этого штата и направленной в другие штаты Союза:

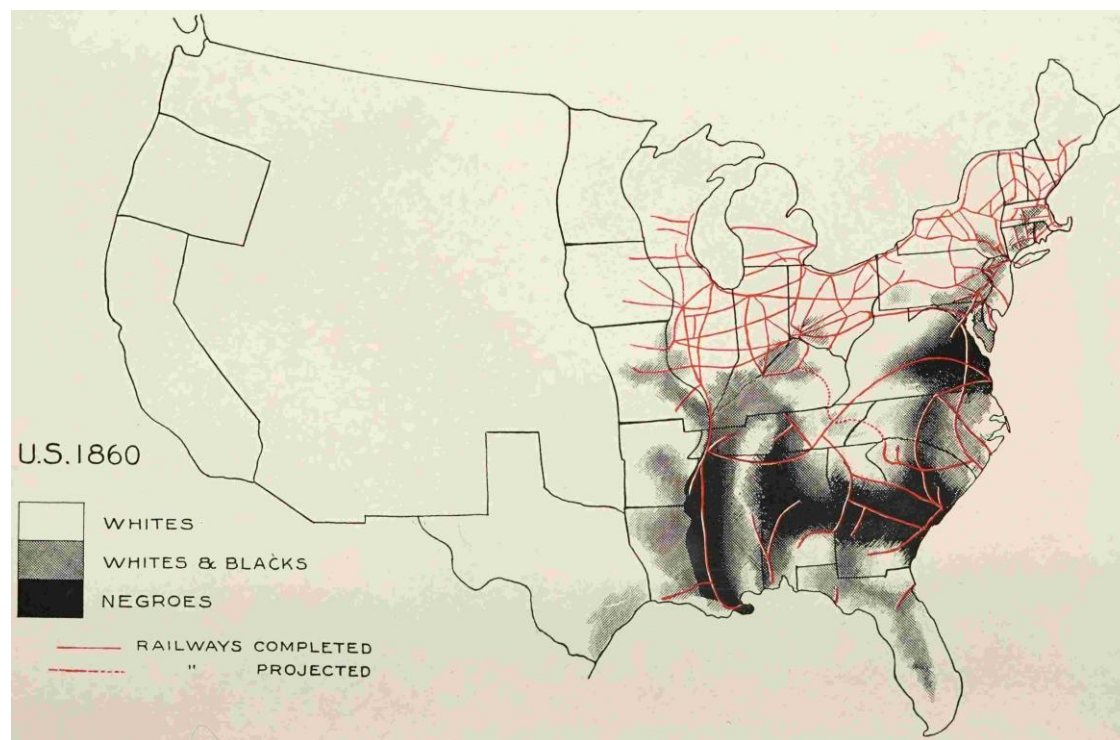
"Принимая во внимание, что право собственности на рабов прямо признано Конституцией Соединенных Штатов и в силу такого признания гарантировано от недружественных действий со стороны Генерального правительства; и принимая во внимание, что каждый штат Союза, являясь участником федерального договора, также является участником вышеуказанного признания и гарантии..... Решено: Что граждане штата Огайо придерживаются курса, особенно несправедливого и одиозного, в своей фанатичной враждебности к институтам, за которые они не несут ответственности; в их поощрении известных преступников и одобрении неоднократных нарушений закона и приличий, а также в их создании аболиционистских изданий и распространении подстрекательских документов, призывающих подневольное население к кровопролитию и насилию, и в силу предпосылок, долг и интерес народа Арканзаса - прекратить все социальные и торговые отношения с гражданами указанного штата." и т. д.[175]

Интересно отметить, что в своей очень умелой и чрезвычайно интересной работе "Борьба за Северо-Запад", 1860 год, карта, сопровождающая статью профессора У. Э. Додда, не включает Огайо.

Цитируя речь сенатора Хэммонда в 1858 году, в которой тот заявляет: "Самая ценная часть Миссисипи принадлежит нам, и хотя те, кто поселился выше нас, сейчас выступают против нас, другое поколение расскажет другую историю", [176] мистер Додд делает из этого вывод, что "идея Хэммонда заключалась в том, что железные дороги, соединяющие Запад и Юг, будут настолько стимулировать взаимную торговлю между фермерами и плантаторами, что сопротивление региона Чикаго-Детройт будет преодолено".

Но следует помнить, что в 1858-1860 годах между Западом и Югом простирался огромный участок страны длиной более шестисот миль и шириной почти триста миль, по всей протяженности которого от Потомака у Харперс-Ферри до слияния реки Огайо с Миссисипи у северо-восточного угла Арканзаса не проходило ни одной железной дороги.

Пересечь этот огромный участок примерно по центру в самой широкой его части - такова была схема дороги Хейна, от которой отказались ради схемы, слабо параллельной внизу, сети, тянущейся на запад вверх.

США 1860 Г.
БЕЛЫЕ
БЕЛЫЕ И НЕГРЫ
НЕГРЫ
СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ЗАВЕРШЕНО
" ПРОЕКТ

Президентская кампания демократов, возможно, была направлена на избрание в Палату представителей в 1860 году и могла быть проиграна, как утверждает профессор Додд, "лишь с небольшим перевесом за счет голосов иностранцев, которых железные дороги в большом количестве наводнили оспариваемый регион"; но этот триумф в лучшем случае лишь

отсрочил бы борьбу еще на четыре года, поскольку специальный корреспондент на Западе, газета "Колумбус, Джорджия, Таймс" в 1854 году сообщала:

"Если Канзас станет штатом свободных земель, рабство будет обречено для Миссури"[177].

Начатая в 1840 году попытка провести параллель с северными системами, перекачивая население на запад, в 1860 году была признана невыполнимой задачей, и после избрания Линкольна, известного как человек, который заявил, что дом, разделенный против самого себя, не устоит, Юг попытался положить конец расколу путем сецессии.

Более могущественный Север не захотел согласиться с таким решением, и за Союзом последовала война.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[152] Woodrow Wilson, Division and Reunion, p. 184.

[153] Ibid.

[154] Ibid. p. 185.

[155] Jefferson Davis, Rise & Fall of Confed. Gov. p. 29, Vol. I.

[156] Jervey, Hayne, p. 451.

[157] Message, President Tyler, Richardson, Vol. 4, p. 363.

[158] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 665.

[159] Report Com. Религиозное обучение негров, Дженкинс, том 23, памфлеты C. L. S. № 10, с. 65.

[160] Appendix Report Special Com. House Rep. So. Ca. Walker & Evans, 1857. p. 57. Message Gov. Adams of S. C. 1856, Vol. 23.

[161] Report Special Com. Reopening Slave Trade, 1857, p. 9. Vol. 23.

[162] Hammond Speeches, p. 120.

[163] Gov. Adams of S. C. Message General Assembly 1855, Vol. 15.

[164] DuBois, Suppression Slave Trade, p. 173.

[165] Hammond Speeches, p. 335.

[166] Robert G. Harper, Argument Slave Trade, Vol. 23, pamphlet C. L. S. Hanleiter, Atlanta Ga. No. 8. p. 66.

[167] DuBois, Suppression Slave Trade, p. 113.

[168] Ibid. p. 114.

[169] Ibid. p. 124.

[170] Ibid. p. 179.

[171] Ibid.

[172] Ibid. p. 181.

[173] Jervey, Robert Y. Hayne & His Times, p. 504.

[174] Charleston Mercury, May 26, 1849.

[175] Resolutions State of Arkansas, 1855, Vol. 15, pamphlets C. L. S.

[176] Dodd, The Fight for the Northwest, 1860, Am. His. Review Vol. XVI, p. 777.

[177] Columbus, Ga., Times, Nov. 19, 1854.

ГЛАВА IX

От рассмотрения мудрости, правильности и морали импорта африканских рабов в качестве предмета торговли в 1787 году негритянский вопрос в Соединенных Штатах перешел к мудрости и правильности предотвращения любого расширения института рабства за те пределы, в которых он существовал в 1820 году, и от этого, после неоднократных волнений, изрядно потрясших Союз до основания, за которыми последовали компромиссы, не удовлетворившие никого, в 1856 году вспыхнуло рассмотрение вопроса о возобновлении работорговли, за которым быстро последовали сецессия и война в 1860 году, а также эмансипация как военная мера в 1863 году, направленная против одиннадцати конфедеративных штатов.

В течение четырех лет отчаянной борьбы между отделившимися штатами и консолидированными северными и западными штатами рабы своим поведением демонстрировали моральный облик, заслуживающий их похвалы и неоспоримо свидетельствующий о цивилизующем влиянии института, в котором они воспитывались. Но мир 1865 года сразу же поставил вопрос о статусе вольноотпущенника. В северных штатах это был важный вопрос. В южных штатах он затмевал все остальные вопросы.

С имущественными потерями, исчисляемыми миллиардами, с почти неисчислимыми потерями мужественности, с неописуемым выкорчевыванием и переворотом промышленных условий, провал Сецессии оставил одиннадцать штатов, составлявших Южную Конфедерацию, с белым населением около 5 000 000 человек и цветным населением около 4 000 000 человек; но в трех из них, Южной Каролине, Миссисипи и Луизиане, цветное население превышало белое.

Оправдались ли прогнозы Кэлхуна и де Токвиля?

Ни в одном штате перспективы не были столь мрачными, как в Южной Каролине, где на 400 000 негров едва ли приходилось более 250 000 белых, и в Миссисипи, где цветное большинство было не столь велико: 350 000 белых и около 430 000 негров. И все же среди цветного населения Южной Каролины, судя по числу свободных цветных в 1860 году, около 9 914 человек,[178] и числу домашних рабов и механиков в Чарльстоне, возвращенных для налогообложения в 1859 году,[179] в огромной массе были те негры, на которых, благодаря воспитанию, образованию и окружению, а также унаследованным традициям, если бы только их не использовали те, кто их не знал, можно было бы положиться в любой чрезвычайной ситуации. По приблизительным подсчетам, в Южной Каролине их могло быть 30 000, в Миссисипи - меньше.

Таким образом, в обоих этих штатах бывшая правящая верхушка белых предприняла серьезную, продуманную попытку восстановить политическую структуру, одновременно приспособив негров к изменившимся условиям, вызванным эмансипацией. Но прежде чем рассматривать эту вызывающую много нареканий попытку побежденных, краткий очерк условий в Южной Каролине весной и летом 1865 года покажет в некоторой степени растущую сложность и трудности проблемы, от которой спасла смерть Линкольна и с которой пришлось столкнуться Эндрю Джонсону.

Еще до убийства Линкольна было заметно, что ярые аболиционисты настроены унижить свергнутых, и в частности тот штат и город, который на протяжении трех десятилетий возглавлял борьбу за "рабство в южных штатах".

6 апреля 1865 года Уильям Ллойд Гаррисон, сенатор США Генри Уилсон из Массачусетса, судья Келли из Пенсильвании, Теодор Тилтон и его близкий друг преподобный Генри Уорд Бичер из Нью-Йорка, а также Джордж Томпсон из Англии посетили Чарльстон.

Генерал Сакстон из Массачусетса лично проводил их в Цитадель Грин на Калхун-стрит, что вызвало несколько язвительных замечаний со стороны майора Делани, весьма примечательного цветного члена генеральского штаба, и там генерал представил великого аболициониста огромной толпе, собравшейся послушать его. Но как бы основательно генерал и его высокие гости ни считали, что понимают условия, возможно, они были несколько удивлены тем, с каким апломбом Сэмюэл Дж. Дикерсон (в рабстве - каменщик, а в местной вольнице, бросивший свои инструменты ради высшей цели и ставший адвокатом) ввел себя и двух своих дочерей в самый центр картины. Произнеся беглую речь, Дикерсон преподнес Гаррисону венок. В ответном слове великий человек сделал ему комплимент, возвысил штат Массачусетс и сам представил сенатора Уилсона как одного из "грязнуль" Массачусетса, который из такого состояния поднялся до того высокого положения, которого он достиг. Затем великий аболиционист уступил место сенатору, который провозгласил это событие "самым гордым днем в своей жизни".

Прокричав возбужденной толпе, стоявшей перед ним, что он чувствует "рабскую власть под своей пятой", он провозгласил свои чувства следующим образом:

"Я хочу, чтобы гордое и надменное рыцарство Южной Каролины знало... что черные мужчины и черные женщины Южной Каролины так же свободны, как и они сами. И еще, что они верны флагу страны, в то время как они - лживы и предательски..... Мы победили, мы выпороли их, их сила сломлена, и они потеряны навсегда"[180].

За ним последовал судья Келли, который осудил экс-президента Бьюкенена и восхвалил Сэма Дикерсона. Затем последовали другие речи в том же духе, и оргия ораторского искусства достигла такой степени, что, казалось бы, единственный здравомыслящий член группы почувствовал себя вынужденным по случаю более позднего обращения, произнесенного в церкви Сиона, предостеречь негров от...

"их оставшихся врагов - гордости, праздности, наглости; они - змеи, которые будут искушать народ"[181].

Война еще не была полностью закончена, и эта широко разрекламированная речь сенатора Вильсона, должно быть, привела в отчаяние многих офицеров Конфедерации. Дон К. Сейтц в своем очень ценном труде "Брэкстон Брэгг, генерал Конфедерации" приводит интереснейшее письмо Уэйда Хэмптона, написанное не далее как две недели спустя, Джефферсону Дэвису, в котором он аргументированно возражает против принятия условий

генерала Шермана генералу Джонстону и в котором наиболее эффективно изображает условия хуже войны, которые предвещала капитуляция. Но каким бы яростным ни было пламя, которое раздували Вильсон и ему подобные, оно превратилось в пожирающее пламя после убийства Линкольна. Президент Джонсон, при поддержке Сьюарда, старательно пытался погасить это пламя.

Родившийся в Северной Каролине, самом демократическом штате старого Юга, Эндрю Джонсон из скромного происхождения занял видное положение в западном южном штате Теннесси, населенном в основном выходцами из Северной Каролины. Будучи губернатором и сенатором от Теннесси, он занял опасный пост военного губернатора в этом штате в то время, когда по нему эхом разносился непрерывный топот враждующих армий, которые то отступали, то наступали в состязаниях, сравнимых с теми, что обагрили кровью землю Виргинии.

Не обладая ни личным магнетизмом, ни привлекательными чертами своего предшественника, великого раскольника и борца Запада; непримиримый к любым предположениям о том, что он должен купить поддержку проституцией назначающей власти, даже ради благой цели; излагающий свои чувства с агрессивной честностью, которая должна была шокировать беспечного среднего; Ничто не могло более четко обозначить пропасть между ним и сентиментальностью аболиционистов, Гаррисона, Дэвиса, Келли и других, чем его прием в первые же дни президентства делегации цветных, которые призывали его в первую очередь потворствовать этому, для них самому дорогому праву свободы, свободе слова. Для них и для широкой общественности Севера его ответ должен был быть оскорбительным, какую бы правду он ни содержал. В частности, он сказал:

"В Конгрессе и с кафедры, на Севере и Юге, легко говорить о многоженстве, Бригаде Янге и разврате разного рода; но есть еще один великий факт, что четыре миллиона людей жили в открытом и пресловутом наложничестве. Настало время, когда вы должны исправить эту ситуацию. Вы знаете, что то, что я говорю, правда, и вы должны сделать что-то, чтобы исправить это как своим примером, так и словами и профессиями..... Я верю в Бога, что придет время, когда вы будете собраны вместе в подходящем для вас климате и стране, если окажется, что две расы не могут ужиться вместе"[182].

После всего вышесказанного почти бесполезно утверждать, что Джонсон был абсолютно лишен доброжелательного такта и вульгарного юмора, которые так привязали Линкольна, самого популярного политика своего времени, к грубой массе электората, поскольку он озвучивал для нее ее мысли на языке, который она могла понять и оценить.

Если вспомнить, что Джонсон, южанин, вице-президент, пришедший с завоеванного Юга, получил бразды правления в тот момент, когда победоносный Север, окрыленный завоеваниями, увидел своего великого лидера, отождествляемого с Западом, сброшенным со своего высокого поста на кровавую смерть от рук убийцы, который провозгласил свою симпатию к побежденному Югу, то становится понятна безмерность трудностей, с которыми ему предстояло столкнуться. Кроме того, он и сам, прежде чем оправиться от обязанностей, возложенных на него должностью, "дышал угрозами и резней".

В прокламации, утверждающей, что Джефферсон Дэвис и другие подстрекали, выдумывали и организовывали зверское убийство президента Авраама Линкольна и попытку убийства Уильяма Х. Сьюарда, экс-президент Джефферсон Дэвис был подвергнут огласке, а после его поимки заключен в тюрьму и закован в цепи; но что было бесконечно более ужасным, Вирц, офицер Конфедерации, отвечавший за Андерсонвилль, был принесен в человеческую жертву при обстоятельствах, которые оставили неизгладимое пятно на всех, кто хоть как-то

ответственен за то, что он стал козлом отпущения за очень эффективную военную политику, отклонившую предложение Конфедерации об обмене заключенными. Если Сьюарду потребовалось великодушие и стойкость, чтобы указать на метод, с помощью которого Союз можно было бы спасти от участи, в которую заговорщики из Конгресса намеревались вовлечь его ради своих собственных ближайших целей, и если в этой зарубленной жертве убийц Джонсон нашел якорь, с помощью которого он выстоял в разразившемся на него шторме; все же следует помнить, что ничто, кроме самой твердой честности и несгибаемого мужества, не могло заставить Джонсона даже попытаться бороться, и он боролся до конца. Условия на Юге были ужасающими. Обескровленная до белизны, какой не было даже Франции во время Великой войны; с ее трудовой системой, безнадежно дезорганизованной Бюро свободных людей; не только его методами, но и открыто озвученными предложениями его главы, генерала Говарда, о том, что федеральное правительство должно заставить землевладельцев предоставить своим бывшим рабам землю,[183] промышленность стояла на месте. Негритянские войска, расквартированные во всех направлениях с "намеренной целью подчеркнуть полноту катастрофы, которую война обрушила на Юг", [184] сталкивались с белыми почти ежедневно. Но в большинстве случаев их нельзя было списать на бесцеремонность южных рабовладельцев, поскольку нередко были случаи, когда войска северян, исполнявшие свой долг, подвергались нападению со стороны цветных. Федеральный солдат, стоявший на посту у одного из домов в Аббевиле, был застрелен цветными солдатами,[185] разъяренными против его обитателей. Сержант Терри и четверо солдат 127-го Нью-Йоркского добровольческого полка, несшие караул на батарее в Чарльстоне, были атакованы неграми при содействии солдат 35-го цветного полка Соединенных Штатов, двое из них были ранены, а прибывшие дополнительные белые войска рассеяли нападавших, потеряв пять человек и произведя несколько арестов.[186] Позже лейтенант А. С. Бодин из того же полка за то, что очистил собрание белых от незваных негров, среди которых появились негры-солдаты с оружием, был отдан под трибунал по приказу генерала Хэтча, командовавшего в Чарльстоне, суд признал его виновным, на основании самых ничтожных доказательств, в "необоснованном применении произвольной власти" и приговорил к выговору от вышестоящего офицера, который был немедленно снят генералом, командовавшим департаментом[187].

При таких условиях в городах и поселках неудивительно читать отчет о казни чуть позже Джеймса Гриппена и Бена Реддинга из Co. F, 104th United States Colored Troops, по обвинению в изнасиловании, поджоге и краже со взломом, когда они вместе с другими, не задержанными, проникли в дом близ Макферсонвилля, Южная Каролина, и там изнасиловали четырех белых женщин, названных по имени.[188] Поскольку подобные факты время от времени просачивались наружу, несмотря на давление извне, побуждавшее его оставить Южную Каролину на пару лет под военным управлением, президент Джонсон решил назначить временного губернатора и с этой целью издал прокламацию, в которой, в частности, говорилось следующее:

"Принимая во внимание, что 4-й раздел 4-й статьи Конституции Соединенных Штатов провозглашает, что Соединенные Штаты гарантируют каждому штату Союза республиканскую форму правления и защищают каждый из них от вторжения и внутреннего насилия; и принимая во внимание, что Президент Соединенных Штатов, согласно Конституции, является главнокомандующим армией и флотом, а также главным гражданским должностным лицом Соединенных Штатов, и обязан под торжественной присягой добросовестно исполнять должность Президента Соединенных Штатов и заботиться о том, чтобы законы были добросовестно выполнены; и поскольку восстание, которое было частью народа Соединенных Штатов против надлежащим образом созданных властей

правительства Соединенных Штатов в самой жестокой и мятежной форме, но чьи организованные и вооруженные силы были почти полностью побеждены, в своем революционном прогрессе лишило народ штата Южная Каролина всякого гражданского правительства; и поскольку становится необходимым и надлежащим выполнить и привести в исполнение обязательства Соединенных Штатов перед народом Южной Каролины в обеспечении им республиканской формы правления. Поэтому, повинуюсь высоким и торжественным обязанностям, возложенным на меня Конституцией Соединенных Штатов, и с целью дать возможность лояльному народу указанного штата организовать правительство штата, с помощью которого можно будет установить справедливость, обеспечить внутреннее спокойствие и защитить лояльных граждан во всех их правах жизни, свободы и собственности, я, Эндрю Джонсон, Президент Соединенных Штатов и Главнокомандующий армией и флотом Соединенных Штатов, настоящим назначаю Бенджамина Ф. Перри из Южной Каролины временным губернатором штата Южная Каролина, в обязанности которого будет входить в кратчайшие возможные сроки предписать такие правила, которые могут оказаться необходимыми и надлежащими для созыва конвента, состоящего из делегатов, которые будут избраны той частью населения указанного штата, которая лояльна Соединенным Штатам, и никакой другой, с целью изменения или дополнения его Конституции и с полномочиями осуществлять в пределах указанного штата все полномочия, необходимые и надлежащие для того, чтобы позволить такому лояльному народу штата Южная Каролина восстановить конституционные отношения указанного штата с федеральным правительством и установить такую республиканскую форму государственного правления, которая даст штату право на гарантии, а его народу - на защиту Соединенных Штатов от вторжения, восстания и насилия внутри страны; При условии, что на любых выборах, которые в дальнейшем могут быть проведены для выбора делегатов на конвенцию штата, как указано выше, ни одно лицо не может быть квалифицировано в качестве выборщика или иметь право быть членом такой конвенции, если оно предварительно не принесло и не подписало присягу об амнистии, как указано в прокламации президента от 29 мая 1865 года, и является избирателем, как предписано Конституцией или законами штата Южная Каролина, действовавшими непосредственно перед датой так называемого Ордонанса о сессии. И упомянутый съезд, который созывается, или Законодательное собрание, которое может быть собрано впоследствии, будут предписывать квалификацию избирателей и право лиц занимать должности в соответствии с Конституцией и законами штата, как это по праву осуществлялось народом нескольких штатов, составляющих Федеративный Союз, с момента возникновения правительства и до настоящего времени. И я настоящим предписываю и т. д."

В прокламации содержался приказ о том, чтобы военные власти никоим образом не препятствовали, не мешали и не вмешивались в вышеупомянутое.^[189] Незадолго до прокламации губернатора Перри о созыве конвента появилось письмо, в значительной степени способствовавшее успеху плана президента в Южной Каролине. Автором письма был Уэйд Хэмптон, покойный генерал-лейтенант К.С.А. Письмо раскрывает отчаянное состояние многих, пытаясь его успокоить. Оно было широко растиражировано и имело следующую форму:

"Редактору газеты "Колумбийский феникс", сэр:

Мне было адресовано множество сообщений с предложением создать колонию для эмиграции, и я решил ответить на них таким образом не только из-за их количества, но и из-за отсутствия всех почтовых удобств. Желание покинуть страну, которая доведена до такого плачевного состояния, как наша, и будущее которой имеет так мало надежд, несомненно,

столь же широко распространено, сколь и естественно. Но я сомневаюсь в целесообразности этой экспатриации стольких наших лучших людей. Сам факт того, что наше государство проходит через столь ужасное испытание, как нынешнее, должен заставить его сыновей еще крепче прижаться к нему. Я советую всем моим согражданам посвятить все свои силы восстановлению закона и порядка, возрождению сельского хозяйства и торговли, развитию образования и восстановлению наших городов и жилищ, которые лежат в пепле. Для достижения этих целей, самых высоких, какие только может представить себе патриотизм, я рекомендую всем, кто может это сделать, принести присягу на верность правительству Соединенных Штатов, чтобы они могли принять участие в восстановлении гражданского правительства в нашем штате". Война, после четырех лет героической, но безуспешной борьбы, не смогла обеспечить нам те права, ради которых мы в нее вступили. Чтобы спасти хоть одно из наших прав - спасти хоть что-то еще от всеобщего разорения - потребуется вся государственная мудрость и весь патриотизм наших граждан. Если лучшие люди нашей страны - те, кто в течение многих лет рисковал жизнью, защищая ее, - откажутся принести присягу, они будут исключены из советов государства, и его судьба будет по необходимости передана тем, кто бросил его в трудную минуту, или тем, кто с радостью довел бы его до безвозвратного разорения. Чтобы уберечься от такого бедствия, пусть все истинные патриоты с рвением и честностью намерений посвятят себя восстановлению закона, благословению мира и спасению любой свободы, которую можно спасти от всеобщего крушения. Если после честных усилий по достижению этой цели мы потерпим неудачу, мы сможем найти дом в другой стране. Губернатором назначен выдающийся гражданин нашего штата - честный человек и истинный патриот. Вскоре он созвет народное собрание, на которое будут возложены самые жизненно важные интересы нашего штата. Выберите для этого собрания самых лучших и верных людей; не тех, кто отлынивал в час опасности, не тех, кто поклонялся мамоне, пока их страна истекала кровью из каждой поры, не политиков, которые, призывая к войне, не осмеливались встретиться с ее трудностями, а тех, кто положил все свои силы на алтарь своей страны. Выберите таких людей и сделайте их своими представителями. Тогда вы будете уверены, что ваши права не будут бездумно принесены в жертву, а ваша свобода не будет обменена на кусок похлебки. Я намерен следовать этому курсу. Я рекомендую его другим. Помимо обязательств перед государством, у меня есть и другие, личного характера, которые не позволят мне покинуть страну в настоящее время. Если мне будет позволено, я посвящу себя выполнению этих обязательств, как государственных, так и личных. Тем временем я получу всю информацию, которая была бы желательна для создания колонии, если мы в конечном итоге будем вынуждены покинуть страну. Я призываю моих сограждан, особенно тех, кто разделил со мной опасности и славу последних четырех лет, мужественно и искренне поддерживать наше государство". Римский сенат провозгласил благодарность одному из своих генералов, потому что в самый мрачный час Республики он не отчаялся. Давайте же подражать примеру римлян и тем самым дадим себе право на благодарность нашей страны.

С уважением,
Уэйд Хэмптон[190].

27 июля 1865 года.

Состоялся съезд, а вслед за ним - выборы губернатора и членов Генеральной ассамблеи по новой конституции, и наиболее выдающиеся члены съезда, не обращая внимания на разногласия по поводу политики, единодушно рекомендовали кандидатом в губернаторы distinguished Джеймса Л. Орра, который до войны был спикером Палаты представителей

Соединенных Штатов, а после образования Конфедеративных Штатов - сенатором от Южной Каролины и который организовал командование и видел службу в войне между штатами.

Несмотря на эти факты, а также на его опубликованный отказ от выдвижения, в его отсутствие генерал Хэмптон был выдвинут на пост губернатора механиками Чарльстона и победил лишь 733 голосами из 19 113 поданных, что по подсчетам белых мужчин, достигших избирательного возраста сразу после войны и ее инвалидности, должно было составлять не менее сорока процентов от того, что могло бы быть опрошено.

Собрался самый представительный законодательный орган штата, и, судя по именам, приложенным к: "Акт, предварительный к законодательству, вызванному эмансипацией рабов", принятый 19 ноября 1865 года, У. Д. Портер, председатель Сената, К. Х. Саймонтон, спикер Палаты представителей, и Джеймс Л. Орт, губернатор, официально ответственны за принятие закона; но основная работа по его разработке была проделана Д. Л. Уордлоу и Армистедом Бертом. Несмотря на постоянные и зачастую весьма некорректные нападки со стороны критика, ни в коей мере не пристрастного к Югу, эти усилия побежденных до того, как Конгресс выпустил на Юг поток Реконструкции, не кажутся столь ужасающими, как это утверждается до сих пор.

Профессор Берджесс говорит о них в целом в следующих выражениях:

"Когда вновь реорганизованные штаты взяли на себя юрисдикцию по вопросам, касающимся вольноотпущенников, они оказались вынуждены принять некоторые законы, чтобы предотвратить превращение всей негритянской расы в нищих и преступников. Именно перед лицом такой ситуации законодательные органы этих штатов приняли законы, касающиеся ученичества, бродяжничества и гражданских прав, которые на Севере рассматривались как попытки вновь поработить недавно освобожденных и послужили причиной глубокого порицания новых правительств штатов на Юге. Однако следует помнить, что на момент принятия Палатой представителей резолюции Стивенса только два из восстановленных мистером Джонсоном штатов приняли какие-либо законы по этим вопросам. Этими двумя штатами были Миссисипи и Южная Каролина, и внимательное изучение текста этих законов вряд ли оправдает ту интерпретацию, которую придают им радикальные республиканцы"[191].

Профессор Даннинг в более поздней работе утверждает, что:

"Южная Каролина запрещала цветным людям заниматься любой торговлей или бизнесом, кроме земледелия, фермерства или домашнего хозяйства, кроме как на основании лицензии, требующей значительной ежегодной платы; а в кодексе, касающемся хозяина и слуг, было закреплено множество правил, которые сильно напоминали те, что ранее действовали в отношении хозяина и раба"[192].

Лицензия, требуемая для владельца магазина, была значительной, как и лицензия для торговца. Она составляла сто долларов в год. В обеих этих профессиях масса негров могла быть легко обманута проницательными и беспринципными представителями расы; но во всех остальных профессиях, кроме свободных, она составляла всего десять долларов[193].

Обвиняя Вильсона, Самнера и других экстремистов в искажении духа и целей как законов, так и законодателей Юга, профессор Даннинг заявляет:

"Однако на самом деле это законодательство, отнюдь не воплощавшее в себе дух неповиновения Северу или стремление обойти условия, навязанные победителями, было, в

основном, добросовестной и прямой попыткой навести хоть какой-то порядок в социальном и экономическом хаосе, который несло в себе полное принятие войны и эмансипации"[194].

По его мнению:

"В конце концов, главная вина законодателей Юга заключалась не в том, что их процедура была неразумной *сама по себе*, а в том, что, принимая законы как завоеванный народ, они не смогли должным образом учесть и руководствоваться предрассудками своих завоевателей"[195].

Если в вышесказанном есть основания для осуждения, то Юг должен быть осужден за то, что он думал о своих завоевателях лучше, чем они того заслуживали. Упомянутый выше закон Южной Каролины исключал из положений так называемого "Черного кодекса" "каждого человека, в котором может быть семь восьмых или более кавказской крови", который, согласно закону, "будет считаться белым человеком"[196], заявляя, однако, что: "все остальные свободные негры, мулаты и метисы, все освобожденные женщины и все потомки любого из них по мужской линии, за исключением вышеуказанных, должны называться цветными людьми".

В нем объявлялось, что законы и правила, касающиеся рабов, неприменимы к цветным людям, и хотя они не имеют права на социальное или политическое равенство с белыми, им предоставляется право владеть и распоряжаться имуществом, заключать договоры, пользоваться плодами своего труда, подавать в суд и быть судимыми, а также получать защиту закона в отношении своей личности и имущества.

Таким образом, хотя Черный кодекс регулировал отношения и сдерживал цветных людей, по мнению мистера Даннинга и мистера Берджесса, в законе Южной Каролины было мало того, что могло вызвать выраженную враждебность Севера. По мнению последнего, он...

"обеспечивал существенное равенство в гражданских правах между цветными и белыми людьми"[197].

Два положения, которые, однако, имели большое значение и о которых следует помнить, были сформулированы представителями 250 000 белых, окруженных 400 000 негров, девяносто процентов которых были в глубоком невежестве. Первая из них была направлена на предотвращение увеличения бремени этого беспомощного невежества; вторая - на обеспечение этому населению защиты, которую те, кто освободил рабов, не предоставили освобожденным в их собственной части, по их собственным законам, в течение большей части времени их жизни в свободных штатах.

"XXII. Ни одно цветное лицо не может переселиться в этот штат и проживать в нем, если в течение двадцати дней после своего прибытия в этот штат оно не внесет залог с двумя свободными владельцами в качестве поручителей, которые должны быть утверждены судьей окружного суда или магистратом, в виде штрафа в тысячу долларов с условием его хорошего поведения и содержания, если он станет не в состоянии содержать себя"[198].

Этот закон также предусматривал, что в случае непредоставления залога цветному свободному человеку может быть предписано покинуть штат, а в случае неудачи - подвергнуться телесному наказанию в течение определенного времени, а если он будет продолжать упрямиться, то может быть заключен в тюрьму штата на определенный срок. Другой закон предоставлял огромному чернокожему большинству то, в чем законы Огайо,

Индианы и Иллинойса почти полвека отказывали слабому меньшинству свободных негров, въехавших в их пределы:

"В каждом гражданском и уголовном деле, стороной в котором является цветной человек или которое затрагивает личность или имущество цветного человека, цветные должны быть компетентными свидетелями"[199].

В свое время и впоследствии это законодательство подверглось резкому осуждению. Те, кто контролировал федеральную политику, видели в нем мирное урегулирование великих вопросов, угрожавших их господству, и горько и безоговорочно порицали его, возбуждая общественное мнение в той части, которая, еще не остыв от завоеваний, не желала допускать никакого вмешательства в свою великую миссию "положить нижний рельс на верхний".

Завоеватели сохранили Союз и отменили рабство. Это были два огромных достижения, пусть и достигнутые безжалостно.

Какой бы ужасной ни была цена, которую Юг заплатил за отмену рабства, она не была слишком большой, если принять во внимание все обстоятельства; кроме того, способ отмены был таков, что со временем он должен был привести к взаимному уважению между секциями, которого раньше не существовало.

Хотя эмансипация, будучи конфискацией имущества без надлежащей правовой процедуры, никогда не может быть оправдана юридически и может быть оправдана только как военная мера, тем не менее, если южан, белых и черных, только заставить увидеть условия, в которых они находятся сейчас на Юге, и осознать, что потомство справедливо требует определенного внимания от тех, кто воплощает его в жизнь, не пройдет и ста лет, как будет неопровержимо доказано, что эмансипация была более выгодна для Юга, чем для Севера. Это заявление сделано с полным пониманием того факта, что война, эмансипация и реконструкция настолько уменьшили Юг и затормозили его промышленное развитие, что с момента начала войны потребовалось тридцать лет, чтобы вновь поднять этот регион до уровня, которого он достиг в 1860 году, с точки зрения богатства и промышленности.

Поэтому войну и эмансипацию можно оправдать, но Реконструкция навсегда останется неизгладимым пятном на памяти завоевателей. И все же, как иногда отхаркивающее средство приносит пользу, которую не может принести ничто другое, так и Реконструкция, возможно, со временем будет доказана, что она была не без пользы.

Какими могли быть последствия попытки южных штатов приспособить негров к изменившимся условиям 1865 года, теперь всегда остается предметом предположений; ведь различия по цвету кожи, расе и условиям, которые они пытались установить, были безжалостно уничтожены военным контролем и всеобщим избирательным правом, за которым последовал Билль о гражданских правах.

Но прежде чем рассматривать ту эпоху неистовой сентиментальности в отношении африканцев в Соединенных Штатах, период Реконструкции Конгресса, следует пролить немного больше света на борьбу, которую вели оставшиеся в живых солдаты Конфедерации во главе с Уэйдом Хэмптоном из Южной Каролины и другими, менее известными, как Райт из Джорджии, за поддержку политики Сьюарда и президента Джонсона. Естественно, что при этом внимание будет в значительной степени сконцентрировано на "козле отпущения", "очаге сецессии", "распростертом штате", хотя это было сделано извне, если на ее границах,

запись была сохранена одним из ее сыновей, почти забытым солдатом и ученым Старого Юга, в его неутомимом, патриотических, абсолютно искренних и высокоинтеллектуальных попытках мысленно предотвратить низвержение остатков южной цивилизации, которым угрожало наступление черной орды вольноотпущенников, шедших на грабеж под предводительством Самнера, Стивенса и Вильсона и с полуотвернутым лицом Гранта.

Это описание южанина может показаться слишком всеобъемлющим и суровым, пока мы не прочтем заявление американского негра, наиболее почитаемого на Севере в свое время, лидера негритянской расы в Америке:

"Я чувствовал, что политика Реконструкции, в той мере, в какой она касалась моей расы, была в значительной степени основана на ложном фундаменте, была искусственной и вынужденной. Во многих случаях мне казалось, что невежество моей расы использовалось как инструмент, с помощью которого белые люди могли попасть в органы власти, и что на Севере существовал элемент, который хотел наказать белых южан, заставив негров занять должности над головами белых южан"[200].

Как можно сомневаться в этой характеристике, если вспомнить речь сенатора Вильсона в Чарльстоне и тот факт, что с таким послужным списком, как у него, и с таким полем для выбора, он стал помощником Гранта, Аароном для этого Моисея.

Южанин, сохранивший эту запись чаяний Старого Юга, был настолько идентифицирован с политической мыслью великого штата Северная Каролина, что, подобно Эндрю Джексону, которого он знал и утверждал как южнокаролинца, он также, хотя и был таковым, считался северокаролинцем. Но Дэниел Харви Хилл родился 12 июля 1821 года в Южной Каролине, на Hill's Iron Works, предприятии по производству железа, основанном его дедом в районе Нью-Аквайзинг (позднее Йорк) еще до Революционной войны, где ковались пушки для американской армии. Выпускник Вест-Пойнта и выдающийся ветеран Мексиканской войны, в которой он дослужился до звания майора, он ушел в отставку из армии США, чтобы заняться высшим делом, которому может следовать человек, и в 1849 году стал профессором математики в Вашингтонском колледже, Лексингтон, "Афинах" Виргинии, а позже был поставлен во главе Военного института Северной Каролины; После этого он поступил в армию Конфедерации, с отличием прослужил всю войну, дослужившись до звания генерал-лейтенанта, и выпустил в мае 1866 года в Шарлотте первый номер ежемесячного журнала "Земля, которую мы любим", издававшегося им с этого места по апрель 1869 года, в котором он озвучивал чаяния, надежды и решения, в основном, распущенных сил Конфедерации, составлявших, вероятно, на тот момент семьдесят или более процентов белого мужского населения Юга. Если журнал был создан по английскому, а не американскому образцу, он был более представительным для южноатлантических штатов в то время. Если сорок или более процентов его содержания посвящено недавней войне, то, учитывая время и условия жизни той части населения, от которой зависела его поддержка, это вполне естественно.

В нем можно найти нередкие материалы от Джорджии, которую профессор Трент назвал единственным поэтом, которого война произвела на свет с Юга; также несколько статей от романиста из Южной Каролины, которого Льюиссон упоминал в своей статье о Южной Каролине в The Nation в 1922 году; и одну от приемного сына Северной Каролины, которому штат обязан великим учреждением, Клемсон-колледжем, ради целей которого генерал Хилл так старался в своей вступительной статье об "Образовании". Здесь не хватит места, чтобы привести более трех выдержек: рассуждения генерала Хилла об образовании, упоминание книги Э. Г. Ли "Максимилиан и его империя" и еще более краткое упоминание и одобрение

Уэйда Хэмптона и его политики в отношении вольноотпущенников. Первая фраза - самая важная. После обсуждения количества президентов-южан, включая Линкольна и Джонсона, одиннадцати из семнадцати избранных до того времени президентов, выходцев с Юга, и еще большей доли государственных секретарей и генеральных прокуроров, генерал Хилл указывает, что, когда требовались деловые способности, как в кабинетах секретаря казначейства и генерального почтмейстера, ситуация сразу же менялась на противоположную, и продолжает:

"Приведенные выше факты и цифры были приведены в качестве предупреждения, а не для хвастовства. Гордость, которую мы могли бы испытывать по отношению к славе прошлого, упрекается мыслью о том, что она была приобретена за счет материального процветания страны; ведь богатые и талантливые люди не объединили свои состояния, свою энергию и свой интеллект для разработки огромных ресурсов родной земли. Какие фабрики они построили? Какие шахты они вырыли? Какие литейные заводы они основали? Какие машинные цеха они построили? Какие корабли они пустили в плавание? Их умы и сердца были поглощены борьбой за национальное положение и национальные почести. Они стремились к политическому превосходству, а не к бережливости и экономии внутри страны. Поэтому мы стали зависеть от Севера во всем - от люциферовой спички до колумбиады, от булавки до железнодорожного двигателя. Военное положение застало нас без оборудования, чтобы изготовить один ударный колпачок для солдатской винтовки или одну пуговицу для его куртки. Система труда, воздвигшая класс, жаждущий политических отличий, была навсегда упразднена; но система образования, основанная на ней, осталась неизменной и не модифицированной..... Старый метод обучения никогда не был мудрым; теперь он хуже, чем глупость, - это абсолютное безумие. Разве внимание к нашим полям и очагам не имеет для нас бесконечно большее значение, чем внимание к национальным делам? Разве практическое знакомство с топором, рубанком, пилой, наковальней, ткацким станком, плугом и мотыгой не является для обедневшего народа гораздо более полезным, чем знакомство с законами наций и наукой управления?... Пусть большинство из нас и не осознает этого, но доброе провидение действует в нужном направлении для земли, которую мы любим. Как народ мы особенно нуждались в двух вещах. Мы нуждались в отсечении искушения искать политического превосходства, чтобы наше общее школьное, академическое и коллежское обучение было направлено на практические цели..... Состояние испытательного срока, ученичества, вассалитета, или как бы оно ни называлось, в которое нас поместила доминирующая партия в Конгрессе, по нашему мнению, предназначено Дарителем всякого добра и совершенного дара для того, чтобы дать нам более высокие и благородные представления об образовании и обязанностях образованных людей..... И снова мы нуждались в том, чтобы ручной труд стал почетным. И здесь доброе Провидение вывело добро из зла..... Теперь Бог почитает ручной труд у нас, как никогда не делал этого ни с одним другим народом. Именно высокородные, культурные, умные, храбрые, щедрые люди теперь вынуждены работать своими руками. Таким образом, труд ассоциируется в нашем сознании со всем, что достойно рождения, изысканных манер, яркого интеллекта, мужественного характера и великодушной души. Теперь, когда труд стал достойным и дорогим, мы хотим, чтобы он был признан в наших школах и колледжах..... Крестьянин, который ограничивает обучение своего сына "Рассуждениями о князе" Макиавелли или "Наставлениями королевским ученикам" Фенелона, не более пренебрегает своим рангом и положением, чем наши учителя пренебрегают состоянием страны. Важен ли закон народов для нас, не являющихся ни государством, ни колонией, ни территорией? Полезна ли нам наука о разуме сейчас, когда наш высший долг - заниматься своими делами? Поможет ли нам логика в наших рассуждениях, будь мы в Союзе или вне его? Посадит ли риторика розы в наших сожженных районах?... Напротив, нам нужен всеобъемлющий план

обучения, который будет охватывать полезное, а не глубокое, практическое, а не теоретическое; система, которая подхватит невежду в его деградации, просветит его ум, воспитает его сердце и подготовит его к торжественным обязанностям бессмертного существа; Система, которая придет к бедняку в его нищете и научит его наилучшему способу добывания пищи, одежды и предметов первой необходимости; система, которая даст счастье многим, а не возвеличит немногих; система, которая будет способствовать развитию механической изобретательности и освободит труд от его бремени; которая будет обвивать своим лавровым венком чело честного промышленника и с презрением смотреть на праздных и никчемных людей." [201]

Стоит ли удивляться, что человек, который в тот день и час так увещевал Юга, был осужден и Самнером из Массачусетса, и Поллардом из Вирджинии?

В течение трех лет, худших в истории Юга, он держал свой журнал перед народом Юга тиражом 12 000 экземпляров и с агентами в каждом южном штате и, кроме того, в Нью-Йорке, Пенсильвании, Иллинойсе и Калифорнии. Он никогда не отказывался от борьбы и в год своей смерти увидел, что его мечта осуществилась, но он не получил той поддержки, на которую его дело могло бы рассчитывать, от тогдашнего ведущего порта Южной Атлантики. Ведь даже преданный гражданин Чарльстона должен признать, что Чарльстон, судя по имеющимся свидетельствам, был довольно холоден к этому голосу Юга. В течение нескольких месяцев агентами в этом городе были Берк и Бойнест, затем в величайшем городе Юга, за исключением Нового Орлеана, не появилось ни одного представителя; в то время как в маленьких местечках Южной Каролины, Мейесвилле, Эджфилде, Сосити-Хилле и Кингстри, агенты держались до конца, верные до смерти. Но в Чарльстоне, в течение месяца после прекращения выпуска "Земли, которую мы любим", был запущен новый южный журнал "XIX век" под редакцией Ф. Г. Дефонтена, явно более легкий и, как показали события, менее прочный.

Возвращаясь к журналу генерала Хилла, можно сказать, что если ручное и промышленное обучение было хобби и если его критика прежнего политического обучения и недостатка промышленного предпринимательства была слишком огульной, то в его колонках нашлось место для самой интересной иллюстрации того, во что может вылиться политическое обучение, которую можно найти на любой печатной странице в Соединенных Штатах. Это заявление само по себе является огульным; но если самый высококультурный дипломат, хорошо знакомый с *высокой политикой*, прочитает и обдумает "Максимилиан и его империя", написанную генералом Э. Г. Ли в феврале 1867 года, ему будет любопытно узнать, кто был этот генерал Э. Г. Ли и каковы были его возможности для накопления политических знаний, которые, как показало время, интереснейшим образом распространяются с уверенностью политического провидца.

Е. Г. Ли был виргинцем, только бригадиром. Он родился в Лиланде 25 мая 1835 года, окончил колледж Уильяма и Мэри, служил под началом Стоунволла Джексона в кампании в Долине. Вынужденный по состоянию здоровья отказаться от военной службы в 1863-1864 годах, во второй половине последнего года он был направлен в Канаду на секретную службу для правительства Конфедерации, как раз в то время, когда Блэр обратился к официальным лицам Конфедерации, по словам Алекса. Х. Стивенса, вице-президента Конфедерации, с целью добиться...

"секретной военной конвенции между воюющими сторонами с целью предотвращения создания французской империи в Мексике путем совместных действий федеральной и конфедеративной армий в соответствии с доктриной Монро". Таким образом (пишет мистер Стивенс), мистер Блэр полагал, что, как заявил мне мистер Дэвис, между двумя армиями произойдет братание и в конечном итоге будет достигнут мир путем восстановления Союза без порабощения южных штатов"[202].

В своем "Линкольне" мистер Стивенсон заявляет:

"Пока поправка (об отмене рабства) проходила через Конгресс, один проницательный старый политик, считавший, что знает мир лучше большинства людей, Монтгомери Блэр-старший, отец генерального почтмейстера, пытался под свою ответственность открыть переговоры между Вашингтоном и Ричмондом. Его дальновидным идеям, которые не принесли желаемых результатов, здесь не место. И все же этот причудливый эпизод имел свое собственное значение. Если бы он не произошел, правительство Конфедерации, вероятно, не назначило бы комиссаров, на которых была возложена безнадежная задача обратиться к федеральному правительству с целью договориться о мире между "двумя странами"".

Что на самом деле происходило в мире политики в эти предсмертные дни Конфедерации, возможно, никогда не будет известно с какой-либо степенью точности. Политическая игра не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире была быстрой и разнообразной, но очень туманной. Мистер Стивенсон, наиболее интересный и вдумчивый наблюдатель карьеры Линкольна, придает очень мало значения переговорам Блэра с Конфедерацией; но больше - предшествующим переговорам Гилмора и Жакса, даже заходя так далеко, что утверждает, опираясь на авторитет Николая и Хэя, что Дэвис сказал в беседе с ними:

"Вы уже освободили почти два миллиона наших рабов; и если вы будете заботиться о них, то сможете освободить и остальных. Когда началась война, у меня было несколько человек. Я был им полезен; они же никогда не были мне полезны"[203].

Николай и Хэй утверждают, что Жакесс утверждал, что Дэвис так заявил; но они также приводят рассказ Дэвиса об этом инциденте, который он опубликовал в своей книге "Взлет и падение правительства Конфедерации". В нем мы не находим никаких подобных утверждений Дэвиса, а, напротив, следующее:

"Мистер Гилмор обратился ко мне и через несколько минут передал информацию о том, что эти два джентльмена прибыли в Ричмонд под впечатлением от идеи, что правительство Конфедерации согласится на мир на основе восстановления Союза, отмены рабства и предоставления амнистии жителям штатов как раскаявшимся преступникам. Дерзость этих замечаний может быть смягчена только благодаря проявленному невежеству и широкому заявлению о самых добрых мотивах и намерениях"[204].

После этого мистер Дэвис переходит к обсуждению назначения комиссаров в Канаду в середине 1864 года, их провала и миссии мистера Блэра в декабре. Имя генерала Э. Г. Ли не фигурирует среди комиссаров, как было заявлено, и нет никаких упоминаний о его миссии в "Взлете и падении". Но его статья в "Земле, которую мы любим" (The Land We Love)[205], появившаяся в 1867 году, показывает знание и понимание политики, охватывающей "Максимилиана и его империю", рассматриваемую с точки зрения Конфедеративных Штатов, Луи Наполеона и В. Х. Сьюарда, что очень интересно. Этот забытый и юный виргинец,

выпускник старейшего колледжа США, обсуждая вопрос, в котором он не упоминает себя, должен был иметь источники информации, которые он не раскрывает. Его восхищение оппонентом, Сьюардом, безудержно. Его презрение к Луи-Наполеону выражено с утонченностью, придающей ему большую силу; и в целом, поскольку он уходит со сцены непримиримым "мятежником", умирая еще до того, как Виргиния избавилась от власти негров, он уносит с собой в могилу некую историю, которая, если бы была раскрыта более полно, могла бы добавить интереса к миссии Блэра. Во всяком случае, если генерал Хилл спрашивает.

"Разве внимание к нашим полям и кострам не имеет для нас бесконечно большее значение, чем внимание к национальным делам?"[206]

, он уступал место и выдвигал на первую полосу своего журнала статью, которая лучше всего подходила для иллюстрации - "*Audi alteram partem*".

Чуть позже в редакционной статье, восхваляющей генералов Хэмптона и Райта, Хилл заявляет:

"Насколько нам удалось выяснить, каждая южная газета, редактируемая солдатом Конфедерации, последовала примеру этих выдающихся офицеров". Главная идея генералов Хэмптона и Райта заключается в том, что вольноотпущенника нужно научить чувствовать себя южанином, отождествлять его с Югом в его интересах, испытаниях и страданиях. Его нужно научить чувствовать, что он не чужой на этой земле, а что это его страна и его дом"[207].

Однако на выборах 1868 года Реконструкция Конгресса одержала подавляющую победу на всем Юге, и над регионом нависла черная дымка.

Правящие политические лидеры того времени были так полны решимости навязать свою волю раздавленному и обнищавшему народу, что в Южной Каролине в 1870 году, чтобы провести в жизнь положения законодательства о социальном равенстве, эти инопланетные законотворцы без колебаний отменили элементарное правило уголовного права, которое гласит, что обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана, и так сформировали законодательство Закона о гражданских правах, что любой обвиняемый в нарушении его строгих и далеко идущих положений, если не докажет свою невиновность в обвинении, подлежал штрафу в тысячу долларов, а также заключению в государственной тюрьме на пять лет каторжных работ, которые увеличивались до шести лет при неуплате штрафа. Любой пособник или подстрекатель к нарушению закона подлежал заключению в тюрьму штата сроком на три года с лишением права голоса и права занимать должности[208].

Именно в то время, когда умы людей в Южной Каролине были сильно взбудоражены огромным размахом этого закона, белые одной из религиозных конфессий штата представили на рассмотрение то, что многие из различных конфессий считали вбитым клином для устранения различий между расами в установлении религиозного равенства.

Что касается равенства между людьми, то было заявлено, что существует, по крайней мере, четыре четко различающихся значения этого слова и большое разнообразие оттенков в каждом из них. К этим четырем понятиям равенства относятся:

"1. Социальное равенство, проверкой которого является то, что мы можем приглашать друг друга на встречу с друзьями в наши дома без всякой мысли о снисхождении или покровительстве и что наши сыновья и дочери могут свободно вступать в брак.....

2. Политическое равенство, которое сводится к общему обладанию правом голоса....

3. Религиозное равенство, которое заключается в общем доступе к религиозным привилегиям при соблюдении условий, предписанных церковью или религиозными организациями.

4. Равенство перед законом, когда судебные инстанции открыты для всех одинаково для защиты личности и имущества"[209].

Закон Южной Каролины 1865 года давал всем неграм право подавать иски и получать защиту по закону в отношении их личности и имущества, и поэтому, очевидно, суды были открыты для всех одинаково; но получили ли негры таким образом право на суд присяжных - вопрос.

Что касается представителей цветной расы, обладающих семью восьмыми и более долями европеоидной крови, то, насколько можно было судить по закону, они были белыми.

Реконструкция попыталась распространить на всех представителей цветной расы то, что было распространено на эту часть; и теперь часть из них претендовала на религиозное равенство.

Вопрос в том, есть ли разница между религиозным и социальным равенством?

Это зависит от того, как каждый человек оценивает, что такое "Церковь".

Если она действительно является божественным институтом, то необходимость подчинения ее тем правилам, которые, как показал опыт, наиболее целесообразны для правильного регулирования гражданских отношений, не очень очевидна.

Если же она не является божественным институтом, то это социальная организация, независимо от того, на какой высокой ступени она находится, и религиозное равенство влечет за собой социальное равенство.

Попытка британских богословов, оказавшихся лицом к лицу с вопросом о цвете кожи в Южной Африке, скорректировать религиозные взгляды пятидесятих годов, направленные в основном на людей за пределами их собственных дверей, и оправдать отказ распространить религиозное равенство на негров в доминионах, на том основании, что не существует полного духовного равенства между людьми и что окончательная награда за пользование не может быть положена в основу урегулирования земных отношений, движется несколько неуверенно, а по ясности значительно уступает высказываниям того глубокого негра, который так ясно изложил права своей расы в Америке в следующей декларации:

"Негр имеет предписанное Богом право протестовать против лишения его средств к существованию. Он имеет равное право протестовать, когда его лишают законного и гражданского правосудия или когда ему отказывают в возможности получить знания или вести трезвый образ жизни. Однако у него нет справедливого повода для жалоб, когда его исключают из социального общения с белой расой, по той очевидной причине, что человечество не смешивается на условиях социального равенства - этот факт в равной степени относится как к чернокожим, так и к белым. Исключение негров из числа членов белых церквей также не является посягательством на права негров, поскольку, в конце концов, церковь - это не больше и не меньше, чем социальная семья"[210].

О негре, сделавшем это здоровое и взвешенное заявление, вполне уместно сказать белому жителю Южной Каролины, хотя он был абсолютно проигнорирован наиболее культурными представителями своей расы.

Как мы позже отметим, Дюбуа, который сегодня ближе к тому, чтобы быть признанным ведущим негром Америки, чем кто-либо другой, кого можно упомянуть, утверждал, что:

"Самое большое клеймо на белом Юге - это то, что... когда он видел, что движение за реформы растет и даже в некоторых случаях одерживает победу, а все большее число черных избирателей учится голосовать за честность и способности, он все равно предпочел царствование террора кампании просвещения и лишил негров избирательных прав вместо того, чтобы наказать негодяев"[211].

В 1874 году в Южной Каролине судья Джон Т. Грин, республиканец, был кандидатом в губернаторы против Д. Х. Чемберлена. Грин был юнионистом Южной Каролины, способным юристом, против которого невозможно было найти ничего, на что можно было бы повесить обвинение. Чемберлен был самым ярким из всех ковровых мешочников, и после того, как он победил Грина и стал губернатором Южной Каролины, он в значительной степени ополчился против гнилых воров, которые возвели его на этот пост. Его оппозиция чернокожему Випперу, наиболее резко выраженная, пронеслась по всем Соединенным Штатам, когда этот негр, родившийся на Севере, был кандидатом на судебные почести, в пикантной фразе - "Цивилизация пуритан и кавалеров в опасности" - сделала этого солдата Союза из Массачусетса почти типом боевого реформатора, а такие были нужны, хотя, как утверждает Дюбуа:

"- Конечно, весьма поучительно вспомнить, что клеймо вора, который протащил свою слизь почти через каждый большой северный штат и почти до президентского кресла, не могло, конечно, в тех случаях быть поставлено в вину голосованию черных мужчин"[212].

Но когда два года спустя Чемберлен обнаружил, что, несмотря на его нападки на тех своих сторонников, о которых он, безусловно, имел право заявить, что они хуже его, он все же не может быть лидером того, что лучше, он вернулся в гнилой элемент, где, как утверждали в 1874 году лучшие из белых и черных, его всегда можно было найти, когда это соответствовало его цели; ибо великие умственные дары этого человека заставляли его предпочесть царствовать в аду, чем служить в раю. Борьбу с ним в 1874 году возглавил генеральный контролер Данн, республиканец из Массачусетса. Независимые республиканцы выдвинули кандидатами на пост губернатора и лейтенанта губернатора судью Грина, белого южнокаролинца, и Мартина Р. Делани, негра с Севера. О Делани мы уже упоминали ранее. Он родился в Чарльстоне, штат Вирджиния, в 1812 году, в семье свободной матери-негритянки и отца-раба. Он получил образование, которое позволило ему содержать себя и добиться определенных успехов. Некоторое время он жил в Питтсбурге, состоял в партнерстве с Фредом Дугласом, основал первое цветное общество полного воздержания, переехал в Канаду и оттуда возглавил партию чернокожих исследователей через часть Африки, за что был отмечен Королевским географическим обществом Великобритании в 1859 году, а вернувшись в Америку, служил в армии северян, получив соответствующую комиссию.

Генерал Дж. Б. Кершоу из Южной Каролины, который вместе с Уэйдом Хэмптоном и генералом Макгоуэном поддерживал кандидата, засвидетельствовал его абсолютную честность.

Основная масса белых приложила все усилия, чтобы поддержать эту попытку самых честных негров и белых республиканцев поставить на пост честных людей, а Хэмптон дошел до того, что заявил в публичной печати за своей подписью:

"Я считаю непреложным долгом каждого добропорядочного гражданина, каковы бы ни были его прежние пристрастия, сердечно поддержать действия этого съезда (белых); ибо наша единственная надежда - в единстве". Делегаты этого съезда явили благородный пример патриотизма, когда пожертвовали всеми политическими устремлениями, всеми личными соображениями и всеми прежними предрассудками ради единственной цели и в единственной надежде на спасение штата"[213].

Большинство печально известных негритянских лидеров поддержали Чемберлена, Р. Б. Эллиотт стал председателем исполнительного комитета Чемберлена; но большое число конгрессменов - Р. Х. Кейн, Рансьер и другие, менее известные, чем Эллиотт и Виппер, и не столь одаренные, - решительно выступили за честное правительство. Кейн зашел так далеко, что заявил, что Грин, которому не хватило совсем немного голосов на республиканском съезде, выдвинувшем Чемберлена, мог бы легко получить несколько голосов, необходимых для этого, поскольку они были предложены его сторонникам по сравнительно небольшой цене; но он и его друзья отказались их приобрести. Он также обратил внимание многотысячной аудитории в Чарльстоне на то, что белый судья, за которого он голосовал в качестве мэра в 1865 году, председательствовал на собрании, поддерживающем эти усилия чернокожих республиканцев по обеспечению хорошего правительства. Но самым поразительным фактом, получившим развитие на этом собрании, стал приход в политику самого глубокого мыслителя, когда-либо созданного негритянской расой, Уильяма Ганнибала Томаса, автора четверть века спустя этой замечательной книги - "Американский негр - каким он был, каким он есть и каким он может стать". Томасу шел 31-й год. В конце войны между штатами, когда черные и белые гарпии в 1865 году устремились на юг, он, раненый солдат Соединенных Штатов, лежал в госпитале с ампутированной выше локтя правой рукой, в самом начале войны записавшись добровольцем и дослужившись до звания сержанта. После выписки, после пятимесячного лечения, в течение трех лет он изучал теологию, а в 1871 году отправился в Джорджию, чтобы преподавать. В 1873 году он переехал в Ньюберри, штат Южная Каролина, и в январе 1874 года был принят в коллегия адвокатов. В качестве делегата от Ньюберри он поддерживал движение за реформы. Во время отсутствия комитета по проверке полномочий его пригласили выступить на съезде. Сообщалось, что:

"Он произнес захватывающую речь, в которой было убедительно показано кольцо Бонда. Пришло время положить конец преступности и мошенничеству в штате. Страна должна была понять, что граждане Юга требуют мира и хорошего правительства. Ошибочно говорить, что в этом движении республиканцы штата отказываются от своих партийных принципов. Простая правда заключалась в том, что народ в своем могуществе намеревался подняться и сбросить оковы рабства и политического рабства. Цветное население продемонстрировало свою серьезность, обратившись к своим белым согражданам с просьбой присоединиться к ним в этом начинании. Интеллект и респектабельность должны править в будущем, и цветная раса должна позаботиться о том, чтобы их воспитание соответствовало стандартам. Под гармонизацией не подразумевалось, что одна из рас должна отказаться от своих партийных принципов. Это означало лишь то, что и большинство, и меньшинство должны иметь

справедливое представительство в правительстве, и не может быть постоянного мира и процветания, пока это не будет установлено. Девяносто девять лет назад американский народ восстал против британского правительства, потому что его облагали налогами без представительства. Как они могли ожидать, что теперь значительное меньшинство подчинится этому? Наши белые друзья должны от всей души помогать нам. Они не должны подходить к нам в перчатках. Они должны убедить нас в том, что настроены серьезно и присоединятся к нам в стремлении реформировать правительство и очистить государство. Я верю, что на этот раз они серьезно настроены, и нам остается принять предложенную ими помощь в том же духе, в каком она была предложена. Несомненно, через четыре-шесть лет белая раса составит большинство в этом штате. Это неизбежно произойдет, и если мы сейчас покажем, что готовы разделить с ними власть, то получим от них то же самое, когда белое большинство достигнет и обойдет цветное. В этом есть здравый смысл и ничего больше". Он от души убеждал представителей своей расы в необходимости работать над реформами. Он сказал, что был в армии Союза во время последней войны, но готов пожать друг другу руки через кровавую пропасть, забыть прошлое и объединиться с консерваторами в обеспечении богатства и процветания штата"[214].

Это высказывание, похоже, принесло ему место в комитете по платформе, состоявшем из пяти белых и шести цветных членов, один из которых, Кейн, был конгрессменом; тем не менее Томас был выбран, чтобы представить его съезду. За исключением мелких деталей, она была такой же, как и та, которую выдвинул съезд Чемберлена, - вполне разумная платформа для негра, чтобы поддержать ее в 1874 году в Южной Каролине, хотя и едва ли приемлемая во всех своих пунктах для белых. При общем количестве голосов в 149 221, судья Грин потерпел поражение, получив большинство в 11 585 голосов. Однако сила голосов, поданных против него, не могла не повлиять на блестящего Чемберлена, который с этого момента сбросил свою прежнюю кожу и стал реформатором.

Насколько вопрос, возникший в это время в Епископальной церкви, повлиял на политические условия, утверждать не берусь; но в том, что он затронул умы белых и черных, сомневаться не приходится, ведь для немногих это был, прежде всего, религиозный вопрос. А религиозный вопрос, по мнению немногих, требует жертв.

В 1875 году на епархиальном съезде Протестантской епископальной церкви Южной Каролины было представлено заявление цветной общины о принятии в союз с Конвентом, которое было передано в комитет, назначенный епископом, для изучения и представления отчета в следующем году.

В сознании многих людей в южных штатах принятие негритянских делегатов влекло за собой последствия, которые могли быть далеко идущими, и это было очень ясно представлено в одном из двух докладов, представленных в 1876 году. В этом докладе, выступающем против допуска, этот вопрос был изложен, в частности, в таких словах:

"Члены этой общины, за редким исключением, - мулаты, многие из которых были свободны до войны и были известны как особый класс в нашей общине, сами владели рабами и вообще избегали общения с теми, кто был полностью черным. Некоторые представители этого класса создали у своих бывших хозяев и вообще среди белых людей репутацию честных и цивилизованных людей..... Женщины этого класса иногда вступали в отношения с белыми мужчинами, которые они считали и уважали, очень похожими на брак, если не настоящими. Результаты таких связей многочисленны на наших улицах. Именно в этом классе проявляется кровосмешение и возникает соблазн к кровосмешению. Если мы должны поощрять кровосмешение, то этот класс следует лелеять и продвигать"[215].

Автор этого доклада мог бы пойти дальше. Он мог бы показать свидетельства заинтересованности в ЗАГСе, в том, чтобы белые люди по актам и завещаниям время от времени признавали, в определенной степени, претензии на отцовство. О том, насколько сильным может стать этот призыв для некоторых, наиболее ярко свидетельствует завещание, составленное еще в 1814 году,^[216] и поэтому ценность этого выступления на конвенции заключалась в том, что оно полностью обратило внимание на ту фазу этого вопроса, которую белые южане склонны игнорировать.

Воображение среднего белого южанина сильно возбуждается при любом намеке на ту форму общения между расами, которая наиболее неприятна и отвратительна для белых, но при которой существует наименьшая вероятность смешения в какой-либо ощутимой степени. Однако воображение белого человека с Юга не очень живо представляет себе устойчивый, непрерывный прогресс, почти неизбежно вытекающий из присутствия бок о бок на одном участке огромного количества представителей двух рас. И все же, если смешение представляет опасность, то она не становится меньше, пока протекает тем путем, который наиболее коварен и наименее шокирует белых.

Для образованного мулата, обладающего высокими моральными качествами, такое решительное противодействие со стороны тех, кто стремился или был готов принять совместные политические действия, должно было породить недоверие. Когда к этому прибавилось насилие, достаточное для того, чтобы вызвать донос Джефферсона Дэвиса, неудивительно, что человек с блестящими способностями и политической проницательностью Чемберлена должен был стать огромной силой в Южной Каролине и привлечь к себе сторонников, для свержения которых белым потребовались все усилия.

Действительно, без Уэйда Хэмптона это не удалось бы сделать. На съезде 1876 года, состоявшем из 165 членов, лидер фракции "Прямой путь" не смог собрать более 42 голосов.^[217] Но в августе того же года, когда Хэмптон^[218] бросил вес своей личности в ее пользу, 82 голосами против 65, политика была принята. Интересно, что, хотя цветные люди У. Дж. Виппер и Р. Б. Эллиотт, Кардозо, Гливз и Х. Э. Хейнс упоминаются, имя У. Х. Томаса не встречается ни в одной истории Реконструкции, которую читал писатель.

Кардозо, казначей, был горячо поддержан Чемберленом, который заявил об этом цветном чиновнике:

"Позвольте мне сказать вам, что если бы я знал, что ваши голоса потопят меня так глубоко, что ни один пузырь не поднимется, чтобы сказать, куда я опустился, я бы поддержал Ф. Л. Кардозо"^[219].

Чемберлен знал, и Р. Б. Эллиотт, самый умный из всех его цветных оппонентов, знал, что бесполезно пытаться настроить негров против такого друга цветного брата, как этот; и Смоллс, друг Чемберлена, добродушный, смелый мулат, победил Суэйлса в борьбе за пост председателя, голосованием, которое показало, что будет брошено Чемберлену как кандидату в губернаторы. Поэтому Эллиотт выдвинул свои условия и был назначен генеральным прокурором.

Однако в волнующие дни 1876 года, когда заседали обе палаты представителей, именно на У. Х. Томаса республиканцы возлагали большие надежды. Он был назначен членом комитета по полномочиям и, будучи председателем, представил доклад в пользу посадки республиканских кандидатов, поддержав большинство членов комитета, хотя против него

выступил Т. Е. Миллер, октарун или квадрун, обладающий значительным интеллектом, который попросил пятнадцать минут для ответа Томасу.

Позже Миллер заявил, что отказался подписать отчет, поскольку считал, что кандидаты от демократов должны быть заслушаны. Когда его побили, он заявил, что передумал, что они сами виноваты в том, что не присутствовали, и объявил, что готов подписать отчет. Сообщалось, что после этого второго заявления Томас произнес подстрекательскую речь; однако газета, заявившая об этом, не опубликовала ни одной ее части, а на следующий день сообщила, что в разгар бурной сессии Томас произнес молитву[220].

Томас входил в комитет по путям и средствам и в судебный комитет, и до краха республиканцев, похоже, был человеком, на которого спикер больше всего полагался во всей серьезной работе сессии.

Одновременно со свержением негритянских правительств Южной Каролины и Луизианы был поддержан доклад, выступавший против допуска цветных делегатов на Епархиальный съезд.

В 1879 году вопрос снова встал в более жесткой форме, опираясь на пример епархии Вирджинии. Однако законодательная власть Южной Каролины тем временем приняла закон, согласно которому...

"Незаконным для любого белого мужчины вступать в брак с любым негром, мулатом, индейцем или метисом; или для любой белой женщины вступать в брак с любым другим, кроме белого мужчины"[221].

Таким образом, делегаты-миряне решительно выступили против любого союза, будь то духовные или светские лица, в отношении двух рас на Юге.

Если учесть, что не только Кэлхун, чье влияние на политическую мысль в Южной Каролине на протяжении многих лет было всепроникающим, но и глубочайший исследователь Америки де Токвиль осудили "все промежуточные меры" и заявили, что если белые не будут изолированы от цветной расы на Юге, то должно произойти либо смешение, либо вымирание, то прогноз будущего этой части не мог быть таким мрачным, как тот, что появился в данных переписи населения 1880 года.

Белое население Луизианы, которое даже после войны и ее потерь было лишь на тысячу или две ниже цветного, увеличилось на 92 189 человек; но за то же время, после Реконструкции, цветное население увеличилось на 119 445 человек, что дало цветное большинство, приближающееся к 30 000. В Миссисипи, где негритянское большинство, составлявшее до войны 84 000 человек, к 1870 году сократилось до 62 000, теперь оно возросло до 206 090 человек. Но в Южной Каролине, с меньшей территорией и белым населением, негритянское большинство выросло до 212 000. В пяти южных штатах - Южной Каролине, Джорджии, Алабаме, Миссисипи и Луизиане - прирост белого населения только в одном из них, Алабаме, был больше, чем негритянского. В таких условиях обсуждение того, что волновало всех, было почти неизбежным, тем более что южная мысль, освободившаяся от оков, в которые ее заковывало рабство, могла двигаться в любом направлении, которое считала нужным, и из-под пера Джорджа В. Кейбла из Нового Орлеана вышли "Грандиссим", опубликованный в 1880 году, и "Мадам Дельфина" в 1881 году, мотивом которых можно назвать вопрос цвета кожи.

Литературное совершенство этих произведений завоевало автору место в искусстве, за ними последовали другие достойные работы; но так сильно писатель был окончательно впечатлен тем, что впервые побудило его писать, что в 1885 году он на время сбросил с себя одежды беллетриста и выразил свою убежденность в необходимости признания того, что он считал великой ошибкой, в брошюре под названием "Дело вольноотпущенника in Equity". Для Кейбла наиболее привлекательной была та часть расы, которая была представлена мулатами и квадронцами; но он был не одинок в своем критическом отношении к Югу. В работе судьи Альбиона В. Турги, солдата-северянина, поставившего все на Реконструкцию, с критикой прозвучало в "A Fool's Errand" "One of the Fools" нечто очень похожее на отчаяние. Однако более поздние размышления привлекли к этому автору более критичное и явно претенциозное исследование под названием "Обращение к Цезарю", посвященное переписи населения 1880 года, на основании которого он с некоторым основанием предсказал скорую африканизацию Юга и призвал жителей этой части принести плоды, достойные покаяния, пока еще есть время.

Безусловно, это утверждение имело под собой основания. Никогда еще темпы прироста чернокожих не были столь высоки, как показала перепись населения в Южной Каролине, Миссисипи и Луизиане в 1880 году. Тем не менее первая из них решительно выступила против любого ослабления правила жесткого разделения рас, а в 1888 году довела до конца дискуссию о допуске делегатов-клириков на Протестантский епископальный съезд, приняв резолюцию об "абсолютной необходимости разделения рас в епархии"[222], которая была принята на основе, ставящей все последующие решения под контроль делегатов-мирян[223].

За годы, в течение которых на Юге сохранялось превосходство негров, они сделали больше, чтобы разрушить убеждение основной массы северян в способности этой расы взять на себя все обязанности гражданства, чем могли бы сделать любые аргументы белых. Интересны следующие выдержки из письма Джорджа В. Кертиса, написанного в этот период. Касаясь условий пятидесятих годов, он пишет

"В Филадельфии на меня набросились толпой, приготовили для меня недоуздок, и меня защищала вся полиция только потому, что я выступал против рабства"[224].

Получив свободу обсуждения, он в декабре 1888 года написал:

"Я очень признателен вам за ваше письмо от ноября, но не думаю, что чувства этой части страны точно поняты в вашей части. В двух словах оно заключается в том, что, признавая силу всего того, что говорится о превосходстве негров, цветной голос не должен быть подавлен и преимущества, основанные на нем, должны быть сохранены. Конечно, я не говорю, что его следует подавлять. Я предполагаю, что есть большие основания для замечания, что при тех же условиях жители северных штатов поступили бы так же, и я спрашиваю, должны ли, исходя из этого предположения, жители этих штатов рассчитывать на сохранение того, на что они не имеют права? Неразумно требовать согласия на подавление законных голосов, в результате чего голоса белых в Миссисипи имеют большее значение, чем голоса белых в Массачусетсе или Нью-Йорке. Образовательный тест будет бесполезен в сообществе, где цвет кожи является дисквалификацией, по мнению мистера Грейди и мистера Уоттерсона. Я буду очень рад получить от вас весточку и хотел бы знать ответ на утверждение, что несправедливо подавлять голоса и сохранять преимущества, основанные на них"[225].

Ответ человека, которому было адресовано это письмо, вполне можно опустить в свете нижеследующего.

В 1889 году из источников Юга вышли две публикации, наиболее убедительно демонстрирующие преимущества свободы дискуссий и неоценимую ценность того, что мистер Кертис назвал "фундаментальным условием человеческого прогресса" - "право человека выражать свое мнение по любому вопросу". Первой публикацией стал тщательный, точный и глубокий анализ состояния массы негров, содержащийся в книге "Негр с плантации как свободный человек" Филипа Александра Брюса из Вирджинии. Вторая - замечательная редакционная статья Карлайла Маккинли в газете "Ньюс энд Курьер" из Чарльстона, штат Северная Каролина, посвященная предстоящим перемещениям освобожденных в Соединенных Штатах.

С совершенно поразительной прозорливостью, если принять во внимание единственный доступный на тот момент источник информации - перепись населения 1880 года, ту самую, из которой судья Турги взял цифры, на которых он основывал свое мрачное пророчество о скорой африканизации Юга, мистер Карлайл Маккинли писал

"Негритянский вопрос и все вопросы, вытекающие из него, будут во сто крат легче поддаваться быстрому и правильному решению, когда сами негры будут более равномерно распределены по всей республике"[226].

Расходясь во всем с работой судьи Турги, которая, несомненно, в некоторых кругах произвела глубокое впечатление и которое не стиралось до тех пор, пока не были опубликованы данные переписи 1890 года, в 1889 году Карлайл Маккинли уверенно заявляет:

"Течения, которые движутся почти из всех частей хлопкового пояса к бассейну Миссисипи, не остановятся на этом. В южных штатах уже есть все цветное население, которое им нужно, и даже больше, чем нужно. Будущие движения в том же направлении неизбежно должны выйти за пределы хлопковых и тростниковых полей региона и, отклонившись от северных границ Техаса, распространиться на обширные прерии за его пределами или, возможно, свернуть на север в штаты, граничащие с Миссисипи и ее притоками"[227].

Примерно месяц спустя та же газета в редакционной статье, озаглавленной "Рассеяние цветного населения", убедительно изложила истинную политику, которой следует руководствоваться после отмены ввоза рабов и самого рабства:

"Негритянский вопрос, каким бы он ни был, является национальным вопросом, он должен быть решен на национальной основе. Он не может быть решен ни на какой основе, пока негры сосредоточены в одной части страны. Первоочередные интересы Юга и особенно тех южных штатов, где негры составляют большинство, заключаются в том, чтобы добиться общего распределения расы более равномерно по обеим частям или удалить избыток цветного населения на Юге в какую-то часть западной территории, которая еще не была оккупирована..... Для Юга негритянский вопрос сейчас - это вопрос о том, как лучше способствовать эмиграции негров на север и на запад"[228].

Во время публикации этих редакционных статей штат Южная Каролина был представлен в Сенате Соединенных Штатов Уэйдом Хэмптоном и М. К. Батлером. Оба были членами семей, которые были связаны с историей штата Южная Каролина со времен Революционной войны. Оба принадлежали к классу рабовладельцев-плантаторов. Оба с отличием служили в войне Конфедерации, дослужившись, соответственно, до генерал-лейтенанта и генерал-майора;

первый, командуя кавалерией армии Северной Вирджинии, добился непревзойденных успехов в управлении этим родом войск. Кроме того, в своем штате Хэмптон был лидером белых в великой политической борьбе 1876 года, в которой было свергнуто негритянское правительство, и в этой борьбе ему активно помогал Батлер. Но Хэмптон 1867 года прошел через многие испытания с тех пор, как генерал Д. Х. Хилл одобрил свой призыв, обращенный к неграм-южанам, считать Юг своим домом, а кампания Грина 1874 года, вероятно, убедила его в том, что большинство негров предпочитают показушные вспышки бесхарактерных Эллиота и Виппера трезвой честности Делани и Томаса. В год смерти генерала Д. Х. Хилла из Южной Каролины Б. Р. Тиллман довел до конца образовательные взгляды Хилла, основав Клемсон; в то время как сенатору Хэмптону был задан вопрос, предложенный редакционными статьями, относительно распространения негров:

"Не повредит ли Югу широкое переселение?".

Ответ, полученный от того, кто на Юге наиболее квалифицирован, чтобы ответить на такой вопрос, вполне мог бы стать лучшим ответом на вопрос, заданный Джорджем Уильямом Кертисом автору этой работы, о которой уже говорилось выше.

Ответ Хэмптона продемонстрировал широкую государственную мудрость Пола Гамильтона, Джозефа Алстона и Роберта Барнуэлла в 1803 году, до того как Южная Каролина заполонила рабами, и смелую искренность Роберта Й. Хейна в 1818, 1827 и 1839 годах.

Хэмптон сказал:

"Неудобство, но не вред. Мы будем рады, если цветное население переедет в другое место, и мы готовы терпеть любое сокращение представительства, которое может произойти в результате их отъезда. Это лишит нас большей части нашего труда и сделает немного труднее нынешнее поколение, но это будет спасением для будущего"[229].

Затем этим вопросом занялся сенатор Батлер, и в начале 1890 года он добился принятия конгрессом законопроекта, предусматривающего:

"По заявлению любого цветного человека, поданному ближайшему комиссару Соединенных Штатов, в котором указывается, что он, она или они желают эмигрировать из любого из южных штатов и указывается пункт, куда он, она или они желают отправиться, с целью получения гражданства и постоянного проживания в указанной стране, а также указывается, что он, она или они слишком бедны, чтобы оплатить необходимые дорожные расходы..... Генерал-квартирмейстер армии, получив такое заявление, обязан предоставить ему транспорт". ...[230]

Для реализации положений этого законопроекта запрашивались ассигнования в размере 5 000 000 долларов.

Законопроект вызвал определенный интерес. Естественно, он получил безоговорочную поддержку сенатора Хэмптона, а также был принят сенатором Вестом из Миссури и другими видными деятелями Юга; но против него выступили не только сенаторы Севера и Запада, но и один, по крайней мере, с Юга, сенатор Вэнс из Северной Каролины, хотя аргументы последнего не отличались ни силой, ни глубиной мысли. С другой стороны, аргументы, с которыми сенатор Батлер представил свой законопроект, заслуживают подробного рассмотрения и, скорее всего, получают его в будущем. Хотя он представлен в другом стиле, его можно сравнить с высказыванием великого оратора и спорщика своего штата, сенатора Хейна, по примерно тому же вопросу в 1827 году.

Сенатор Батлер сказал:

"Я ограничусь беспристрастным и простым изложением фактов и такими ссылками на события, которые оправдывают честность и правду. На мой взгляд, это слишком серьезная тема, чтобы отвлекаться на партийные соображения или ограничиваться узкими рамками и пределами партийной линии. Она всепроникающая, важная и значимая..... Тот, кто приходит к выводу, что затихание волнения, касающегося политического статуса негра, будет означать решение расового вопроса, показывает, как мало он знает о его масштабах и полноте и как поверхностно он на него смотрит". ...

Продолжая свою аргументацию, Батлер предложил:

"Возникнет вопрос, почему негр должен уезжать из южных штатов? Он не станет этого делать, разве что по собственной воле. В этом законопроекте нет ничего, что принуждало бы его или заставляло переехать. Однако я отвечу, что это будет сделано для его собственного блага и для блага его белых соседей. От внимания самого случайного наблюдателя не ускользнет, что там, где негры остаются в больших массах и превосходят по численности своих белых соседей, они не только не продвигаются вперед, но фактически регрессируют. Ни одному разумному белому человеку не нужно читать мрачное повествование Сент-Джона о "Черной республике Хайти", или графический рассказ Брюса "Негр на плантации как свободный человек", или "Негр в Вест-Индии" Фруда, чтобы убедиться в истинности этого утверждения. С другой стороны, наблюдения и опыт убеждают нас в том, что в регионах Юга, где белые составляют большинство, негр живет лучше, а белый человек - лучше. Негр лучше одевается, более умен и бережлив, а белый человек более благополучен и прогрессивен..... Все признают, что если негр хочет достичь полного роста своей мужественности, если он хочет стать независимым, самостоятельным, уважающим себя человеком и быть полностью компетентным для выполнения всех высоких обязанностей и ответственности жизни, он должен, наконец, положиться на себя, он должен возвыситься в моральной социальной и промышленной шкале своими собственными усилиями, своим собственным самоутверждением. Чтобы сделать это эффективно, он должен иметь справедливый шанс в открытом поле. Можно ли ожидать, что он добьется этого; можно ли ожидать этого от него в тени и среди сцен зависимости и неполноценности, которые окутывают его в окружении его прежнего униженного состояния? Заберите его от них и позвольте пульсу свободы пульсировать без помех со стороны воспоминаний и ассоциаций его рабства. Я не отношусь к тем, кто верит в полную, безнадежную испорченность негритянской расы. Я верю, что его ждут большие возможности. Я не преуменьшаю значение труда негра в том, что было достигнуто на пути материального развития Юга. Я лишь хочу сказать, что если бы не этот труд, Юг был бы далеко впереди своего нынешнего развития..... Я также не преуменьшаю обязательств, которые мы все несем перед расой за верность и самое похвальное поведение во время нашего истощающего гражданского противостояния. Какая бы судьба ни ожидала его в будущем, ничто не может лишить негра этой записи; ничто не может разрушить или стереть прочные узы привязанности между ним и его бывшим хозяином..... Я повторяю, что для его блага и блага его будущих поколений, а также для блага его бывшего хозяина и его потомков, я хотел бы, чтобы он был более широко распространен среди огромной массы его белых сограждан, от энергии и бережливости, просвещения и прогресса которых он может черпать надежду и вдохновляющий пример в своей борьбе за равные шансы в жизни..... Нередко можно услышать, как люди говорят: "Оставьте негра в покое; из него получится хороший крестьянин; он - лучший рабочий, которого мы можем получить для хлопковых полей, и т. д.". Разве все такие люди не забывают, что при нашей форме правления не существует такого понятия, как крестьянство? Разве они не забывают, что негр - свободный

американский гражданин, имеющий право в силу своего гражданства, если не по каким-либо другим причинам, на равенство перед законом с самыми выдающимися гражданами страны, равенство возможностей, равенство прав..... Не пора ли, господин президент, чтобы мыслящие люди этой страны, люди, которых заботит будущее грядущих поколений, а не временный триумф партии, встретились на общей плоскости общего блага и решили этот вопрос справедливо и гуманно?... Я должен приветствовать такой день как новую эру в нашей истории, с которой можно связывать новые надежды на вечность конституционной республики"[231].

Вряд ли стоит говорить о том, что законопроект не прошел. За исключением его коллеги, сенатора Хэмптона, и сенатора Веста из Миссури, он почти не получил поддержки, и все же эти южане более тридцати лет назад признали то, что только сейчас навязывается сознанию северян, потому что сами негры наконец-то осознали необходимость этого.

Но о чем думают преуспевающие? В то время о двух маленьких белых республиках, Трансваале и Свободном государстве Оранжевой реки, практически ничего не было известно, кроме того, что они без посторонней помощи держались в самом сердце Южной Африки, окруженные миллионами воинственных африканских дикарей. Автору этой работы показалось, что в 1890 году государственным деятелям и общественности Севера стоило ознакомиться со взглядами и политикой этих людей, прежде чем принимать законодательные акты для Юга по вопросам, касающимся расовой проблемы. Эти маленькие народы не имели никаких контактов с южанами. Они были представителями другой национальности. Не будет ли правильным, если наши северные братья изучат их методы, прежде чем принимать законы от имени Юга? С этим предложением мы обратились в газету "Нью-Йорк уорлд", которая в то время предлагала свои идеи. Но эта великая газета под руководством мистера Пулитцера не увидела в нем смысла. Впоследствии, хотя Юг и был завоеван, буры заявили о своих взглядах всему миру.

Не была ли упущена возможность получить полезную информацию до выхода книги Бигелоу "Африка белого человека"? Не стала ли его книга указанием на неисследованное поле? Не повлияла ли она на мнение северной части Соединенных Штатов?

ССЫЛКИ:

[178] Compendium of the U. S. Census 1870, p. 14.

[179] Список налогоплательщиков, Чарльстон, С. К., 1859.

[180] Charleston Courier, April 7, 1865.

[181] Ibid.

[182] Там же. 26 мая 1865 г.

[183] Ibid. Dec. 27, 1865.

[184] Dunning, Reconstruction, Political and Economic, p. 30.

[185] Reynolds, Reconstruction in South Carolina, p. 5.

[186] Charleston Courier, June 19, 1865.

[187] Ibid. 18 июля 1865 г.

- [188] Ibid. Dec. 7, 1865.
- [189] Там же. 30 июня 1865 г.
- [190] Ibid. Aug. 1, 1865.
- [191] Burgess, Reconstruction and the Constitution, p. 45.
- [192] Dunning, Reconstruction, Political and Economic, pp. 56, 57.
- [193] Statutes S. C. Vol. 13, p. 299.
- [194] Dunning, Reconstruction, Political and Economic, pp. 57, 58.
- [195] Ibid. p. 58.
- [196] Statutes, S. C. Vol. 13, p. 246.
- [197] Burgess, Reconstruction and the Constitution, p. 46.
- [198] Statutes S. C. Vol. 13, p. 251.
- [199] Ibid. p. 286.
- [200] Booker T. Washington, Up from Slavery, p. 84.
- [201] Gen. D. H. Hill, The Land We Love, Vol. I, p. 8.
- [202] News and Courier, May 13, 1874.
- [203] Stephenson, Lincoln, p. 398.
- [204] Jefferson Davis, Rise and Fall of Confederate Govt., V. 2, p. 610.
- [205] Gen. D. H. Hill, The Land We Love, Vol. II, No. IV, p. 1.
- [206] Ibid. Vol. I, No. 1, p. 9.
- [207] Ibid. Том III, стр. 85, № 1.
- [208] Statutes, S. C. Vol. 14, p. 386.
- [209] Darragh, Contemporary Review, Jan. 1902, p. 100.
- [210] Thomas, The American Negro, p. 298.
- [211] DuBois, Reconstruction and Its Benefits, Am. Hist. Rev. Vol. XV, 4, p. 793.
- [212] Ibid. p. 790.
- [213] News and Courier, October 27, 1874.
- [214] Ibid. 3 октября 1874 г.
- [215] Journal Diocesan Convention, S. C. 1876, p. 25.
- [216] Probate Court Charleston, Will Book-L., p. 518.
- [217] Reynolds, Reconstruction in South Carolina, p. 343.
- [218] Ibid. p. 350, News and Courier, August 17, 1876.

[219] Ibid. p. 364.

[220] News and Courier, December 1, 1876.

[221] Statutes S. C. Vol. 17, p. 3.

[222] Journal Diocesan Convention, S. C., 1888.

[223] Ibid. 1891, p. 151.

[224] Geo. B. Кертис, письмо автору, 19 января 1886 г.

[225] Ibid. 6 декабря 1888 г.

[226] News and Courier, July 8, 1889.

[227] Там же.

[228] Там же. 20 августа 1889 г.

[229] Ibid. 22 августа 1889 г.

[230] Ibid. Dec. 23, 1889.

[231] Ibid. 17 января 1890 г.

ГЛАВА X

Как уже говорилось выше, Джордж Уильям Кертис, самый выдающийся представитель прежних аболиционистских настроений, на тот момент (1888 г.) еще живший в Соединенных Штатах, обратился к автору с вопросом о политических преимуществах, получаемых благодаря обладанию подавленным голосом, раздувающим электоральную силу штатов, которые, возможно, вынуждены подавлять его осуществление.

Хэмптон, самый яркий представитель и "один из самых выдающихся лидеров"[232] свергнутой рабовладельческой империи, в своем ответе на интервью в прессе указал, как мало, по его мнению, Юг желает сохранить какое-либо преимущество, основанное на владении этим правом, а его лейтенант Батлер, развивая этот аргумент, настаивал на распространении негров по всей территории Соединенных Штатов.

Судьба предоставила мистеру Кертису последнее слово.

В начале 1891 года в журнале Harper's Weekly появилась редакционная статья под названием "Знамение времени". В ней, в частности, говорилось следующее:

"Ассоциации, которые под общим названием "Фермерский альянс" организованы по всей стране, - это знак времени, который нельзя упускать из виду. Они являются политической формой, в которую облачается чувство, наблюдаемое со всех сторон и выходящее за пределы круга тех, кто фактически принимает участие в таких объединениях. Основной движущей силой движения является враждебность к тому, что называют аристократией богатства. Эта враждебность вызвана убеждением, что консолидированный капитал пользуется особыми привилегиями, которых лишен величайший промышленный интерес страны - сельское хозяйство..... Наиболее яркой иллюстрацией этого движения стал случай в

Южной Каролине. Фермерский съезд, состоящий из белых демократов, которые выступали против того, что они называли аристократическим демократическим кольцом, сделал нынешнего губернатора Бена Тиллмана кандидатом от демократов. Его основной призыв был обращен к бедным белым, или "бакра", как их называют, и, несмотря на то, что против него выступал судья Хаскелл, представитель старого правящего класса, который пользовался доброй волей большинства цветных лидеров, мистер Тиллман был избран подавляющим большинством голосов..... За избранием Тиллмана, которое стало серьезным поражением старого демократического режима в Южной Каролине, последовало поражение главного представителя этого режима, сенатора Хэмптона, на переизбрании в Сенат..... Одним из ярких эпизодов кампании стало выступление цветного республиканца, выступавшего против судьи Хаскелла и заявившего, что Тиллман сделал и белых, и негров читателями и мыслителями"[233].

Цветной, на которого ссылался мистер Кертис, был преподобным Ричардом Кэрроллом из Оранджбурга, позднее из Колумбии.

В начале осени 1890 года он в письме редактору газеты "Ньюс энд Курьер", выступая против негритянских экскурсий, помимо весьма разумных взглядов, которые он высказывал по этому поводу, дал понять, что он хорошо понимает величайшую нужду своей расы и то, как ее лучше всего удовлетворить. За пять лет до появления на сцене Букера Вашингтона и за двадцать два года до того, как он увидел свет, Кэрролл, похоже, увидел его и указал на него следующим образом:

"Наши северные друзья обращают свое внимание на нужды эмигрантов на Западе. Мы должны копить деньги, чтобы купить дома, пока земля дешева"[234].

О том, что Кэрролл в то время был энергичным, оригинальным, независимым мыслителем и оратором, можно судить по более полному описанию инцидента, о котором упоминает мистер Кертис.

После раскола, произошедшего в Южной Каролине между последователями судьи Хаскелла и мистера Тиллмана, республиканская партия в этом штате, состоящая в основном из негров, зашевелилась, и был созван съезд ведущих цветных штата, чтобы рассмотреть целесообразность одобрения судьи Хаскелла и поддержки его кандидатуры, и, собрав делегатов, было внесено предложение оставить этот вопрос на усмотрение республиканского исполнительного комитета. Резолюция получила поддержку многих членов в сильных речах. Против выступил один оратор. Ниже приводится газетный отчет о высказываниях этого оратора:

"Преподобный Р. Кэрролл из Оранджбурга не мог одобрить передачу этого вопроса на рассмотрение республиканского исполнительного комитета, потому что знал, что комитет поддержит билет Хаскелла (откуда вы знаете?). Потому что один из лидеров сказал мне об этом. Я здесь, чтобы не допустить никаких действий со стороны цветного населения. Мы получили то, о чем так долго молились, - раскол в Демократической партии. Примкните к одной стороне, и мы ухватимся за тень. Пусть все идет своим чередом". Он считает, что Тиллман должен быть избран (Голоса - "О нет"). Позвольте мне сказать. До выдвижения Тиллмана мы все были тиллманитами. (Голоса - "Нет, нет"). Мы все радовались. Мы желали ему успеха. Теперь его номинировали. Тиллман принес нам больше пользы, чем любой другой человек со времен войны. Он сделал цветных, а также белых людей думающими и читающими. Раньше все демократы шли на выборы по 76-му и негритянскому вопросу.

Пришел Тиллман и оставил негра в покое (Голоса - "Гамбург, Элентон"). Он заставил людей думать не о неграх, а о других вещах. Он должен быть губернатором, и если бы я был белым демократом, я бы отдал 10 000 голосов, чтобы наградить его. Я не боюсь Тиллмана. Я боюсь тех, кто сел в его повозку и был им проташен на пост. Белые люди разобщены, но как только появится негр, они объединятся (аплотисменты). Обе партии ополчатся на негра, и ему придется бежать в горы..... Если вы поддержите Хаскелла, я пойду в политику вместе со 100 000 других ("Не буду голосовать за Тиллмана"). Он будет губернатором точно так же"[235].

Хотя Кэрролл был в меньшинстве, он боролся за голосование, отвечая на обвинения энергичными выпадами, а в отношении утверждения, что те, кого представлял Тиллман, были линчевателями негров, спросил: "Разве ими не руководили не только аристократы, но и простые люди?".

На самом деле Кэрролл заранее оценил то, что мистер Кертис, глубоко заинтересованный, каким он был, и внимательный наблюдатель, так и не смог понять, а именно, что доминирующая фракция в Южной Каролине не собиралась допускать негров к участию. И это, по сути, было главным фактом движения Тиллмана, который делал его совершенно непохожим на все аналогичные попытки в Вирджинии, Северной Каролине, Джорджии и других южных штатах. В Южной Каролине никогда не разрешалось входить верблюду, поэтому трудности, с которыми сталкивались в других штатах при удалении верблюда, когда он полностью заполнял палатку, в Южной Каролине не ощущались.

Пробивая себе дорогу к месту и власти, Тиллман, несомненно, апеллировал к классу фермеров, которые, по его словам, составляли семьдесят пять процентов белого населения, и которые, как он также утверждал, подвергались дискриминации. Но на самом деле Тиллман имел меньше предубеждений против старых семей Южной Каролины, чем многие из тех, кто выступал против его кандидатуры. Его семья до него на протяжении многих поколений была связана с землей Южной Каролины. Его отец занимал федеральный пост при Эндрю Джексоне, а один из его самых способных лейтенантов, У. Д. Эванс, в 1890 году все еще жил на земле, изначально пожалованной его предку во времена существования провинции Южная Каролина.

Утвердившись у власти, Тиллман был за все классы.

Но мистер Кертис, чистый и любящий человек, каким бы он ни был, никогда не мог полностью освободиться от чувства, которое, будучи аболиционистом, он испытывал к классу, возглавившему Юг в борьбе за рабство. Он очень надеялся, что возвышение Тиллмана и свержение режима Хэмптона означает шанс для негра вернуться к реализации, пусть и ограниченной, избирательного права. Он ожидал, что будет заметна разница в чувствах и настроениях тех, кого вел Тиллман, и тех, кто им предшествовал; и в письме от 21 января он так показал это:

"Не знаю, видели ли вы статью преподобного А. Д. Майо, который в течение десяти лет активно занимается развитием образования в южных штатах. Он считает, что класс, который представляет Тиллман, а не старая плантаторская аристократия, является настоящей надеждой южной страны, и он делает очень сильное заявление"[236].

Но ни один класс не обладает монополией на эгоизм, и хотя для Южной Каролины это было крайне неудачно, но в соответствии с человеческой природой одним из первых соображений класса, захватившего бразды правления в Южной Каролине в 1890 году, было

стремление принести пользу своему классу, попытавшись увековечить те самые условия, которые в течение восьмидесяти лет нанесли Южной Каролине больше вреда, чем что-либо другое в ее истории, и против которых безуспешно выступали ее мудрейшие сыновья, а именно, Сохранение массы невежественных сельскохозяйственных рабочих, сведенных к состоянию крепостных крестьян, насколько это было возможно в каждый период; ведь именно к этому фактически привел закон, принятый в большинстве хлопковых штатов в то время, путем прекращения налогообложения тех учреждений, которые могли бы избавить штат от значительного числа негров.

Закон Южной Каролины, принятый 4 декабря 1891 года, может служить типичным примером такого законодательства, которое было основано на решимости белых агрономов Нижнего Юга, составлявших около семидесяти процентов белого населения, поставить заслон дешевому негритянскому труду, который был бы им вполне по силам. В сочетании с яростными заявлениями против чернокожих грубиянов, которыми виновные пытались оправдать многочисленные линчевания этого периода, было очевидно, что, хотя месть быстро настигала негров, насиловавших белых женщин, фунт лечения был предпочтительнее унции профилактики; И поэтому, подвергая своих женщин риску, который казался неизбежным при огромном количестве негров на Юге, люди, принимавшие законы, все еще цеплялись за дешевый негритянский труд. Правда, в целом на территории, охватываемой Южной Каролиной, Джорджией, Алабамой и Миссисипи, белое население превзошло негритянское и на данный момент лишь немного уступает ему в численности, составляя 2 917 000 белых против 2 966 000 негров в этом черном поясе; но какова доля белых, абсолютно независимых от негритянского сельскохозяйственного рабочего, оценить трудно. То, что тогда и сейчас существовало и существует очень большое число людей, которые в значительной степени выиграли бы от содействия эмиграции негров, и что эти белые принадлежали к тому классу, чьи женщины обязательно подвергались наибольшему риску, который представляло собой соединение такой огромной массы негров, мешали понять растущие расовые предрассудки, и представители этого класса оказали свое влияние на принятие этого вредного закона, сформулированного следующим образом:

"Ни одно лицо не может заниматься в штате деятельностью агента эмигрантов, не получив предварительно лицензию на это у казначея штата".

Раздел 2. Термин "агент эмигрантов", как он понимается в Законе, должен означать любое лицо, занимающееся наймом рабочей силы или приглашающее эмигрантов в штате для работы за его пределами.

Раздел 3. Любое лицо имеет право на получение лицензии, действительной в течение одного года, после уплаты казначею штата в пользу штата одной тысячи долларов в каждом графстве, в котором оно работает или привлекает эмигрантов, за каждый год такой работы.

Раздел 4. Любое лицо, занимающееся деятельностью агента эмигрантов без предварительного получения такой лицензии, виновно в правонарушении и при осуждении наказывается штрафом в размере не менее пятисот долларов и не более пяти тысяч или может быть заключено в окружную тюрьму на срок не менее четырех месяцев или в тюрьму штата на каторжные работы на срок не более двух лет за каждое правонарушение, по усмотрению суда."[\[237\]](#)

Сомнительно, что ущерб, нанесенный Югу порочным федеральным законодательством 1868 года, был каким-либо образом больше, чем то, что оно препятствовало естественному распространению негров по всему Союзу вследствие их эмансипации и военного свержения тех, кто выступал против этого.

Законодательство 1868 года направило и стимулировало движение на Юг северных негров и белых авантюристов, которые разорили негритянское население, научили всех считать себя леди и джентльменами, что до сих пор заметно по одежде, в которой многие пытаются выполнять тяжелую ручную работу; и, пока они не были распущены в 1890 году, были самыми нелепыми в своих военных устремлениях, как показывает "Кодак" Джонсона.

Свержение Реконструкции в 1876 году в определенной степени привело к диффузии, и к переписи 1890 года даже в Южной Каролине, где негритянское население было наиболее плотным, стало заметно, что, хотя численный рост негров там все еще был больше, чем белых, темпы роста первых упали ниже, чем вторых. Тем не менее, в Южной Каролине негритянское население по-прежнему превышает белое на 226 296 человек, что больше, чем даже в Миссисипи, штате с большей площадью и более многочисленным белым населением, где превышение негритянского населения составило всего 197 698 человек.

Негр-нацгвардеец - Южная Каролина, 1890 год
Продукт Реконструкции Конгресса

При таких обстоятельствах было очевидно, что законодательство любого штата, направленное на ограничение выезда негров, даже если оно временно приносит промышленную выгоду землевладельцам и земледельцам, противоречит истинным интересам штата и народа, и, соответственно, в Южной Каролине, в колонках "The Cotton Plant", органа сельскохозяйственного класса Южной Каролины того времени, автор этой работы начал атаку на закон в серии статей.

Не утверждая, что закон был принят в ответ на эту агитацию, тем не менее, фактом является то, что в 1893 году в закон были внесены поправки, добавившие пункт, носящий характер компромисса, а именно:

"Ничто в настоящем законе не должно толковаться как препятствие для агентов-эмигрантов, работающих в этом штате между 1-м днем июля и 31-м днем декабря любого года"[238].

Эта поправка, дающая возможность содействовать высылке негров в ту половину года, когда это меньше всего могло помешать выполнению их трудовых контрактов, допускала постепенный вывоз большого их числа и была уступкой общественному мнению и политической морали со стороны тех, кто своими голосами и влиянием контролировал политическую ситуацию.

К 1890 году едва ли можно было сомневаться в том, что в мире или, скорее, в тех трех великих странах, которые в силу своего положения были наиболее способны влиять на мнение всего мира, произошли большие перемены в настроениях. В Великобритании, Соединенных Штатах Америки и Германии экстравагантно либеральные и гуманитарные идеи в отношении расового вопроса, которыми были отмечены двадцать пять лет, предшествовавших 1890 году, уступили место тому, что можно описать словом "расовый империализм". В Германии он проявился во многих формах, но более заметно - в колониальных предприятиях, которые у берегов Восточной Африки были отмечены рецидивами работорговли. [239] То, как он развивался в этой стране и до каких поразительных масштабов дошла кастовая культура, выходит за рамки данного исследования, но можно упомянуть, что Пол Рорбек, без каких-либо заслуг автора, открыто заявил о теории "черного субстрата" Кэлхуна как об основе колониальной экспансии.

Великобритания, с рейдом Джеймсона и его *последствиями*, дала иллюстрацию расовой нетерпимости, которая потрясла весь мир, но избежала использования черных для завоевания белых.

В Соединенных Штатах она проявилась в различных конституционных конвенциях в южных штатах, направленных на лишение негров избирательных прав.

Однако именно в Англии "Брат в черном" был переименован в "Бремя белого человека".

Во всех отношениях в 1890 году негр казался неудачником. Его расточительность была преувеличена, но в своей расточительности он предал судью Турги. Изучение переписи населения 1890 года, проведенное автором этой работы, показало, что при общей численности населения Соединенных Штатов в 62 620 000 человек 45 770 000 были коренными белыми; 9 240 000 - белыми иностранцами; 6 339 000 - неграми; 1 131 000 - мулатами; 110 000 - монголами и 58 000 цивилизованными индейцами.

Сравнивая эти две части: На севере и западе страны было чуть более чем в два раза больше белых, родившихся в родной стране, чем на юге. Белых, родившихся за границей, было в двенадцать раз больше, цивилизованных индейцев - в семь раз, а монголов - в пятьдесят раз, но негров было лишь на одну двенадцатую, а мулатов - на одну пятую[240].

	Север и Запад	Юг
Коренные белые	31,150,000	14,620,000
Белые иностранного происхождения	8,510,000	730,000
Негры	489,000	5,850,000

Гибриды	195,000	936,000
Китайские и японские	108,000	2,000
Цивилизованные индейцы	51,000	7,000

В восьми южных штатах - Южной Каролине, Джорджии, Флориде, Алабаме, Миссисипи, Луизиане, Арканзасе и Техасе - на 6 162 000 белых приходится 4 480 000 цветных, а в первых шести из них на 3 599 000 белых приходится 3 492 000 цветных. По штатам сравнение выглядит следующим образом:

	Белые	Цветные
Южная Каролина	462,000	688,000
Джорджия	978,000	858,000
Флорида	224,000	166,000
Алабама	833,000	678,000
Миссисипи	544,000	742,000
Луизиана	558,000	559,000

В том же году, когда Тиллман пришел к власти в Южной Каролине, Миссисипи лишила избирательных прав большую часть негритянского большинства, и, взяв под контроль политические дела, Тиллман принялся за работу, чтобы добиться того же в Южной Каролине. К 1895 году ему удалось добиться созыва конституционного конвента, и в том же году он собрался.

Почти два столетия негры воспитывались в рабстве. Затем в течение десяти лет они наслаждались тем, что было больше похоже на разнузданную свободу, чем на свободу. В течение примерно двадцати лет после этого их всеми возможными способами лишали права голоса и в значительной степени отстраняли от работы в суде присяжных. Теперь предлагалось лишить подавляющее большинство из них права голоса на законных основаниях. Интересно рассмотреть и проследить, как они восприняли это предложение; ведь теперь они были абсолютно лишены белой помощи и полностью зависели от тех аргументов, которые могли выдвинуть сами. Не было никаких попыток скрыть цель. Было открыто заявлено, что главная цель конституционного съезда Южной Каролины в 1895 году - разработать закон, с помощью которого огромный перевес негритянского электората должен быть сведен к незначительному меньшинству. Этого удалось добиться в Миссисипи, и непоследовательность закона о налоге на эмигрантов, сдерживающего в штате тех, от кого законотворцы должны были его защищать, на время ускользнула от внимания.

Сенатор Б. Р. Тиллман, отличавшийся широтой мышления, неустанно стремился сделать съезд представительным для всех фракций, классов и условий жизни белого населения штата, и, когда он наконец собрался, оказалось, что так оно и есть. Кроме того, в его состав вошли негры, благодаря присутствию шести негритянских делегатов из двух прибрежных округов, где они были в таком подавляющем количестве, что исключить их из числа депутатов было невозможно никакими методами, предусмотренными существующими законами.

Позиция, поведение и высказывания этих шести негров на этом съезде, в штате, где двадцать лет назад представители их расы устроили свою самую ярко выраженную

законодательную оргию и куда они теперь приехали, чтобы, как они, должно быть, понимали, совершить политические похороны своей расы, имели, если рассматривать их сентиментально, нечто патетическое. Следует иметь в виду, что те, кто приехал сейчас, могли быть только из тех двух округов, где негры находились на самом низком уровне, если контакт с белыми был возвышающим; ведь в Бофорте и Джорджтауне белые составляли очень незначительное меньшинство.

Однако сейчас было не время для сентиментальных рассуждений, и, чтобы привести общую массу участников съезда в состояние, благоприятное для понимания схемы, которую предполагалось представить на данном этапе работы, сенатор Тиллман подробно и с потрясающей силой рассказал о предыдущих страшных эксцессах коврового правительства и негритянского правления в штате. После принятия резолюции о включении его речи в журнал конвенции, с честностью, которую не проявил бы и более мягкий человек, он попросил, чтобы ответы тех негритянских делегатов, которые пожелают выступить, также были напечатаны в нем.

Тот негритянский делегат, которого он назвал "самым способным цветным человеком, которого я когда-либо встречал", У. Дж. Виппер, (*piece de resistance* Дэна Чемберлена в семидесятые годы), безусловно, самый известный из всех, кто достиг известности в дни Реконструкции, не воспользовался этой привилегией. Роберт Смоллс, обладая гораздо меньшими способностями и мужественной решимостью, которую можно отнести к его заслугам, сделал это и мужественно защищал свою личность. Его обвиняли в коррупции. Он указал на тот факт, что был помилован, и со всей серьезностью заявил, что помилование было даровано ему без просьбы с его стороны и вопреки его настоятельному требованию суда. Хотя его высказывания не свидетельствуют об исключительном интеллекте, а причины дезертирства не отражают самого ясного представления о том, что такое общественная мораль, в его речи чувствуется мужественная отвага, которая вызывает симпатию.

Изложив вышеупомянутое требование, он закончил речь следующим образом:

"Господин президент, я покончил с этим вопросом. Его не следовало выносить сюда. Все воры ушли, они рассеялись по всей стране, а я остался здесь. Моя раса оказала мне честь занять место на этом этаже, и я буду служить им в меру своих сил. Моя раса не нуждается особой защите, ибо история их жизни в этой стране доказывает, что они равны любому народу в любом месте. Все, что им нужно, - это равный шанс в борьбе за жизнь. Я горжусь ими и по их поведению по отношению ко мне знаю, что они не стыдятся меня, ибо во все времена оказывали мне честь своими голосами. Я стою здесь на равных с любым человеком. Я начал войну с конфедератами; они пригрозили мне наказанием, и я покинул их. Я пошел в армию Союза. Я сражался в семнадцати битвах, чтобы прославить и увековечить флаг, который некоторые из вас топчут ногами. Я невиновен во всех обвинениях, которые пытаются выдвинуть против меня, и ни один ваш поступок или слово не могут ни в коей мере запятнать ту репутацию, которую я приобрел дома и за границей. Господин президент, я закончил и впредь не буду замечать никаких личных замечаний. У вас есть факты по делу, по ним я прошу судить меня"[\[241\]](#).

Но из этого не следует делать вывод, что оратор был в каком-то смысле сбит с пути. Напротив, он продолжал участвовать в работе съезда в меру своих сил.

В качестве поправки к разделу 34 проекта Конституции, который гласил: "Брак любого белого человека с негром или мулатом, имеющим одну восьмую или более негритянской крови, является незаконным и недействительным." И любое белое лицо, живущее и сожительствующее с негром, мулатом или лицом, имеющим одну восьмую или более

негритянской крови, лишается права занимать любую должность, приносящую доход или доверие в этом штате, а потомство любого такого живущего или сожительствующего должно носить имя отца и иметь право наследовать и приобретать имущество так же, как если бы они были законными". Но Конвент проголосовал за его отклонение, и небезосновательно, поскольку, несмотря на умную политику, заключительный пункт был порочным законодательством. Приятная смелость мулата Смоллса, однако, снискала ему всеобщую терпимость и некоторое уважение; но в интеллектуальном отношении он не был в одном ряду с тем октароном, Томасом Э. Миллером, который, по мнению большинства, проявил в этом случае наибольший талант.

Миллер произнес множество речей и подготовил немало приемлемых материалов для прессы. Поэтому он, что вполне естественно, возвышался в глазах рыцарей пера, а его самая яркая речь была позже использована самым культурным представителем расы в этой стране, профессором У. Э. Бургхардтом Дюбуа, в качестве одного из аргументов в защиту Реконструкции в докладе, прочитанном им на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации в 1909 году, который был опубликован позже в "Ревью". Тем не менее, речи и Смоллса, и Миллера носили оборонительный характер.

О другом, менее известном цветном делегате этого съезда, нельзя сказать, что его позиция была такой. Держась с достоинством и строго соблюдая приличия дебатов, мулат, о котором пойдет речь далее, красноречиво проиллюстрировал поговорку о том, что "дело оппозиции - противостоять". Этот человек и его усилия в историческом плане заслуживают определенного признания.

Джеймс Э. Вигг родился в Линден-Парке, Блаффтон, округ Бофорт, Южная Каролина, 25 марта 1850 года, сын цветной женщины от белого мужчины. Еще маленьким мальчиком он привлек внимание генерала Дэвида Хантера, которого он ждал в Хилтон-Хед, а после войны взял его с собой в Вашингтон, округ Колумбия, и поместил в Институт Уолена. О нем говорили, что он хорошо разбирался в теологии и был "искренним последователем Сведенборга"^[242]. Его работа в Конвенте была отмечена явным проявлением интеллекта. Он представил проект конституции, который заслуживал одобрения, и предложил ордонанс Комитету по финансам и налогообложению, который имел явные достоинства. Это была политика высокого порядка. Это был дерзкий вызов белому большинству, на котором трудно было отстоять неблагоприятный отчет Комитета.

Постановление Вигга заключалось в следующем:

"Постановляет народ Южной Каролины, собравшийся на съезд, что главный контролер, окружные аудиторы, казначеи округов и все лица, ответственные за сбор государственных или муниципальных налогов, должны вести отдельные и раздельные счета всех налоговых деклараций и налогов, уплаченных белыми и цветными налогоплательщиками, и чтобы эти счета всегда были открыты для публичного осмотра".

Конвенция проголосовала за отказ, хотя известно, что этот вопрос является одним из тех, по которым постоянно проводятся вольные обобщения в качестве основы для политических призывов к избирателям.

Но Вигг затронул более показательную ноту, чем эта. Заключительный пункт статьи 1, раздел II, гласящий:

"После принятия этой конституции любой человек, который будет драться на дуэли, посылать или принимать вызов с этой целью, или будет пособником или подстрекателем в

драке на дуэли, должен быть лишен возможности занимать любую почетную или доверительную должность в штате, и должен быть наказан иным образом, как предписывает закон".

К этому Вигг предложил простое дополнение: "или любой, кто занимается линчеванием".^[243] Поправка была отклонена, но в каком положении оказались законотворческие белые в результате такого голосования? Как это читается сегодня?

Речь Вигга по вопросу об избирательном праве, с точки зрения его расы, также была сильным изложением темы, построенным на высоком уровне, красноречивым и достойным. Никакие выдержки из нее не сделают ее справедливой. Чтобы оценить ее по достоинству, ее нужно читать целиком. В ней не было той забавной буффонады, которая в речи другого цветного делегата так очаровала представителей прессы; но в ней было не мало язвительного сарказма. Эту речь стоит прочесть внимательному изучающему историю, желающему ознакомиться с различными стилями людей, из которых складывались наши институты и наша практика. Но, несмотря на все вышесказанное, самым интересным инцидентом, связанным с работой этого цветного человека в Конвенте, было его столкновение с самым сильным и влиятельным членом этого органа в импровизированных дебатах, возникших почти случайно, в которых, при всем воображении, нельзя сказать, что цветной человек был побежден. То, что он был обязан своим триумфом слабости позиции своего противника, было его удачей, и он использовал ее по назначению.

Как уже говорилось, принятие закона, ограничивающего выезд негров, как это сделал новый режим в 1890 году, показало несостоятельность заявлений об опасных характеристиках этой расы, и сенатор Тиллман в полной мере проявил себя в качестве лидера конвенции, оказавшись на отмели, с которой пришлось барахтаться, чтобы снова попасть в родную воду.

В изложении прессы этот инцидент выглядит следующим образом:

"Сенатор Тиллман сказал, что в качестве предисловия к своим замечаниям он прочтет из своего первого или инаугурационного послания, когда он выступал за городское правительство..... 'В то время нам мешал этот старик Синдбад, негр. Он здесь, и он будет здесь, и мы должны следить за негром в куче дров".

Мистер Вигг (молодой цветной человек) спросил сенатора Тиллмана:

"Правильно ли я понимаю, что вы возражаете против присутствия негра в Южной Каролине?"

"Сенатор Тиллман: Ничуть, но я бы не стал ограничивать его эмиграцию.

"Мистер Вигг: Не подписывали ли вы законопроект, направленный на предотвращение его отъезда?

"Сенатор Тиллман: Я никогда не подписывал подобных мер^[244].

"Мистер Вигг: Я имею в виду закон о введении налога на эмиграционных агентов".

На это четкое уточнение о законе, принятом в бытность губернатором, Тиллман сначала поспешно заявил, что он был принят во время пребывания его предшественника на посту; но позже, поразмыслив, решил сообщить Конвенту, что, как он выяснил, он его подписал и хотел бы "извиниться перед штатом за то, что сделал это".

Затем выступил автор закона, хлопковод из Мальборо У. Д. Эванс, который также извинился за него, и было дано устное обещание, что закон должен быть отменен. В то время закон был в измененной форме и действовал только половину года. Но чтобы не быть отмененным, единственным действием, касающимся его, было введение его в действие на весь год в первоначальном виде, лицензия была сокращена.

Как бы ни было неприятно такое заявление для тех, кому неприятна его несправедливость и игнорирование обещания, данного на столь торжественных условиях, следует помнить, что аналогичное законодательство штата Джорджия было за это время рассмотрено Верховным судом США и поддержано, *в частности*, на том основании, что...

"Если и можно сказать, что оно затрагивает свободу выезда из штата или свободу договора, то лишь случайно и отдаленно"[245].

Верховный суд Соединенных Штатов, таким образом, разделяет с Нижним Югом ответственность за это суровое и неразумное ограничение права труда на его полное вознаграждение, а также за отказ особенно невежественной и беспомощной массе населения в облегченном выезде из мест, где они, как говорят, представляют такую угрозу из-за своей чрезвычайной численности, что отмена всех законов и лишение людей жизни без закона толпами иногда оправдывается некоторыми людьми.

Но, отстаивая право труда идти туда, где он хочет получить наивысшую заработную плату, мы не должны закрывать глаза на эгоизм промышленных агентств, которые выметают из общества большую часть трудоспособных мужчин и оставляют в качестве обузы только зависимых женщин и детей. С этим, однако, можно и нужно бороться с помощью законодательства, предотвращающего разрушение семей ради удовлетворения требований промышленного рабства. Но, тем не менее, право рабочего на все, что он может заработать своим трудом, должно быть защищено.

Какими бы плодотворными ни были события этого чрезвычайного съезда, иллюстрирующие отдельные этапы негритянского вопроса, о самом примечательном из них, однако, еще предстоит рассказать. Ранее уже говорилось, что в 1865 году, когда штаты распадавшейся Конфедерации пытались реабилитировать себя в качестве членов Союза после эмансипации, но до Реконструкции, Южная Каролина и Миссисипи приняли кодексы, в которых содержались положения о том, что "каждый человек, в котором семь восьмых или больше кавказской крови, считается белым человеком," тем самым отделяя их от "цветных людей", к которым относились все негры и люди смешанной крови, имеющие менее семи восьмых кавказской крови, которые в то же время объявлялись "не имеющими права на социальное или политическое равенство с белыми людьми".

По всей видимости, это был лишь другой способ заявить, что те, у кого было семь восьмых и более кавказской крови, имели право на социальное и политическое равенство с белыми. Но Реконструкция, как было показано, вычеркнула это законодательство из жизни, в попытке поставить всех на одну плоскость социального равенства и наказать так сурово, как только можно было придумать закон, тех, кто мог быть обвинен в любой дискриминации социального характера. Этот абсурдный законодательный акт был отменен после окончания Реконструкции, а вместо него был принят закон, который наказывал браки между белыми и неграми. На съезде Южной Каролины в 1895 году была предпринята попытка так

сформулировать закон, чтобы он соответствовал взглядам, которых придерживались в Южной Каролине и Миссисипи в 1865 году; но этому воспротивилась поправка, гласившая следующее:

"Раздел 34. Брак белого человека с негром или мулатом, имеющим негритянскую кровь, является незаконным, и участники такого брака после осуждения подлежат наказанию, как может распорядиться Генеральная Ассамблея"[246].

По поводу этой поправки к докладу комитета развернулась бурная дискуссия, и среди прочих мнений было высказано мнение мистера Слая из Ньюберри, что лучше позволить любому человеку с одной шестнадцатой негритянской крови растить белых, чем заставлять таких детей растить цветных. Однако настроения были против его мнения, и предложенная поправка была принята в том виде, в котором она была изложена выше.

Но через две недели, после многочисленных возобновлений дискуссий о том, что обвинения, основанные на столь неопределенной пропорции, могут нанести вред и ущерб, согласно сообщениям прессы:

"По предложению мистера У. Д. Эванса к рассмотрению раздела 34 вернулись, и начались проблемы. Мистер Эванс предложил внести в раздел поправку, предусматривающую, что закон о смешении не должен применяться к лицам смешанной крови, чей статус соответствует статусу белых людей. Мистер Джордж Тиллман заявил, что он очень слаб, но чувствует, что вынужден высказаться по этому вопросу. Во-первых, ему было стыдно, когда делегат от Бофорта хлопал в ладоши и заявлял, что у енотов есть собака на дереве. Еще больше его возмутило то, что джентльмен из Ньюберри (мистер Слай) и джентльмен из Эджфилда (мистер Б. Тиллман) подстрекали и дразнили, чтобы внести в конституцию положение о том, что ни один человек с любой примесью негритянской крови не должен вступать в брак с белым человеком и что за такой брак законодательный орган должен предусматривать наказание даже большее, чем за усыпление детей и прелюбодеяние в браке. Мистер Тиллман сказал, что закон Миссисипи, запрещающий браки между белыми людьми и теми, в ком более одной восьмой части негритянской крови, - это старый закон Южной Каролины. Если закон будет принят в его нынешнем виде, уважаемые семьи в Айкене, Барнуэлле, Коллетоне и Оранджбурге будут лишены права на межнациональные браки среди людей, с которыми они сейчас связаны и идентифицируют себя. По его сведениям, это затронет не менее ста семей. Они отправили хороших солдат в армию Конфедерации, а теперь являются землевладельцами и налогоплательщиками. Он утверждал, как научный факт, что на заседании конвента не было ни одного полнокровного кавказца. Каждый член конвента имел в себе определенную примесь монгольской, арабской, индийской или другой цветной крови. Чистокровный белый человек нуждался во вливании более темной крови, чтобы придать себе готовность и целеустремленность. Было бы жестокой несправедливостью и источником бесконечных тяжб, скандалов, ужасов, вражды и кровопролития, если бы брак был аннулирован или запрещен из-за отдаленного, возможно, устаревшего следа негритянской крови. По правилу доказательств традиционная известность допускалась в качестве доказательства родословной. Открывались двери для скандала, злобы и жадности; для заявлений на свидетельском месте, что отец, дед или бабушка говорили, что в жилах А или Б течет негритянская кровь. Любой полумужчина готов взорвать динамитом половину мира, чтобы предотвратить или отомстить за посягательства на честь своей матери, законность или чистоту крови своего отца". Он выступал за восстановление раздела в его первоначальном виде"[247].

Усилия мистера Джорджа Д. Тиллмана увенчались успехом, и раздел в окончательном виде был принят:

"Статья III, раздел 33. Брак белого человека с негром, мулатом или лицом, имеющим одну восьмую или более негритянской крови, является незаконным и недействительным".

ССЫЛКИ:

[232] Bryce, The American Commonwealth, Revised Edition (1910) p. 503, V. 2.

[233] Harper's Weekly, January 31st, 1891.

[234] News and Courier, September 15th, 1890.

[235] Ibid. 16 октября 1890 г.

[236] Гео. Уильям Кертис, письмо автору, 21 января 1891 г.

[237] Statutes South Carolina, Vol. 20,-p. 1084.

[238] Ibid. Vol. 21, p. 429.

[239] News and Courier, September 17th, 1890.

[240] Theo. D. Jervy, Migration of the Negroes, pp. 1-2.

[241] Journal of S. C. Constitutional Convention 1895, p. 476.

[242] С. Х. Роджерс, письмо автору, 9 декабря 1910 г.

[243] News and Courier, October 3rd, 1895.

[244] Ibid. 26 октября 1895 г.

[245] Репортер Верховного суда, Уильямс против Страхов, том 21, с. 128-130.

[246] News and Courier, 4 октября 1895 г.

[247] Ibid. 17 октября 1895 г.

ГЛАВА XI

Но если в личностях Вигга и других были представлены иллюстрации прогресса негров в утонченности, культуре и морали, то в массе своей эта раса отнюдь не была пригодна для выполнения всех обязанностей гражданина на Юге. Даже когда наиболее активные и прогрессивные переселялись в другие регионы, они, казалось, приводили в качестве аргумента *in propria persona*, который все больше и больше склонял жителей Севера и Запада к громкому выражению, что белый человек Юга лучше всего понимает негра; что негру лучше жить на Юге, чем в других местах; и что Юг - естественная родина негра.

Как бы ни расходились мнения белых на Севере, республиканцев или демократов, филантропов или политиков, они были почти единодушны в том, что негр на Севере не нужен. Но он протискивался внутрь.

Поэтому, несмотря на все другие его претензии на величие, тот факт, что он и его политика обеспечивали наиболее эффективные средства и инструменты для удержания негров на Юге, в огромной степени способствовал тому, что покойный доктор Букер Т. Вашингтон стал оказывать поразительное влияние на настроения северян, поскольку с его ростом славы и финансового могущества негритянский вопрос перешел в новую фазу. У него была миссия, и принято считать, что она заключалась в том, чтобы привести негров к ручному и промышленному обучению, что в основном и было сделано, но также ее целью отчасти было удержать негров на Юге; ведь именно в этом и заключается смысл: "Опрокинь ведро свое, где ты есть".

Букер Т. Вашингтон впервые ярко проявил себя в речи, из которой взята приведенная выше выдержка, произнесенной им на Выставке хлопковых штатов в Атланте, штат Джорджия, 18 сентября 1895 года. То, к чему Д. Х. Хилл призывал белых южан в 1866 году, Вашингтон теперь призывал негров. Северяне уже немного устали от постоянных призывов негров к политическому признанию, и эта речь, избегающая таких призывов и облеченная в самые примирительные фразы в отношении белых южан, была удивительным отступлением. Она затронула популярную аудиторию. Самый знаменитый журналистский корреспондент того периода Джеймс Крилман, находившийся тогда в зените своей карьеры писателя, написал о ней в самом лучшем ключе, назвав ее "орацией, знаменующей эпоху". Этот писатель, занимавший страницы самой читаемой нью-йоркской газеты того времени, назвал.

"Профессор Букер Т. Вашингтон, президент Нормального и промышленного института Таскиги (Алабама), как самый выдающийся представитель своей расы в Америке"[248].

Но Крилман не был одинок. Редактор газеты Atlanta Constitution телеграфировал на Север, что "выступление было откровением".

Газета "Бостон транскрипт" заявила: "Оно затмило все остальные мероприятия и саму выставку"[249].

Президента Кливленда даже цитировали, утверждая, что "экспозиция была бы полностью оправдана, если бы не сделала больше, чем предоставила возможность для ее произнесения"[250].

О ключевом моменте речи уже говорилось выше. Кроме того, в ней содержались два конкретных заявления, которые и составили "откровение":

"1. Во всем, что касается чисто социального, мы можем быть раздельны, как пальцы, но едины, как рука, во всем, что необходимо для взаимного прогресса"[251].

2. Мудрейшие представители моей расы понимают, что возбуждение вопросов о социальном равенстве - крайняя глупость и что прогресс в пользовании всеми привилегиями, которые нам предстоят, должен быть результатом суровой и постоянной борьбы, а не искусственного принуждения"[252].

Когда к этим выражениям было добавлено дальнейшее заявление

"что мы будем процветать, когда научимся ценить и прославлять общий труд"[253].

Неудивительно, что эта речь была воспринята на Юге как отказ от всех надежд на социальное равенство и согласие на положение негра, очень близкое к тому, которое определил для него Кэлхун - "лучший в мире субстрат населения", "на котором можно легко и безопасно вырастить великие и процветающие государства".

Какой же недостаток мог найти в такой политике поверхностный южный мыслитель? Она, несомненно, прекрасно сочеталась с тем, что, как заявил сенатор Батлер за пять лет до этого, "не так уж часто можно услышать от людей", а именно: негры - "хороший крестьянский класс".

Правда, сенатор предупредил своих соотечественников, "что при нашей форме правления не существует такого понятия, как крестьянский класс"; но замечания Вашингтона были настолько более успокаивающими для Юга, чем предупреждение Батлера, что средний южанин отбросил размышления о возможностях, дремлющих в огромной массе негров, скопившихся на Юге.

И если южанин готов рискнуть этими возможностями, то какой разумный человек может винить более здравомыслящего северянина за его радостную готовность финансировать эксперимент?

То, что, обратив внимание расы на ручное и промышленное обучение, Вашингтон совершил великое дело, отрицать не приходится. То, что, побудив многих своих людей последовать за ним в такой программе, он поднял амбиции немногих из них на гораздо более высокий уровень, чем тот, на который раса была способна до этого, следует признать, и это великие достижения. Но ошибочно полагать, что Вашингтон когда-либо отказывался от стремления к социальному равенству для себя или своей расы. Он осуждал агитацию, а не стремление к нему. По мнению доктора Вашингтона, "цветовые предрассудки" были несовместимы с истинным величием души, и высшей похвалой, которую он мог воздать человеку, было то, что он был лишен "цветовых предрассудков".

Пишущий о президенте Кливленде, он сказал:

"Судя по моему личному знакомству с мистером Кливлендом, я не думаю, что он осознает себя обладателем каких-либо цветовых предрассудков. Он слишком велик для этого. Общаясь с людьми, я обнаружил, что, как правило, это лишь маленькие, узкие люди, которые живут для себя, никогда не читают хороших книг, не путешествуют, не открывают свою душу так, чтобы она могла соприкоснуться с другими душами - с великим внешним миром. Ни один человек, чье видение ограничено цветом, не может соприкоснуться с тем, что является самым высоким и лучшим в мире. Встречаясь с людьми во многих местах, я обнаружил, что самые счастливые люди - это те, кто больше всего делает для других; самые несчастные - те, кто делает меньше всего. Я также обнаружил, что немногие вещи, если они вообще существуют, способны сделать человека настолько слепым и узким, как расовые предрассудки"[254].

Несмотря на совершенно разные темпераменты, между двумя цветными Букером Т. Вашингтоном и Т. Томасом Форчуном, казалось, существовала симпатия. Вашингтон в своей автобиографии пишет об этом:

"Летом 1900 года при содействии таких выдающихся цветных людей, как Т. Томас Форчун, который всегда поддерживал меня во всех начинаниях, я организовал Национальную негритянскую бизнес-лигу"[255].

Т. Томас Форчун - человек образованный и способный. Будучи в течение многих лет редактором ведущей цветной газеты в Соединенных Штатах, его колонки свидетельствовали о том, что он, безусловно, поддерживал руки доктора Вашингтона. И действительно, он без колебаний сносил головы таким цветным хулителям доктора Вашингтона, как Монро Троттер из Бостона и другие, даже отвесил пару тумачков профессору У. Э. Бургхарду Дюбуа, когда тот

не поспевал за процессией Вашингтона. Но Т. Томас Форчун был слишком независимой натурой, чтобы его можно было удержать от выражения собственного мнения, и незадолго до того, как он отказался от должности редактора "The Age", он опубликовал следующее заявление:

"Вопрос о праве жениться и выходить замуж лежит в основе всей жизни Республики. Афроамериканец, который говорит, что он не желает социального равенства, - бесовский глупец или возмутительный негодяй, который жертвует тем, что, как он должен знать, является первостепенным правом, ради подчиненной цели".

Можно ли поверить, что человек, достаточно бесстрашный, чтобы сделать такое заявление, и чувствуя себя обязанным его сделать, будет постоянно поддерживать руки беспринципного глупца или отъявленного черносотенца? В это трудно поверить. Поэтому разумно предположить, что, хотя Вашингтон вместе с "мудрейшими" представителями своей расы понимал, "что агитация вопросов социального равенства - это крайнее безрассудство", он все же лелеял это стремление. И действительно, было бы очень неестественно, если бы он этого не делал.

Учитывая все эти возможности, возникает вопрос: соответствует ли политика, направленная на сохранение на Юге такого количества негров, которое там хранится, интересам Юга, нации или способствует наибольшему благу для наибольшего числа людей?

Но Вашингтон не был непревзойденным лидером своей расы. Два других представителя расы критиковали его лидерство, приводя аргументы, от которых нельзя было отмахнуться. Первый из них составил в 1899 году самое тщательное исследование условий, в которых живут негры на Севере, которое было напечатано до этого времени. Автора "Филадельфийского негра" так представляет доктор А. Бушнелл Харт:

"Самый выдающийся литератор расы У. Э. Бургхардт Дюбуа - бакалавр и доктор философии Гарварда, который несколько лет учился в Германии, а как профессор социологии в университете Атланты имел необычную возможность изучать свой народ"[\[256\]](#).

Книга доктора Дюбуа совершенно отличалась по стилю от популярной "Вверх из рабства", опубликованной годом или двумя позже, "при кропотливой и щедрой помощи Макса Беннета Трэшера", как автобиография Вашингтона.

Книга Дюбуа "Филадельфийский негр" представляет собой тщательнейшее социологическое исследование.

Позже, в 1903 году, доктор Дюбуа опубликовал еще один том под названием "Души черного народа", в котором после предисловия, открывающегося словами:

"Самым ярким событием в истории американского негра с 1876 года является восхождение мистера Букера Т. Вашингтона".

Затем, отдав должное его заслугам, автор заявляет.

"Настало время, когда можно со всей искренностью и предельной вежливостью говорить об ошибках и недостатках карьеры мистера Вашингтона и т. д."

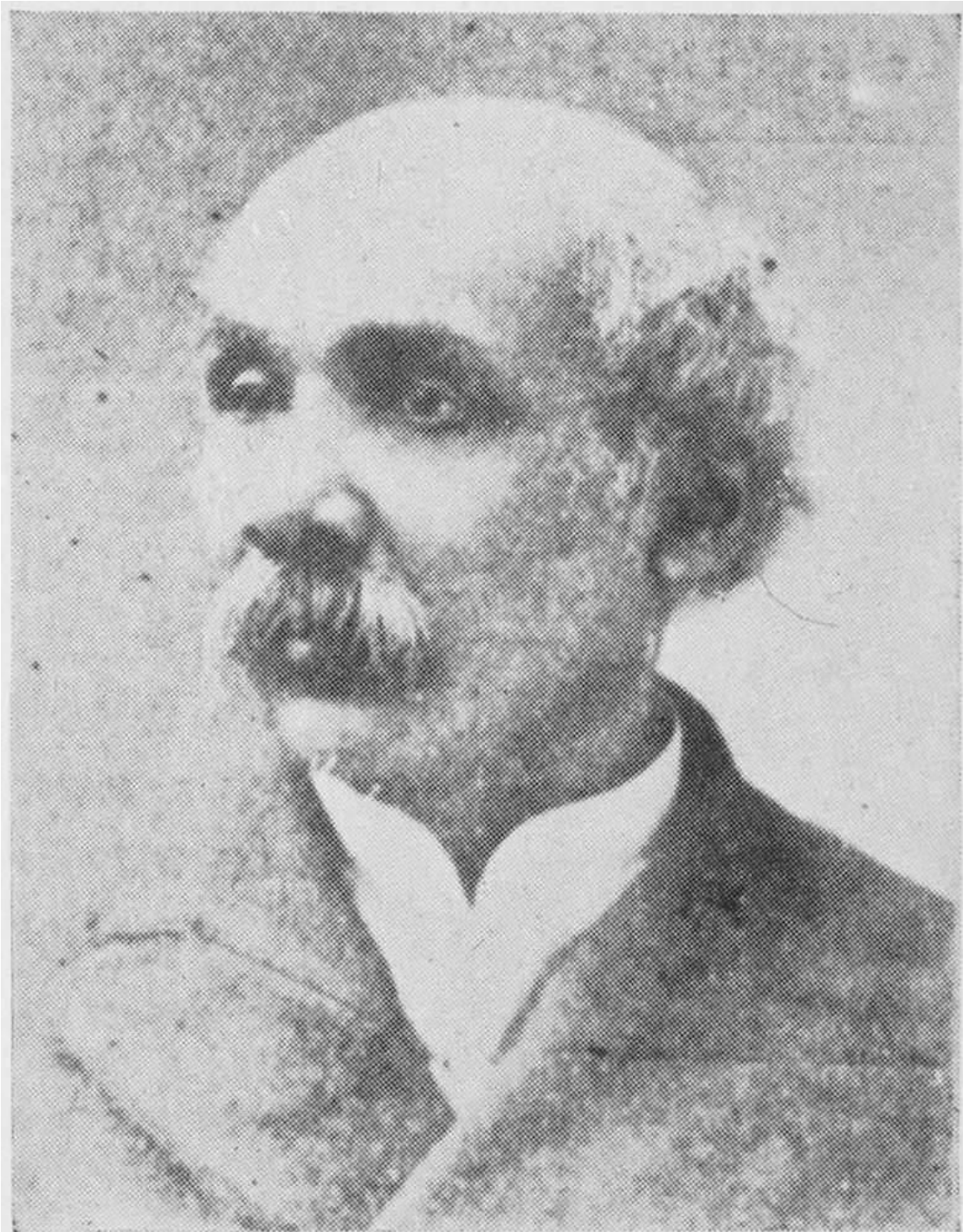
Критика заключается в следующем:

"Его доктрина имеет тенденцию заставлять белых, Север и Юг, перекладывать бремя негритянской проблемы на плечи негров и стоять в стороне в качестве критических и

довольно пессимистичных зрителей; тогда как на самом деле это бремя принадлежит нации, и руки никого из нас не будут чисты, если мы не направим свои силы на исправление этих великих несчастий. Юг должен быть побужден откровенной и честной критикой к утверждению своего лучшего "я" и выполнению своего долга перед расой, которую он жестоко обидел и продолжает обижать. Север, ее соучастник в вине, не может успокоить свою совесть, замазывая ее золотом..... Чернокожий житель Америки должен выполнить свой долг, долг суровый и деликатный, движение вперед, чтобы противостоять части работы своего величайшего лидера. Пока мистер Вашингтон проповедует бережливость, терпение и промышленное обучение для масс, мы должны держать его за руку..... Но пока мистер Вашингтон извиняется за несправедливость, Северную или Южную, не ценит должным образом привилегию и обязанность голосовать, преуменьшает влияние кастовых различий и выступает против более высокой подготовки и амбиций наших светлых умов, - пока он, Юг или нация делают это, - мы должны неустанно и твердо противостоять им"[257].

Между "самым выдающимся литератором расы" и "самым выдающимся человеком, которого произвела на свет африканская раса" существовала глубокая разница, ибо то, что многие могли бы считать существенным элементом величия в политике Вашингтона, было тем, за что этот критик подверг его самому суровому осуждению, а именно: его готовность переложить бремя негритянской проблемы с плеч белых на плечи негров.

Признавая, ради аргумента, что готовность белых Севера и Юга переложить это бремя не является их заслугой, в провозглашении негром политики в отношении негров, направленной на то, чтобы заставить негра "встать на ноги и играть в игру", есть своя сила, которая компенсирует многие недостатки, и за это доктор Вашингтон должен получить похвалу.

Уильям Ганнибал Томас, 1900 г.
Свободный цветной человек - Огайо, 1860 год

Второго из двух негритянских мыслителей, оспаривавших лидерство доктора Вашингтона, профессор Харт также цитировал; но об Уильяме Ганнибале Томасе, одном из немногих негров с ярко выраженной интеллектуальной силой, о которых говорилось выше, который участвовал в борьбе за Реконструкцию в Южной Каролине и вышел из нее не критичным, у доктора Харта есть только два упоминания.

Об авторе книги "Американский негр: каким он был, каким он есть и каким он может стать" профессор Харт в своей собственной сильной книге говорит лишь следующее:

"Он сделал признания в отношении моральных качеств своих братьев-негров, которые были широко подхвачены и процитированы антинегритянскими писателями"[258].

Во-вторых:

"Томас, сам негр, утверждает, что сексуальный импульс составляет основное возбуждение расы и является главным препятствием для ее социального подъема"[259].

В этих двух сдержанных высказываниях профессор Харт передает то, что можно понять как неодобрение; однако в защиту критики Томаса в адрес своей расы в последнем случае можно возразить, что она параллельна утверждению профессора Ломброзо, который сам был итальянцем, об итальянцах, когда он противопоставлял их англичанам; что же касается первого, то трудно найти параграф, сформулированный Томасом, более подходящий для цитирования антинегритянскими писателями, чем следующий в книге профессора Харта:

"Негритянские проповедники, по всеобщему мнению, являются худшими в своем роде, и очень часто так оно и есть. Если то, что регулярно рассказывают белые и иногда признают цветные, правда, то большинство южных негров, сельских и городских, находятся в ужасном состоянии как физически, так и морально"[260].

И все же, какими бы ни были негритянские проповедники, есть все основания полагать, что в городах их моральный облик улучшается, и там теперь можно найти высокие образцы нравственности.

И опять же, несмотря на кажущийся пессимизм, будущее сулит Томасу надежду, которой лишены немногие, кто нетерпелив к его зондажу. Где можно найти что-нибудь более оптимистичное, чем следующее:

"Мы верим, что американское христианство имеет в лице негра неизмеримое богатство скрытой духовной энергии, которая будет пробуждена и освящена, когда понятие сакердотализма будет рассеяно перед его затуманенным взором, когда передаваемый этнический фетишизм будет искоренен из его религии, а в мужественность его природы, очищенной от пустых форм праведности, вдохнет дух самого Бога"[261].

Истина в этом вопросе заключается в том, что Томас слишком глубоко в него погрузился, чтобы его могли легко понять те, чьи способности восприятия не были ускорены ежедневным общением, которое так многому учит. Поэтому, хотя книга Томаса может показаться крайне пессимистичной, однако, если свести его философию к , она не сильно отличается от того, что, как считается, проповедовал доктор Вашингтон: Бог помогает тому, кто помогает себе сам, или, как выразился Томас:

"Каждое дарование мужественности и женственности находится в пределах досягаемости каждого человеческого существа, которое ставит честность перед материальной выгодой, а самоуважение перед наглой глупостью"[262].

"Поэтому, когда негритянская раса получит в самом широком и лучшем смысле промышленное образование, произойдет радикальное обновление социальной экономики Юга, и негритянское образование будет означать домашнюю жизнь, домашнюю промышленность, общественную целостность и национальное благосостояние"[263].

Таким образом, в определенной степени разница между Вашингтоном и Томасом носила темпераментный характер. Оптимизм Вашингтона заставил его заявить:

"Несмотря на поверхностные и временные признаки, которые могут привести к противоположному мнению, никогда не было времени, когда я испытывал бы больше надежд на расу, чем в настоящее время"[264].

Что это были за поверхностные и временные признаки, ведущие к противоположному мнению, Вашингтон не раскрыл; но Томас сказал:

"Я твердо придерживаюсь убеждения, что негроидность, проявляющаяся в американском типе, является отношением умственной плотности, своего рода духовной чувственностью; но что каждая из этих характеристик, хотя и наделена большим упорством и силой, тем не менее поддается радикальному лечению"[265].

По мнению Макса Нордау, духовная чувственность ни в коем случае не является характеристикой или состоянием, препятствующим великим достижениям; он приписывает ее Игнатию Лойоле.

Но теперь рассмотрим точку зрения этого северного негра.

За исключением, возможно, Альфреда Х. Стоуна, вряд ли кто-либо до сих пор проявил себя более подготовленным к обсуждению негритянского вопроса, чем Уильям Ганнибал Томас. Сравнение может дать основание утверждать, что если мистер Стоун пользовался более широким диапазоном, то Томас смог провести более точное исследование. Если Стоун обладает более сильным умом, который еще больше укрепился благодаря более полной культуре, то Томас обладает более уравновешенным в судебном отношении темпераментом. Работа Томаса завершена. Стоун еще не достиг своего полного развития. Поэтому мы можем получить более четкое представление о взглядах Томаса во всей их полноте, чем о взглядах Стоуна.

Ни один человек не черпал больше из своего опыта, чем Томас, и мало кто обладал столь разнообразным опытом, чтобы черпать из него. Просто и скромно описывая свою жизнь и родословную, он вкратце рассказывает о необычных возможностях для наблюдения, и, если бы он вел дневник, он был бы просто бесценен. Если он когда-нибудь опубликует свои впечатления о людях, с которыми встречался, и событиях, с которыми был связан, это будет интереснейшая и поучительная книга; ведь к необычным способностям к наблюдению он присоединяет суждения, достойные восхищения. Несколько кратких выдержек из книги могут представить читателю этого человека и некоторые его взгляды.

Его книга открывается объяснением, свидетельствующим о том, что, по его мнению, отличает негра от белого, характерными чертами, а не цветом кожи, после чего он кратко излагает свою собственную родословную и историю жизни следующим образом:

"Никто из моих предков не был в рабстве, насколько мне известно. По материнской линии я происхожу из немецкого и английского рода. Мой дед по материнской линии, сын белой наемной служанки от цветного мужчины, родился в Бедфорде, штат Пенсильвания, примерно в 1758 году. Моя бабушка по материнской линии была белой немкой, родилась в 1770 году и воспитывалась в Хейгерстауне, штат Мэриленд. Эта ветвь моих предков эмигрировала в Огайо в 1792 году и поселилась недалеко от города Мариетта, где в 1812 году родилась моя мать. С отцовской стороны мои дедушка и бабушка, которые были смешанной крови, были виргинцами по происхождению. Мой отец, родившийся в 1808 году недалеко от Мурфилда в округе Харди, переехал в Огайо, не достигнув совершеннолетия. Я родился на

ферме, в бревенчатой хижине, в четвертый день мая 1843 года, в Джексон Тауншип, округ Пикавей, штат Огайо"[266].

После воспоминаний о своей юности, о том, как его отец активно интересовался "Подземной железной дорогой", а он сам сочувствовал ей, и о своих попытках получить образование, Томас утверждает, что в начале военных действий в 1861 году он предложил свои услуги правительству, но ему было отказано в приеме в армию из-за цвета кожи. Однако в гражданском качестве он поступил в 42-й пехотный полк штата Огайо. Пехотный полк штата Огайо и...

"участвовал в кампании Биг-Сэнди с генералом Гарфилдом, а летом 1863 года - в составе войск Союза у Камберленд-Гэп, штат Теннесси".

Осенью того же года он присоединился к 95-му полку, в котором оставался до взятия Вискбурга, а затем, вернувшись в Огайо, поступил на службу в 5-е цветные войска Соединенных Штатов, был назначен сержантом и после службы в департаменте Джеймс участвовал в штурме форта Фишер в Северной Каролине и потерял руку при взятии города Уилмингтон.

Отправившись на юг преподавать, он поселился сначала в Джорджии, а затем в Ньюберри, Южная Каролина, в 1873 году и был назначен судьей. В 1876 году он был избран членом законодательного собрания, а после падения радикальных правительств Юга "отказался от адвокатской практики и отошел от активного участия в политике", чтобы посвятить свое внимание развитию образования освобожденных, в поисках которого он "посетил все южные штаты и общины"[267].

Безусловно, такой человек, как представляется, был бы прекрасно подготовлен для того, чтобы наиболее интересно и поучительно обсудить негритянский вопрос, о чем ясно свидетельствует прочтение его книги. Почему же тогда эта книга не пользуется большей популярностью на Севере, где находится большая читающая публика Соединенных Штатов?

Несмотря на развитую цивилизацию этого региона, его просвещенность и усвоение британских идеалов, с ростом материального благосостояния его жителей, там укоренилась вера в то, что деньги, если их давать достаточно либерально, могут излечить любую беду. На это более чем намекается в "Душах черного народа"[268]. Как же тогда может быть иначе, чем крайне неприятно тем, кто так осознает свою великую щедрость, читать вместо восхвалений, которыми изобилуют труды Вашингтона, следующую дерзкую критику:

"Наши северные филантропы, не имея достоверных сведений об условиях жизни вольноотпущенников, не искали и не приобрели способного понимания нужд и потребностей негритянской жизни. Попав под влияние особых мольб заинтересованных сторонников и своих собственных навязчивых убеждений, неудивительно, что до сих пор они не смогли решить эту проблему наиболее удовлетворительным образом"[269].

Правда, при рассмотрении:

"Две антагонистические силы, которые проросли примерно в один и тот же период в западном мире в Джеймстауне и Плимуте".

Томас считает, что продукт, как и семена, последнего намного лучше; но для жителей этой части нашей общей страны это уже давно стало аксиомой и не снимает обиды за признания в отношении моральных качеств своих братьев-негров, которые были широко подхвачены и процитированы антинегритянскими писателями.

Почти предвидя это, Томас заявляет:

"В наш век реализма иллюзиям не должно быть места, особенно в таком запутанном вопросе, как этот, и в вопросе, затрагивающем такие жизненно важные проблемы. Негр, прежде всего, должен приветствовать честную критику, ибо таким образом он обнаружит, что те, кто указывает на недостатки, не всегда руководствуются мстительными чувствами, и узнает, что своевременный упрек и мудрое руководство могут быть получены даже от порицания врагов"[270].

Что касается возможностей совершенствования, то Томас полагает:

"Сельский труд представляет собой основу для формирования характера, несравненно превосходящую возможности любого учреждения, находящегося в пределах его (негра) досягаемости"[271].

Хотя мнение Томаса о вреде для Юга присутствия на нем негров более весомо, оно, по всей вероятности, соответствует мнению сенатора Батлера в 1900 году и сенатора Барнуэлла в 1803 году; однако поразительно, что в Южной Каролине после эмансипации, после тридцатилетнего опыта, мы вернулись к мнению, высказанному в 1865 году, и это несмотря на то, что, как заявил один из авторитетных специалистов по этому вопросу:

"Для белого южанина очень удобно включать всех, в ком есть хоть капля негритянской крови, под общее обозначение расы"[272].

Мистер Стоун не может включить Южную Каролину в число тех, кто вносит свой вклад в то, что он называет:

"Совместное влияние белых людей Севера и Юга, а также негров и мулатов на увековечивание абсурдной и ненаучной фикции"[273].

, поскольку закон Южной Каролины, касающийся межрасовых браков, не относит к неграм всех, в ком есть хоть капля негритянской крови. И это подводит нас к рассмотрению данной фазы вопроса.

Мнение Т. Томаса Форчуна о межрасовом браке людей разных рас уже приводилось.

Мнение Дюбуа, выраженное сдержанно, звучит следующим образом:

"Среди лучших классов негров и белых такие браки случаются редко"[274].

Тем не менее он утверждает, что:

"Любое законодательство, направленное против этого, несовместимо с принципом свободы выбора в вопросе, относящемся исключительно к личности".

Двадцать лет спустя, в "Комете", он дал своей фантазии более полный простор.

Когда Томас доходит до этой точки в своем обсуждении, мы не находим ни экстравагантного выражения Форчуна, ни явно изменчивых взглядов и причуд Дюбуа. Томас заявляет:

"Нет сомнений, что разумное слияние рас способно оказывать глубокое и далеко идущее влияние на *низшие типы людей*. Дегенеративные люди всегда улучшаются благодаря

вливанию мужественной крови; но преимущества, получаемые от мудрого смешения рас, должны быть найдены в передаваемой способности, а не в цвете..... Искупление негра невозможно посредством какого-либо процесса физической амальгамации; оно возможно и гарантировано посредством тщательной ассимиляции мыслей и идеалов американской цивилизации"[275].

Как было показано, Вашингтон считал, что предрассудки, связанные с цветом кожи, достойны сожаления, и все же он годами проповедовал, чтобы негры оставались на Юге; где Томас заявляет:

"В смешении рас больше абсолютного социального равенства и личной свободы, чем когда-либо было достигнуто на Севере, где в основном уважаются общественные социальные права негра"[276].

На основании этого Томас заявляет:

"Если бы богатство, культура и характер пришли к большому количеству негров, все следы расовых предрассудков исчезли бы из нашей южной части так же эффективно, как они были стерты в Португалии и латинских странах"[277].

Если Вашингтон в то время придерживался того же мнения, что и выше, даже не выражая его, то между ним и его лейтенантом Форчуном не было никаких разногласий, и поэтому, пока мистер Стоун размышлял над проблемой мулатов, Вашингтон, не отрывая глаз от будущего вливания мужественной крови, кричал аплодирующему белому населению Юга: "Бросьте свое ведро там, где вы находитесь".

В интересах ли всех, чтобы ведро было опущено туда, где сейчас находимся мы, жители Юга?

Согласно переписи 1900 года, штат мистера Стоуна был единственным штатом из трех, Южной Каролины, Миссисипи и Луизианы, где негры составляли большинство в 1890 году, и это не показало никаких улучшений в этом отношении.

Негритянское большинство в Луизиане, составлявшее 789 человек, уступило место белому большинству в 78 808 человек; огромное негритянское большинство в Южной Каролине, составлявшее 226 926 человек, наконец-то почувствовало начало спада и составило 225 415 человек; но 197 708 человек в Миссисипи выросли до 266 430 человек, и, следовательно, в Миссисипи были самые худшие условия и самые плодотворные для расовых трений; ибо мистер Стоун заявляет:

"Основной причиной расовых трений является смутное, скорее неосоздаемое, но вполне реальное чувство "давления", которое возникает у белого человека почти инстинктивно в присутствии массы людей другой расы. В определенном важном смысле все расовые проблемы - это проблемы расового распределения..... Поэтому сегодня ни в одном штате Союза не было бы законов о раздельных автомобилях, если бы негры составляли всего 10 или 15 процентов от общей численности населения"[278].

В другой лекции мистер Стоун заявляет:

"Негры составляют практически треть населения Юга как в городе, так и в деревне. На Севере они составляют лишь одну сороковую часть городского населения и лишь незначительную, действительно ничтожную одну девяностую часть населения страны".

При этом мистер Стоун цитирует в качестве авторитета Букера Т. Вашингтона, который заявляет:

"Если бы мы переселили четыре миллиона из восьми миллионов негров с Юга на Север и Запад... возникла бы проблема, гораздо более серьезная и сложная, чем та, что существует сейчас в южных штатах"[279].

Эти два утверждения, как их обычно понимают, не согласуются друг с другом и противоречат друг другу. Если имеется в виду, что внезапное изгнание четырех миллионов человек из одного штата и переброска их в другой так быстро, как только можно, приведет к возникновению проблемы, то никто не будет настолько глуп, чтобы отрицать или пытаться отрицать, что это так. Но поскольку постепенное внедрение четырех миллионов негров на Север и Запад не может довести их массу до более чем 10 процентов от всего населения, то во многих отношениях проблема будет смягчена любой политикой, которая приведет к их внедрению в разумном процессе диффузии, хотя это, несомненно, развеет некоторые мечты, породит некоторые трения и значительные неудобства на некоторое время.

И то, что даже Букер Вашингтон начал видеть преимущества диффузии, стало очевидным по крайней мере в одном высказывании перед его смертью.

Но прежде чем рассматривать условия и мнения в 1910 году, можно получить некоторую информацию, внимательно изучив, какой нравственный прогресс произвела культура рабовладельческого Юга в той части его цветного населения, которая, будучи свободными цветными, в период рабства могла сама держать рабов.

В городе Чарльстон, штат Южная Каролина, в 1859 году список налогоплательщиков показывает, что 353 свободных цветных человека вернули для налогообложения недвижимость на сумму 679 164,00 долларов. Они также обложили налогом 290 рабов. Самой богатой из этих налогоплательщиков была Мария Уэстон, чей доход от недвижимости составил 41 575,00 долларов, рабов - 14, лошадей - 1. Это составляло одну седьмую стоимости недвижимости, которую вернул самый богатый белый налогоплательщик города, и еще два раба. Но Мария Уэстон, хотя и была самой богатой из цветных свободных людей в Чарльстоне, была не намного богаче Р. Э. Дирифа и Роберта Говарда, а среднее богатство цветного свободного человека вполне соответствовало среднему богатству белых. В Чарльстоне рассказывают, что когда преподобный Генри Уорд Бичер посетил город после войны между государствами, он пригласил себя в гости к Р. Э. Дирифу, который принял его с восхитительным гостеприимством, лично следя за тем, чтобы великий человек не испытывал недостатка в комфорте, и обращаясь с ним с совершенной вежливостью; однако он старательно и тактично избегал любых попыток своего гостя завязать близкие отношения. Великий аболиционист признался белому жителю в своем разочаровании, что не встретил ни одного члена семьи и не вызвал в груди хозяина никакого интереса к тому, кто так много сделал для эмансипации негров. Однако его доверенное лицо обратило его внимание на то, что человек, которого он освободил от значительного имущества, отнесся к нему с восхитительным и неослабевающим гостеприимством. Однако не следует думать, что все цветные свободные люди владели рабами. Из интересной семьи Холлоуэев, девяти налогоплательщиков, самый богатый вернул для налогообложения недвижимость на сумму 8 300,00 долларов, а общая сумма всех девяти составила 36 000,00 долларов, однако только один из девяти владел рабом[280].

Благодаря тому, что сохранилось от одного из членов этой семьи, мы получаем представление о том, что в какой-то степени можно считать мировоззрением этого класса. Можно признать, что идеал Дж. Х. Холлоуэя был несколько ограничен; но если это так, то

следует также признать, что его основа была одной из самых прочных, на которых может покоиться идеал. Это была социальная чистота. Отец, дед и прадед Холлоуэя были свободными людьми. По профессии он был шорником и упряжником, но тем не менее был аристократом. Он был ненавязчивым человеком, с мягким характером, верным своим убеждениям и очень добродетельным. Будучи противником вакцинации, он отказался платить назначенный небольшой штраф и отправился в тюрьму, заверив белого судью, который выразил сожаление по поводу того, что вынужден был вынести ему приговор, что не имеет никаких чувств по этому поводу, полагая, что чиновник исполняет свой долг. Ум Холлоуэя не был выдающимся, и немногим его амбиции могут показаться мелкими и пустяковыми; но они осуществлялись с такой терпеливой верой и благочестивой решимостью, что в глазах некоторых белых, живших в той же местности и добившихся чего-то в жизни, это придавало ему достоинство, дающее право на уважение. Его положение напоминало положение жреца умирающего культа, для которого вид алтарей, которые он горячо почитал, становился все более и более пустынным, по мере того как он старел, но тем больше усиливал пыл его поклонения; так и Холлоуэй до самой смерти оставался преданным учеником "Брауна" или, как его позже называли, "Братства столетия", основным имуществом которого были могильный двор и несколько книг протоколов. Жизнь Холлоуэя была живым опровержением обвинения в том, что негр не интересуется ни прошлым, ни будущим, поскольку для него оба эти периода были важны. Больше всего в его мыслях бросался в глаза их баланс.

На его визитной карточке значилось: "J. H. Holloway-Harness Repair Shop, 39 Beaufain Street" он напечатал цитату из Библии - "Пусть ваша умеренность будет известна всем людям", к которой приписал весьма практичное дополнение - "в оплате". На другой стороне открытки он перефразировал Оливера Уэнделла Холмса следующим образом:

"Знаете старика Чарльстона? Надеюсь, знаете.

Родился там? Не говорите так, я тоже там родился.

Родился в доме с черепичной крышей.

Стоит на месте, если вам нужны доказательства.

И стоит уже целый век".

Общество "Браун" или "Столетнее братство", занимавшее почти все свободное время Холлоуэя, было основано в 1790 году. В 1904 году были проведены торжественные мероприятия по случаю закладки краеугольного камня в основание нового зала, который предполагалось возвести позднее[281]. Религиозные службы проводил настоятель старейшей епископальной церкви в Чарльстоне, сам ветеран войны с Конфедерацией, который, будучи майором инженерных войск, внес большой вклад в "Оборону гавани Чарльстона", историю которой он, как автор, также сохранил под такой подписью. Была произнесена ода одним из членов общества и обращение члена совета олдерменов города, также бывшего солдата Конфедерации. Но обзор целей и стремлений Общества, сделанный Дж. Х. Холлоуэем, проливающий свет на точку зрения представителей класса, не склонного к излишнему обнародованию своих взглядов, был, пожалуй, самым важным выступлением на этом мероприятии.[282] Он сказал:

"Мое первое утверждение заключается в том, что наше общество было основано на правильных принципах, в основе которых лежат благотворительность и милосердие, а в

основе - социальная чистота. Мы были окружены разнообразными условиями, через которые нам пришлось пройти, и пережили сто четырнадцать лет с таким послужным списком, которого не может постыдиться ни одна организация, так что мы вполне можем воскликнуть: "Господу - вся хвала!" Наши сегодняшние гости представляют условия, через которые Общество прошло за это столетие. С одной стороны - доминирующая раса, с другой - отсталая. Первые внимательно следили за каждым нашим движением, чтобы обвинить нас в том, что мы являемся мешающим элементом в существующих условиях, и принимали строгие законодательные акты; общественные настроения масс были направлены на то, чтобы препятствовать всему, за что выступало наше Общество; но, к счастью, в обществе существовали классы, и поскольку наши отцы заключили с ними союз, как следствие, они имели их влияние и защиту, поэтому нужно было быть в согласии с ними и отстаивать то, за что они выступали. Если они выступали за тесную дружбу, то и наши отцы выступали за нее. Если они выступали за высокие стимулы, то так же поступали и наши отцы. Если они выступали за рабство, то и наши отцы, в определенной степени, тоже. Но они сочувствовали угнетенным, ведь им самим приходилось терпеть подобное, а товарищеские чувства делают нас удивительно добрыми, и не раз они, как частные лица, помогали рабам купить свободу, а в одном случае наши записи доказывают, что Общество одолжило одному из своих членов деньги на покупку его семьи. Наши отцы проявляли общественную активность, ведь, как свидетельствуют наши записи, с 1811 по 1814 год Общество принимало участие в обороне Чарльстона. Так в сложных условиях наше Общество просуществовало более трех десятков лет до войны шестидесятых годов, и хотя на карту было поставлено их материальное благополучие, их симпатии были на стороне, обещавшей больше свобод и больших возможностей; однако члены Общества, не как организация, а как отдельные люди, стали пожарными, защищавшими город от огня, который временами возникал в результате обстрелов города. У нас есть доказательства того, что некоторые из сыновей наших членов носили голубую форму, и по крайней мере один из них пожертвовал своей кровью ради свободы при атаке батареи Вагнера под руководством храброго полковника Шоу из 54-го Массачусетского полка, и таким образом кровь Южной Каролины и Массачусетса смешалась, как в случае с Революцией..... Изменение условий после войны ничего не изменило в нашем Обществе, они продолжали идти по проторенному пути благотворительности и милосердия; но они все еще сохраняли тесную связь, чувствуя, что наследие отцов дорого только их детям, а так как у нас родилось три поколения после организации, мы могли наслаждаться социальным равенством между собой..... В заключение я скажу, что мы не несем ответственности за свое рождение, но Бог поместил нас туда, где мы можем наилучшим образом почтить Его, и Его заповедь гласит: "Почитай отца твоего и мать твою, да продлятся дни твои". Так что мы чтим повеление нашего Небесного Отца, почитая свою родословную"[283].

Если бы Холлоуэй дожил до того времени, когда он мог бы прочитать книгу "Негр в Новом Свете", вышедшую в 1910 году из-под пера великого английского исследователя и специалиста по негритянскому характеру, сэра Гарри Джонстона, он бы узнал, что:

"Деньги решают все человеческие трудности. За них можно купить любовь, почет и уважение, власть и положение в обществе"[284].

Принял бы он это даже от такого великого авторитета? Его Общество чахло. Как можно было укрепить его структуру в 1904 году? В том году президент Рузвельт назначил инкассатором порта Чарльстона доктора У. Д. Крама, цветного врача из этого города, респектабельного политика-республиканца, о котором хорошо отзывался доктор Букер Т. Вашингтон, но

небогатого. Некоторым, кто считал это назначение не самым удачным, казалось, что инцидент без необходимости раздули до национального вопроса; но если учесть, какое значение оно имело для таких людей, как мистер Стоун, придерживавшихся философских взглядов на проблему цвета кожи, и что после вступления мистера Тафта в должность президента не было повторного назначения, а вместо этого он был назначен министром в Либерию, то может показаться, что вопрос о мудрости этого назначения возник не только на Юге. Но какие бы разногласия ни существовали по поводу назначения, было бы очень трудно найти какие-либо разумные основания для осуждения назначенца за его согласие; ведь он был бы не совсем человеком, если бы отказался от него. На протяжении всей словесной бури, бушевавшей по этому поводу, назначенец хранил полное молчание, занимаясь исключительно своими обязанностями, а в конце, когда он отбыл в Либерию, в письме к главе агентства, через которое была организована его перевозка, прозвучала лишь явная теплая привязанность к месту, о котором Холлоуэй так с любовью вспоминал, перефразируя строки Оливера Уэнделла Холмса.

Холлоуэй, очевидно, не разделял идею сэра Гарри Джонстона о том, что деньги способны решить все человеческие проблемы, ведь в Чарльстоне в то время были цветные люди с достатком. Холлоуэя привлекал характер и, в частности, самообладание. Поэтому его выбор пал на У. Д. Крама, который показал, что обладает чертами характера, весьма схожими с теми, которые, по мнению Холлоуэя, являются идеалами Общества братства века, хотя предки Крама не были свободными цветными людьми до Сепаратной войны, что было важно для Холлоуэя.

Еще об одном продукте старого Юга можно сказать несколько слов в пользу яростных предрассудков английских авторов, которые не могут поверить, что из Назарета рабовладельцев может выйти что-то хорошее.

Джеймс Х. Фордхэм, 1891 год
Свободный цветной человек - Южная
Каролина, 1860 год

Джеймс Х. Фордхэм, из числа цветных свободных людей до войны, занимал должность лейтенанта в полиции города Чарльстона с 1874 по 1896 год. Он был светлым квадруном, которого можно было принять за испанского офицера. Молчаливый до степени, он

тщательно и добросовестно выполнял свои служебные обязанности. Он почти никогда не говорил, если к нему не обращались, и, по-видимому, никогда не грубил белым людям под его командованием. Однако в самой длинной из своих речей, подкреплённой соответствующими действиями, он продемонстрировал понимание и преданность основополагающим принципам демократии, которые, если бы их оценил великий немецкий народ, могли бы избавить его от мук и наказаний, которым он подвергается сейчас за то, что подчинил мир требованиям военных амбиций.

Поводом для речи Фордхэма послужил инцидент 1891 года, произошедший в ходе одной из тех периодических схваток, в которых демократия в Соединённых Штатах постоянно восстанавливает свои силы за счёт чиновничества. По окончании жарких и напряжённых праймериз успешная фракция, противостоящая муниципальной администрации в Чарльстоне, столкнулась с трудностями при подведении итогов в одном из округов и принятии решения. Нетерпеливый и подозрительный, когда задержка перевалила за полночь, достойный, но несколько холеричный человек из фракции, объявленной успешной во всех остальных пунктах несколькими часами ранее, осудил присутствие полиции в избирательном участке, где задержка сохранялась благодаря мастерскому бездействию управляющего администрацией.

Один из дежурных полицейских, обычно столь же приветливый, сколь сильный и мужественный, подошел к гражданину и гневно оспорил обвинение, спросив:

"Какое право вы имеете выдвигать обвинения против полиции?"

Прежде чем гражданин успел ответить, лейтенант-кадрон спрыгнул с лошади, протиснулся сквозь толпу и, встав между ними, единственными цветными мужчинами в группе возбуждённых белых, твердо, но спокойно сказал полицейскому:

"Какое право он имеет выдвигать против вас обвинения? Любой гражданин имеет право в любое время выдвигать обвинения против любого полицейского, и я здесь, чтобы отстаивать это право"[\[285\]](#).

Комментировать этот инцидент бесполезно, ибо для любого, кто в этом нуждается, комментарии были бы бесполезны.

В качестве примера роста кастовых чувств можно привести случай, когда двенадцать лет спустя в том же районе полицейский-мулат, арестовавший пьяного немца за шумную ссору с женой на общественной улице, был по требованию ведущего дефисного политика города уволен из полиции.

За годы, прошедшие между этими событиями, президент-демократ, в отношении которого доктор Вашингтон утверждал, что у него нет никаких цветовых предубеждений, завершил свой второй срок, прославившись твердой позицией, занятой им в англо-венесуэльском споре, который был доведен до его сведения и доведен до решения,[\[286\]](#) против крайних и произвольных претензий Великобритании, почти забытым южанином Уильямом Л. Скаггсом из Джорджии.

И все же, несмотря на ту тучу, в которую его на некоторое время вовлекла эта абсолютно правильная позиция в защиту справедливости между народами и поддержания доктрины Монро из-за уничижительных комментариев англофилов, Кливленд вошел в историю как сильный президент и великий человек. На этом высоком посту его сменил самый мягкий и добрый человек, который когда-либо проявлял на этом посту высокие личные качества, украшавшие характер Уильяма Маккинли.

Что бы ни думали эти два человека по поводу вопроса о цвете кожи, это, несомненно, можно было узнать; но это не было провозглашено как новое Евангелие, поскольку, будучи великими по духу, они не были шумными. Они оба были великими людьми. Кливленд, демократ, был более велик в своем общественном характере и официальных достижениях, республиканец Маккинли - в личной честности и абсолютном самоотречении, которые украсили его жизнь и увенчали его конец. Кливленд противопоставил злоупотреблениям суровую силу, которая во многом способствовала укреплению общественной целостности, досадно упущенной за два срока правления Гранта. Уважение Маккинли к закону и порядку было настолько искренним, что в предсмертные минуты он вмешался, чтобы защитить своего убийцу от естественной ярости толпы, тем самым защитив анархиста от вспышки анархии, которую вызвал его гнусный поступок, и дав, в своем собственном страдающем лице, таким вмешательством, самый благородный призыв, который только может быть сделан против самосуда.

Исполнительная власть, сменившая Маккинли, была принципиально иной. Ни один президент Соединенных Штатов не сделал столько, сколько мистер Рузвельт, чтобы стереть различия между белыми и черными. То, что он оттолкнул от себя белых южан, не является чем-то неестественным; то, что он вызвал вражду цветных северян и южан, показывает, до какой степени негр поддается импульсу, а не разуму. Мистер Альфред Холт Стоун рассказал о трех инцидентах, произошедших во время первого срока правления Рузвельта. Бенджамин Брейли, цветной, рассказывает о еще более важном инциденте, произошедшем во время второго срока мистера Рузвельта. В первых трех случаях мистер Рузвельт занимал центральное место на сцене, в четвертом - негры были актерами, а мистер Рузвельт только отвечал. Мистер Стоун рассматривает первые три, в частности, следующим образом:

"Три инцидента ознаменовали ход споров, разгоревшихся в стране вскоре после вступления Рузвельта в должность президента. Это были обед Букера Вашингтона, назначение Крама и закрытие почтового отделения в Индианоле. Было четыре заинтересованные стороны - господин Рузвельт, пресса и народ Юга, пресса и народ Севера и американский негр. В каждом случае президент действовал явно в рамках своих "прав". Этот момент следует признать без споров. Эпизод с ужином сам по себе был не более чем вопросом рутины Белого дома..... В течение сорока восьми часов президента осуждали за то, что он переступил черту социального равенства, преломив хлеб с негром"[287].

По словам мистера Стоуна, отношение Юга было всеобщим неодобрением, а отношение северной прессы - защитой президента. После тщательного рассмотрения примерно пятидесяти или более страниц, на которых отношение г-на Мак-Кинли к распределению патронажа сравнивается с отношением г-на Рузвельта, мистер Стоун обсуждает отношение негров. Рассмотрев по очереди различные высказывания профессора Келли Миллера, доктора У. Э. Бургхарда Дюбуа и мистера Уильяма Пикенса, мистер Стоун спрашивает: "Каково же истинное значение их слов?" Мистер Пикенс отвечает:

"- Одна сторона советует "спокойно принять навязывание неполноценности. Это ложь, но ради мира воспринимайте ее как правду. Усердно применяйте к белому человеку титул джентльмена, и не обращайтесь к нему, если он будет упорно обращаться к вам так же, как к своей лошади и собаке. Будьте терпеливы. Это всеобщее неуважение и дискриминация перерастет в должное уважение и беспристрастность когда-нибудь за долгие геологические века, подобно тому как эгиптус превратился в скаковую лошадь, а предок бабуина - в респектабельного англосакса". Другая сторона говорит: "Я прошу ни больше, ни меньше, чем свободы общаться с любым свободным человеком, который захочет общаться со мной. Ваша дискриминация по цвету кожи, законная или нет, проклята, поскольку она проводит

искусственную и бессердечную линию, поощряет порочных людей и позволяет более сильным в грубой силе навязывать ублюдство более слабым без каких-либо средств защиты. Для меня цвет не имеет абсолютно никаких достоинств, и, как бы сильно я ни был превзойден, я не отступлю от этого принципа ни на дюйм. Как бы мало ни влияла моя позиция на дикую оппозицию, клянусь Богом ваших и моих отцов, я никогда добровольно действием или словом не признаю истиной то, что, как мне известно, является грубейшей ложью. И вы могли бы спросить все истинно доблестные сердца мира и веков, как они относятся к этим противоположным догматам"[288].

Правда, это высказывание было произнесено примерно пять лет спустя; но мистер Стоун считает, что...

"если бы не фон того ужина в среду в Белом доме, то полотно, которое впоследствии вобрало в себя и отразило столь яркие краски, дало бы нам почти безжизненную картину, такую же унылую и тусклую, как обычное послесвечение южных назначений предшественника мистера Рузвельта"[289].

К своему рассуждению мистер Стоун прилагает следующее интересное примечание:

"Суть этой работы была изложена в статье, направленной в несколько журналов в то время, когда инциденты с Крамом и Индианолой широко обсуждались по всей стране. Статья не была найдена"[290].

В том же году, когда мистер Пикенс с ораторским пылом заявлял:

"Ваша дискриминация по цвету кожи, законная или нет, все они прокляты, поскольку проводят искусственную и бессердечную линию, дают поощрительные предложения порочным людям и позволяют более сильным в грубой силе навязывать ублюдство более слабым без каких-либо средств защиты"[291].

-Три негритянские роты в армии Соединенных Штатов по-своему выразили свое неодобрение этих различий. Этот инцидент описывается мистером Бенджамином Брейли, цветным писателем-культурологом, следующим образом:

"В 1906 году произошел инцидент, затронувший негров в армии, который привлек необычайно много внимания в общественной прессе. В августе 1906 года роты В, С и D Двадцать пятого полка пехоты США были расквартированы в форте Браун, Браунсвилл, штат Техас. В ночь на 13-е число произошел бунт, в ходе которого один житель города был убит, другой ранен, а начальник полиции получил ранение. Жители города обвинили солдат в организации беспорядков, и 9 ноября президент Рузвельт уволил без почестей весь батальон, лишив его членов права в дальнейшем служить как на военной, так и на гражданской службе Соединенных Штатов"[292].

Автор утверждает, что позднее президент Рузвельт отменил гражданскую инвалидность и выставил в Сенате резолюцию о расследовании этого дела; но тот факт, что действия президента были поддержаны[293], очевидно, не имел достаточного значения, чтобы стать предметом комментариев; как и поведение солдат.

Комментарий президента в то время был в высшей степени здравым, справедливым и достойным похвалы. Он написал:

"Тот факт, что некоторые из их рядов подверглись пренебрежительному отношению со стороны жителей Браунсвилля, хотя и заслуживает критики в адрес Браунсвилля, не должен ни на минуту рассматриваться в качестве провокации для такого убийственного нападения. Все бойцы соответствующих рот, включая их ветеранов, не являющихся офицерами, мгновенно объединились, чтобы защитить преступников. Другими словами, они предприняли действия, которые нельзя терпеть ни от одного солдата, черного или белого, ни от одного полицейского, черного или белого, и которые, если бы они были приняты в армии, означали бы не только то, что польза от армии подошла к концу, но и то, что ее лучше сразу расформировать полностью"[294].

Неспособность даже культурных негров сочувствовать мнению президента была скорее их несчастьем, чем виной. Она указывала на то, что им не хватает элементарного принципа, необходимого для управления собой, а тем более для управления другими.

И дело было не столько в количестве внимания, сколько в удивительном отношении подавляющего большинства негров, способных понять, что произошло, к этому вниманию. Для подавляющего большинства негров, независимо от звания, культуры или исповедания христианства, в поведении "ветеранов-унтер-офицеров" было что-то благородное и мужественное, столь абсолютно противное практическому политику Рузвельту, высокому типу белых. Неспособность сменившего его на высшем посту в этой стране человека с мягким нравом, либеральными взглядами, но неспособного оценить пламенное рвение и быстрые действия, с которыми настоящий лидер свободного народа встречает подобное поведение вооруженных подчиненных, свидетельствует об определенной слабости этого северного белого. Такая слабость в сочетании с поведением таких публичных людей, как сенатор Форакер, во многом способствовала тому, что десять лет спустя произошел прискорбный инцидент, на который было должным образом наложено клеймо неодобрения со стороны исполнительной власти и неизбежного наказания в последней степени.

Вполне возможно и в какой-то степени вероятно, что слабые и злобные комментарии по поводу действий Рузвельта в деле Браунсвилля имели какое-то отношение к беспорядкам в Хьюстоне. Эти комментарии также оказали глубокое влияние на отношение белого южанина к цветным солдатам и полицейским.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[248] Washington, Up from Slavery, p. 239.

[249] Ibid. p. 226.

[250] Ibid. p. 227.

[251] Ibid. p. 221.

[252] Ibid. p. 223.

[253] Ibid. p. 220.

[254] Ibid. p. 228.

[255] Ibid. p. 316.

[256] Albert Bushnell Hart, The Southern South, p. 16.

- [257] DuBois, *The Souls of Black Folk*, pp. 41-58-59.
- [258] Hart, *The Southern South*, p. 15.
- [259] *Ibid.* p. 134.
- [260] *Ibid.* p. 135.
- [261] Wm. H. Thomas, *The American Negro*, p. 165.
- [262] *Ibid.* p. XI.
- [263] *Ibid.* p. 264.
- [264] Thomas, *The American Negro*, p. XXII.
- [265] Washington, *Up from Slavery*, p. 318.
- [266] *Ibid.* p. XI.
- [267] *Ibid.* p. XVIII.
- [268] DuBois, *The Souls of Black Folk*, p. 58.
- [269] Thomas, *The American Negro*, p. 268.
- [270] *Ibid.* p. 141.
- [271] *Ibid.* p. 75.
- [272] Stone, *The American Race Problem*, p. 397.
- [273] *Ibid.* p. 398.
- [274] DuBois, *The Philadelphia Negro*, pp. 366-358-359.
- [275] Thomas, *The American Negro*, pp. 408-410.
- [276] *Ibid.* p. 280.
- [277] *Ibid.* p. 281.
- [278] Stone, *The American Race Problem*, p. 217.
- [279] *Ibid.* p. 53.
- [280] W. E. & Cog. *List Tax Payers, City of Charleston 1859*, pp. 392-403.
- [281] *Press of the Southern Reporter*, p. 1.
- [282] *Ibid.* p. 5.
- [283] *Ibid.* p. 8.
- [284] Sir H. Johnston, *The Negro in the New World*, p. XI.
- [285] Jervey, *Lecture Chicago University; The Elder Brother*, p. 446.
- [286] Scruggs, *Colombian and Venezuelan Republics*, pp. 300, 301, 324, 325.
- [287] Stone, *American Race Problem*, pp. 243, 245.

[288] Ibid. pp. 328, 329.

[289] Ibid. pp. 314, 315.

[290] Ibid. p. 350.

[291] Ibid. p. 328.

[292] Brawley, Short History American Negro, p. 185.

[293] Bishop, Theodore Roosevelt, Vol. 2, p. 27.

[294] Ibid. p. 28.

ГЛАВА XII

Несмотря на описанные в предыдущей главе инциденты, которые можно было бы назвать почти единичными или относящимися к очень небольшому классу негритянского населения, чтобы ясно представить себе все, что связано с распространением негров по Соединенным Штатам и последующим растворением массы в южных штатах, и в то же время попытаться понять то, на чем так разумно настаивает мистер Альфред Стоун относительно "давления". Альфреда Стоуна о "давлении", исследователь не должен не осознавать, что в южных штатах, если негр был готов безоговорочно принять положение низшего и подсобного рабочего, ранее не существовало явного отвращения к нему, как таковому. Более того, в небольшом классе, потомках рабовладельцев, он получал и продолжает получать терпимость и не мало покровительственной привязанности, с ним обращались примерно так, как беспечный, приветливый, вспыльчивый отец может обращаться с забавным ребенком.

Пока ребенок остается ребенком, это может быть не так уж плохо для него; но вопрос в том, какого человека это из него сделает?

Что касается взглядов и практики белых северных штатов в отношении негритянского вопроса, то их можно разделить на три класса.

Первый класс, соответствующий аналогичному классу в Великобритании, может быть несправедливо охарактеризован как маленький, сентиментальный, несколько истеричный класс, не обладающий ни культурой, ни характером, ни богатством. Они питают предрассудки в отношении негра из-за его цвета кожи и прежнего подневольного состояния. В один из периодов истории Соединенных Штатов, обладая властью, совершенно не пропорциональной богатству, культуре или численности его членов, и представляя собой разрушительную силу идеи "уничтожить силу ранга, богатства и численности", он оставил свой след в истории страны в великом, почти неисчислимом благе Эмансипации; и в ужасающем ущербе, несправедливости и глупости Реконструкции.

Второй класс лучше всего описать как не имеющий цветовых предрассудков. Хотя он значительно больше первого, по численности он едва ли самый многочисленный; тем не менее, до недавнего времени его можно было с точностью назвать самым влиятельным классом в северных штатах. Правда, следует иметь в виду, что он еще не ощущал того, что наиболее основательный белый студент, изучающий расовый вопрос, назвал:

"Смутное, довольно неосоздаваемое, но вполне реальное ощущение "давления", которое возникает у белого человека в присутствии массы людей другой расы"[295].

Но, с этой оговоркой, его можно назвать спокойным, терпимым, добродушным и вполне внимательным к противоположной точке зрения; и, поскольку его обладатели в высшей степени свободны от сентиментальности, они обладают именно той степенью власти и влияния, которая сопутствует таким великим качествам.

Третий класс - первый по численности, и хотя сегодня власть и влияние, которыми обладает этот класс, не пропорциональны его численности, он медленно, но неуклонно увеличивает свое влияние. Подавляющее большинство представителей этого класса испытывают отношению к неграм сильное предубеждение. Некоторые представители этого класса не могут вынести присутствия негра рядом с собой в любом качестве; они совершенно не способны терпеливо принимать от него самые незначительные услуги. Несомненно, такие предрассудки препятствуют скрещиванию, и без них все законы, которые могут быть приняты, будут лишь сравнительно слабым препятствием.

С другой стороны, где бы ни существовали две расы, живущие бок о бок в довольно добрых чувствах, пока мужчины и женщины остаются существами с таким бесконечным разнообразием индивидуальных вкусов, желаний, сдерживающих сил, страстей и appetitов, кровосмешение в какой-то степени будет преобладать, и, таким образом, там, где низшая раса существует в наибольшем количестве, будет и наибольший результат от него; с другой стороны, когда количество низшей расы уменьшается, тенденция к кровосмешению также должна уменьшаться.

Это происходит по разным причинам. Во-первых, по той простой причине, что с уменьшением численности низшей расы уменьшаются и возможности. Во-вторых, из того очень важного факта, что чем меньше численность низшей расы, тем больше ее представители должны соприкасаться с нормами высшей расы и находиться под их влиянием, впитывая их идеалы, с последующим ростом личного достоинства и порядочности; из чего обязательно возрастет предрасположенность к отказу от предложений, провоцирующих на скрещивание, кроме как на условиях, которые не могут быть легко предоставлены.

Из этих выводов должно быть очевидно, что при широкой национальной концепции патриотизма, как противопоставленной секционализму, как бы он ни был замаскирован, естественное и медленное распространение негров по Соединенным Штатам должно привести к возвышению и улучшению состояния белого и черного населения, взятого в целом; Хотя вполне возможно, что некоторые части населения, которые были совершенно свободны от какого бы то ни было бремени низшей расы, впоследствии не смогут избежать этой доли тяжести и ответственности или полностью освободятся от нее путем проповедей тем частям, которые находятся в менее счастливом положении, или выплаты чего-то вроде щедрот.

Наконец, тем южанам, которые лелеют дикое заблуждение, что при сохранении большого числа представителей низшей расы в их среде, настроения, подкрепленные законами против межродственных браков, являются достаточной защитой от смешения, можно привести в пример Восточную Африку. Восточная Африка находится к югу от самой древней из известных нам цивилизаций и в прошлом подвергалась вторжению орды за ордой белых.

Библейскую историю о Каине и Авеле можно отчасти рассматривать как иллюстрацию двух профессий, с помощью которых человечество постепенно перешло от дикой профессии

охотника к двум высшим категориям, а именно: тем, кто приручал зверей, и тем, кто обрабатывал землю.

Современная медицина считает, что ни одно занятие так не развивает физическое совершенство человечества, как пастушеское призвание; в то время как размышления показывают, что оно должно воспитывать более сильные качества, чем охота или земледелие.

Столкните в сравнительно примитивном состоянии пастушеский народ и народ, занимающийся сельским хозяйством, и пастухи и скотоводы будут править.

Но достаточно ли их презрения к тем, кого они привели и подчинили своей власти, чтобы предотвратить смешение? Это серьезный вопрос для южного человека.

Очевидно, что в Восточной Африке, где этот контакт существовал на протяжении многих поколений, несмотря на сохранение всех расовых предрассудков, характерных для белого человека Юга, высшая раса не избежала смешения, а, напротив, неуклонно прогрессировала, пока различия в цвете кожи почти не исчезли, и даже более упрямые различия в чертах лица и структуре волос постепенно исчезают, и это смешение, похоже, сдерживает прогресс в цивилизации.

Исследователь Стэнли пишет о двух классах негров, обнаруженных в районе великих африканских озер:

"Мы обнаружили, что в этом регионе в гармонии друг с другом живут две разные и заметно отличающиеся расы, одна из которых явно индоафриканского происхождения, обладающая чрезвычайно тонкими чертами лица, аквилинными носами, стройными шеями, маленькими головами, с величественной и гордой осанкой; старая, древняя раса, обладающая великолепными традициями и управляемая непреклонными обычаями, которые не допускают никаких отклонений. Хотя у большинства из них орехово-коричневый цвет лица, а у некоторых даже насыщенный темно-коричневый, самые чистые из них напоминают по цвету старую слоновую кость, а их кожа на ощупь очень мягкая, как тончайший атлас. Они занимаются исключительно разведением крупного рогатого скота и с высокомерным презрением относятся к бавирам, которые занимаются исключительно сельским хозяйством. Ни один гордый герцог в Англии не мог бы относиться к нищему с более выраженным презрением, чем вахума относятся к бавира. Они будут жить в стране бавира, но не в их деревнях; они будут обменивать свои молочные продукты на зерно и овощи хумана, но никогда не отдадут своих дочерей замуж, кроме как за уроженца Вахума. Их сыновья могут иметь детей от женщин бавира, но это самая крайняя уступка"[296].

Все это говорит о том, что негры по-прежнему гордятся своей высшей расой; но в то же время они сократились практически до двух классов, если судить по внешнему миру. Обратите внимание на Ливингстона в Юго-Западной Африке.

Но в дополнение к причинам, по которым этот вопрос распространения негров по Соединенным Штатам должен быть принят как наилучший, есть и то соображение, что он неизбежен. То, что она идет, уже не вызывает сомнений, хотя, как заявил Роберт Й. Хейн в 1827 году, это будет "очень постепенная операция".

Крепкая хватка, которую республиканская партия сохраняла в федеральной политике в течение шестнадцати лет, вплоть до 1912 года, в некоторой степени объясняется притоком

негров с Юга на Север и Запад, где они наиболее естественно и обоснованно голосуют за республиканский билет. Более того, один из тех, чья преданность этой партии в то время вряд ли могла быть поставлена под сомнение, утверждал, что они, возможно, были привезены туда именно с этой целью.

Профессор Альберт Бушнелл Харт в своей очень интересной и поучительной книге "Южный Юг" пишет следующее:

"Были предприняты систематические усилия по расселению цветного населения в Индиане, чтобы удержать этот штат в колонне республиканцев; и сейчас там, вероятно, около ста тысяч человек, треть из которых поселилась в Индианаполисе, где они создают расовую проблему все более серьезного характера"[297].

Правда, перепись 1910 года выявила в Индиане только 60 280 негров; но небезосновательная оценка мистера Харта, вероятно, основывалась на предыдущих переписях 1880, 1890 и 1900 годов, имевшихся только в 1910 году, когда он писал, которые действительно указывали на рост этого вида населения с 15 до 27 %, тогда как перепись 1910 года показала для этого штата падение на 4,8 %. Аналогичный спад был зафиксирован в Иллионисе, где темпы роста снизились с 49 до 28,2 %, и только в Огайо из этих трех больших штатов темпы роста увеличились. Там он вырос с 11 до 15 процентов. Если двигаться на восток, то в Пенсильвании также было зафиксировано снижение с 43 до 23,6; в Нью-Джерси - с 47 до 28,5; в Нью-Йорке - с 40 до 35,2 процента. Общий прирост населения северных штатов к востоку от Миссисипи с 1900 по 1910 год составил всего 142 363 против 188 347 с 1890 по 1900 год; но к западу от Миссисипи с 1900 по 1910 год прирост составил 107 747 против 51 194 с 1890 по 1900 год; общий прирост по всей территории за пределами Юга составил около 250 000 против примерно 240 000 за предыдущее десятилетие. В то же время на Юге за десятилетие с 1900 по 1910 год прирост негров составил всего 757 901 против 1 079 054 с 1890 по 1900 год, при фактическом сокращении населения трех штатов, Мэриленда, Кентукки и Теннесси, на 33 020 человек.

Казалось бы, это свидетельствует о том, что темпы прироста населения на Юге составляли около десяти процентов, а за пределами Юга, в остальных штатах США, - около двадцати пяти процентов до 1910 года.

Но в связи с вышесказанным есть еще один факт, который имеет определенное значение, а именно: прирост всего негритянского населения Соединенных Штатов в 1900 году, составивший 8 849 789 человек, как показала перепись 1910 года, был на 351 029 человек меньше, чем прирост 7 488 788 негров в Соединенных Штатах в период с 1890 по 1900 год.

Чем вызвана такая разница?

Неестественное, но совершенно неудовлетворительное предположение руководства переписи, что расхождение вызвано ошибками других переписей, должно быть принято с вежливостью, исходящей от таких эффективных работников; но вряд ли его можно принять за чистую монету. В конце концов, переписи - наши самые надежные проводники, и нет особых причин считать одну перепись намного лучше другой.

Опять же, есть класс рассуждающих, склонных принять для себя несколько утешительный вывод о том, что негры, возможно, и переселяются на Север и Запад с Юга; но они не могут жить там и вымирать; чтобы подкрепить аргумент, они указывают на Канаду, где, как утверждается, в начале и после войны большое количество негров поселилось в Онтарио, и

точно известно, что по официальной переписи Канады 1911 года негритянское население сократилось с 17 437 в 1901 году до 16 877 в 1911-м.^[298] Однако есть и другие факты и обстоятельства, наводящие на размышления, позволяющие объяснить часть потерь.

С 1900 по 1920 год в Канаду из Соединенных Штатов переехало около 1 318 834 граждан этой страны, часть из которых были неграми, а сколько мулатов, не установлено.

Правда, до 1911 года в Канаду въехало не более 383 негров, а в 1910-1911 финансовом году - только 13;^[299] но гораздо больше негров, классифицированных как "граждане Соединенных Штатов", должны были въехать в Канаду, если судить по следующим газетным заметкам:

"Виннипег, штат Мэн. 24 февраля 1911 года. Правительство Доминиона сегодня решило остановить иммиграцию негров из Соединенных Штатов и остановило на границе партию, которая намеревалась отправиться в Западную Канаду".

Из последующих и более полных отчетов следовало, что этой партии, насчитывавшей 200 человек, в конце концов было разрешено отправиться дальше и поселиться, о чем корреспондент лондонской "Таймс" написал в эту газету из Торонто следующее:

"В парламенте и в прессе развернулась дискуссия по поводу прибытия в Западную Канаду 200 негров, которые поселятся на свободных землях в районе Атабаска-Лэндинг, к северу от Эдмонтона. Говорят, что движение грозит стать грозным, и в течение года 5000 негров могут найти дом в Стране реки Мира. Однако это, скорее всего, преувеличение, вызванное тревогой, которую вызвало вторжение. 200 негров, которые только что прибыли в страну Эммерсон в провинции Манитоба, были подвергнуты тщательному осмотру со стороны чиновников иммиграционной службы, но, согласно закону, никому из них не могло быть отказано в приеме. У всех были деньги, все были в добром здравии и, очевидно, с хорошими моральными устоями. Наименьшая сумма, которой располагал глава семьи, составляла 300 долларов, кроме того, они привезли с собой домашнее имущество и сельскохозяйственный инвентарь. Аналогичная партия из 200 человек прибыла из Оклахомы в Канаду более года назад и поселилась в окрестностях Атабаска-Лэндинг, где они, по-видимому, процветали и оказались приемлемыми для страны"^[300].

Далее корреспондент заметил, что отказ в предоставлении усадеб может вызвать "чувства в Вашингтоне" и не встретить "одобрения канадского народа". Однако, по его мнению, если это начало грозного движения из южных штатов, то, несомненно, возникнет потребность в столь жестких правилах, какие только можно придумать для предотвращения или ограничения негритянской иммиграции. Из Вашингтона пришло сообщение, что "если бы оказалось, что канадское правительство решило не пускать американских граждан из-за их цвета кожи, Государственный департамент выразил бы протест", а позже утверждалось, что благодаря обращениям к американским железным дорогам, заинтересованным в этом движении, оно было остановлено^[301].

В свете фактического сокращения очень небольшого числа негров в населении Канады, которое уменьшилось с 17 437 в 1901 году из 5 371 315 жителей до 16 877 из 7 206 643 в 1911 году, тревога и волнение по поводу этого "вторжения" совершенно непонятны. Тем не менее, есть возможное объяснение в следующем предположении. Индейцы в Канаде в 1901 году насчитывали, вместе с полукровками, 127 914 человек; предположительно, без них в 1911 году их было только 105 492. В то же время два происхождения, "различное" и "неустановленное", увеличились с 32 999 до 165 655, и совсем не исключено, что среди этих 165 655 мы можем найти много мулатов-"захватчиков", поскольку вряд ли возможно, какими

бы плодovitыми ни оказались индейские полукровки, что они могли дать более двадцати процентов от 132 656, чье происхождение не было раскрыто в 1911 году.

По оценке сэра Гарри Джонстона, численность негров и негроидов в Канаде в 1910 году составляла 30 000 человек. Вполне возможно, что оно было гораздо больше.

Так, из 4 880 009 негров в Соединенных Штатах в 1870 году не более 584 049 могли быть отнесены к мулатам; в то время как из 9 827 763 цветных в 1910 году 2 050 686 были отнесены к мулатам;[\[302\]](#) поэтому кажется, что смешение происходит довольно быстро, причем мулаты увеличиваются примерно в два раза быстрее, чем все цветное население; Но хотя доля мулатов в северном цветном населении все еще намного больше, чем в южном, прирост мулатов на Юге примерно в четыре раза больше, чем на Севере. В этих условиях было бы забавно, если бы не трагично слышать, как средний южанин, считающий, что он думает на эту тему, спокойно заявляет, что его возражения против распространения негров в Соединенных Штатах заключаются в том, что за пределами Юга они смешиваются с белыми. Конечно, нельзя утверждать, что эта колоссальная разница в увеличении численности этого класса в двух частях страны объясняется исключительно большим количеством микседенизации между белыми и цветными на Юге, чем на Севере, поскольку нет никакой возможности установить, сколько мулатов Севера за последние десять лет перебралось в Канаду как "неустановленные" или "различные" в "Происхождении"; Но с учетом всех разумных поправок, которые можно сделать, не похоже, что на Севере степень смешения больше, чем на Юге, если не меньше; в то время как Север имеет в Канаде предохранительный клапан, который практически страхует этот регион от любого серьезного ущерба от негритянской иммиграции. Как жаль, поэтому, что негритянские лидеры не догадались раньше проповедовать преимущества, которые получают представители их расы, переехав в той или иной степени с Юга на Запад.

Спустя 17 лет после своего знаменитого совета - "Бросьте свое ведро там, где вы находитесь" - Букер Т. Вашингтон бросил взгляд на Запад следующим образом:

"На Юге и Западе есть более 270 000 000 акров неиспользуемых и незанятых земель. Фактически половина земель Юга и две трети земель Запада до сих пор не используются. Настало время стать владельцами и пользователями нашей доли земли, пока не стало слишком поздно"[\[303\]](#).

Если бы Вашингтон направил половину той феноменальной энергии, которую он проявлял в течение восемнадцати лет своей известности в попытках удержать негров на Юге, на помощь им в получении своей доли земли на Западе, какого прогресса они могли бы не добиться?

Восемнадцать лет назад, до того как возникла великая мировая проблема цвета кожи, ничто не могло охладить пыл британского негрофила; но в Южной Африке британских негрофобов становится все больше, а его влияние ощущается и в Канаде. Для негра еще есть возможности, если только лидеры расы пробудятся к необходимости диффузии. Но время и прилив не ждут никого.

Как уже пытались показать, идея, небезосновательно возникшая вскоре после войны между государствами, о том, что со временем негритянское население в пяти южных штатах, считающихся Черным поясом, будет все больше и больше увеличиваться, больше не выдерживает критики.

Сразу после войны негры составляли большинство в 19 808 человек в этом поясе сопредельных штатов, которое в результате процессов и эксцессов Реконструкции выросло

до 168 965 человек, заметных через четыре года после ее свержения. Но к 1890 году это негритянское большинство сократилось до 150 661, а к 1900 году - до 92 610. В следующем десятилетии это негритянское большинство благодаря белой иммиграции и черной эмиграции было заменено белым большинством в так называемом Черном поясе (423 717 человек), которое сейчас достигло более миллиона с четвертью. Наибольший прирост белых произошел в двух штатах, расположенных в центре пояса. В штате Алабама с момента окончания войны прирост белого большинства был устойчивым и непрерывным, увеличившись с 45 874 человек в 1870 году до 320 566 в 1910 году и до 546 980 в 1920 году. Рост белого большинства в Джорджии был менее стремительным. Реконструкция сократила белое большинство с 93 884 до 81 773 человек к 1870 году, но после отмены Реконструкции оно выросло до 254 849 человек в 1910 году, а сейчас достигло 482 749 человек. Негритянское большинство Луизианы, составлявшее 2 114 человек в 1870 году, Реконструкция увеличила до 28 701 к 1880 году, но за сорок последующих лет оно превратилось в 396 354 белых, превышающих черных.

В двух других штатах прогресс был более медленным.

Южная Каролина, до самых краев набитая неграми подданными "короля Хлопка", вышла из бури войны с негритянским большинством в 126 147 человек, которое Реконструкция быстро увеличила в "Простертом штате" до 213 229 к 1880 году, что настолько превышало численность ее немногочисленного белого населения, что даже при снижении темпов роста черное большинство увеличилось к 1890 году до 226 926, снижение которого в 1900 году было едва ощутимым; но к 1910 году сократилось до 156 681, а в 1920 году еще больше уменьшилось до 45 941. И даже Миссисипи, чье негритянское большинство неуклонно росло с 31 305 в 1870 году до 266 430 в 1900 году, в 1910 году сократилось до 223 338, а в 1920 году упало до 81 222. По всей вероятности, это связано с миграцией, которую Карлайл Маккинли предсказал в 1889 году, хотя Хоффман, опубликовавший в 1896 году кропотливую работу, думая установить, что негр вымирает, поскольку "в северных штатах цветная раса не удерживает свои, так как смертность превышает рождаемость", все же пришел к выводу, что негр остается...

"на Юге как постоянный фактор, не имеющий ни возможности, ни желания уезжать"[304].

Поскольку на Севере и Западе численность негров с 1870 по 1920 год выросла с 250 000 до 1 550 000 человек, а на Юге за это же время - с 4 585 000 до 8 990 000, два вышеприведенных утверждения не вяжутся друг с другом.

Когда мы рассматриваем точку зрения, выдвинутую этим великим писателем, автором "Американского содружества", нам кажется, что ему очень трудно отделаться от впечатления, что негр должен остаться на Юге, и что лучше, чтобы он так и сделал, хотя то, что он сам говорит, казалось бы, опровергает это утверждение. В первую очередь, рассматривая данные переписи населения до 1900 года, он приходит к очевидному выводу, что:

"Таким образом, становится ясно, что центр негритянского населения находится на юге и что африканец покидает более холодные, высокие и сухие земли ради регионов, более похожих на его древние места в Старом Свете"[305].

Карлайл Маккинли, обладавший более пророческими способностями, одиннадцатью годами ранее предвидел это, а также, помимо того, что показано выше, что из этого региона негры будут уходить на север и запад.

Мистер Брайс находит:

"В этих жарких низинах негр живет примерно так же, как жил на плантациях в прежние времена, за исключением того, что он меньше работает, потому что умеренный труд дает достаточно для пропитания... Он почти не общается ни с кем, кто выше его по положению". Таким образом, есть места, особенно города, где негр улучшается в промышленном отношении, потому что ему приходится много работать и он вступает в постоянные отношения с белыми; и другие, где ему нужно работать очень мало, и где, будучи предоставленным самому себе, он находится в опасности вернуться к варварству."

Писатель конкретно заявляет:

"Контакт с белыми - главное условие прогресса негра. Там, где он изолирован или где его численность значительно превышает численность белых, его продвижение будет замедлено..... И все же на севере, где белые рабочие могут отказаться работать с ним и где у него не больше шансов, чем на юге, получить, за исключением очень исключительных случаев, какое-либо социальное признание от любого класса белых, ему зачастую не лучше, чем на севере, в то время как в городах повсюду его встречает конкуренция со стороны более старательных и более умных белых. Так что негру все-таки лучше жить на Юге и на земле, чем где-либо еще"[306].

Противопоставляя взгляды Букера Вашингтона и Дюбуа, он находит культурную группу, которая заявляет, что не стремится к социальному равенству с белыми, но, несмотря на подчеркнутый факт, что там, где он изолирован или где он значительно превосходит белых, его продвижение будет замедлено, что является условием Юга, основываясь на таком фундаменте, мистер Брайс без колебаний заявляет, что, поскольку на Севере "белые рабочие могут отказаться работать с ним... негру в конце концов лучше на Юге".

Очевидно, по мнению этого великого англичанина, риск рецидива варварства не является для негра столь серьезным делом, как подверженность холодному плечу или сердитому взгляду белого рабочего; и поэтому он отвергает негра и его будущее, пытаясь воплотить философию доктора Вашингтона в то, что на самом деле является непреклонным убеждением мистера Брайса, а именно, что:

"бесполезно сопротивляться патентованным фактам, что все, что негр может сделать в настоящее время, и самое эффективное, что он может сделать в будущем, - это повысить свой интеллект, знания, промышленность, бережливость, все, что способствует самопомощи и самоуважению".

Но даже когда этот эпитом впервые появился в печати, неспособность великого автора полностью раскрыть глубины политической философии доктора Вашингтона была продемонстрирована "Нью-Йорк Эйдж", ведущей цветной газетой Соединенных Штатов, которая после выдвижения г-на Тафта в президенты в Тафта на пост президента в 1908 году, опубликовала, как утверждалось, факсимиле телеграммы, посланной ему доктором Вашингтоном, в которой говорилось, что он ожидает увидеть его избранным и его (Вашингтона) людьми, как, несомненно, он был избран, в очень большой степени, их голосами в северных штатах.

Если тогда...

"были предприняты систематические усилия по расселению цветного населения в Индиане, чтобы удержать этот штат в колонне республиканцев"[307]-

то, несомненно, для цветного человека был найден способ сделать больше, чем думал мистер Брайс. Он может переехать из той части штата, где в массе своей его голос был разрушительным, в ту, в которой его ищут, и там отдать его за то, что он считает своим интересом.

Если в 1908 году негры двинулись на Север с целью поддержать мистера Тафта и победить мистера Брайана, они сделали то, что имели право сделать, и в условиях, которые вряд ли могли нанести большой ущерб, даже если голос был подан скорее как товар, которым распоряжаются, чем как реализация права свободного человека; ведь независимо от того, за кого подан голос, он вряд ли мог завалить оппозицию. Однако когда четыре года спустя, в 1912 году, негры, как масса делегатов с Юга, помогали друзьям мистера Тафта на партийном съезде, чтобы обеспечить ему повторное выдвижение в президенты, вопреки желанию одного, которого многие считали самым мощным очищающим фактором Республиканской партии, дурные последствия столь значительного и определяющего участия негров Юга в политике стали настолько очевидными для многих искренних людей Севера, что мнение мистера Рузвельта о том, что негры Юга должны были участвовать в политике, стало очевидным. Рузвельта о различии между осуществлением неграми своего права на Юге и за его пределами, уже не казалось таким странным.

Для крайних негрофилов, конечно, это всего лишь свидетельство удивительного прогресса того, что на Юге называют "цветным психозом". На самом деле это одна из многих постоянно появляющихся иллюстраций осознания того факта, что при слишком быстром и полном обретении власти и привилегий отсталые люди склонны оступаться; и в этой связи было бы неплохо рассмотреть мораль негров Южной Африки, спустя тринадцать лет после свержения бурской республики, под властью которой они были защищены от угнетения более диких представителей своей расы, но, тем не менее, содержались в условиях явно низкого уровня жизни.

Отчет, появившийся в 1913 году в этой стране, сам по себе является некоторым доказательством ценности предложения, сделанного автором этой работы великой нью-йоркской газете, которая в 1890 году предложила ему свои идеи.

Беспристрастное исследование цветового психоза этих двух маленьких белых республик в море негров, отрезанных в значительной степени от влияния европейских и американских идей, какими они были в 1890 году, но развивающих не только народ, который, по мнению Лондонского Ланцета, является лучшим физическим образцом в мире, но и Боту и Смэтса, несомненно, должно было иметь большое образовательное значение для Соединенных Штатов. Вот отчет через десять лет после реконструкции Южной Африки:

"Кейптаун, 9 июня 1913 г: Отчет комитета, назначенного для расследования нападений туземцев на белых женщин, показывает, что опасения по этому поводу были слишком обоснованными. Цифры за двенадцать лет (с момента свержения республик до настоящего времени) выросли с одиннадцати приговоров в 1901 году до семидесяти в 1912 году. Наибольший рост наблюдается в Трансваале, затем в Натале и далее в Капской колонии. В целом Комиссия объясняет рост главным образом снижением уважения туземцев к белым, что, в свою очередь, вызвано целым рядом причин, главным образом контактом туземцев с дегенеративными или преступными белыми. Сильной причиной преступности и дегенерации на Рэнде является незаконная торговля спиртными напитками. Комиссия также использует крайне откровенные формулировки в отношении того, что описывается как почти преступная небрежность белых женщин в обращении с местными мальчиками-домоседами. У них

принято разрешать им приносить ранний кофе в спальню хозяйки дома и ее дочерей, где у него есть возможность увидеть их в таком состоянии, в котором они не бы показаться белому мужчине. Комиссия утверждает, что случаи, хотя и немногочисленные, несомненно, имели место, когда белая хозяйка или служанки играли роль жены Потифара в доме мальчика Иосифа. Другими словами, обвинения были сфабрикованы. Главная юридическая рекомендация - наложение штрафа на сношения чернокожего мужчины с белой женщиной или белого мужчины с черной женщиной"[308].

Англичанин в 1921 году только начинает видеть некоторые добродетели в буре, который до недавнего времени разделял с южнокаролинцем звание самого очерняемого из всех людей. Как и южнокаролинец, бур считает, что между расами "знакомство порождает презрение". Оба народа очень упорно придерживаются своих взглядов. Никакие перемены не заставили белых жителей Южной Каролины изменить свое отношение к разводам. Возможно, это одна из причин, побудивших передовых мыслителей высших цивилизаций к самым яростным обобщениям против белых жителей этого небольшого штата Союза.

В 1910 году сэр Гарри Джонстон выпустил свою книгу "Негр в Новом Свете". Автор, путешественник и студент, по предложению президента Рузвельта, привнес в рассмотрение своего предмета много знаний и не мало темперамента. Цель книги - популярность. На свитке под картой Западного полушария изображены головы доктора Бургардта Дюбуа и Букера Т. Вашингтона, которые являются безмолвными свидетелями того, что Соединенные Штаты полностью цветные, за исключением верхушек Новой Англии и Флориды; но так как вся Англия, Франция и Италия цветные, то, очевидно, не предполагается никакого отражения. В своем предисловии, с забавной наивностью, он признается:

"Занимаясь рабством при англичанах, я чувствую себя обязанным показать, с какими ужасными жестокостями было связано это учреждение в большей части Британской Вест-Индии, а возможно, и в Британской Гвиане до 1834 года. Эти жестокости не прекратились полностью с отменой работорговли и рабства. Они продолжались под разными маскировками, пока не достигли кульминации в восстании на Ямайке в Моратт-Бей в 1865 году. С 1868 года история Британской Вест-Индии в том, что касается обращения с неграми и цветными людьми, была полностью удовлетворительной, принимая во внимание все трудности ситуации"[309].

Когда он доходит до той части своей книги, которая должна показать:

"Насколько плохим было обращение с неграми в юго-восточных штатах Союза в период, скажем, с 1790 по 1860 год", он говорит: "Эту историю следует написать заново, чтобы мы не забыли"[310].

Очевидно, нет необходимости принимать во внимание какие-либо "трудности положения" в юго-восточных штатах Союза. Сэр Гарри Джонстон был призван проклясть юго-восточные штаты Союза, и, будучи человеком более твердого типа, чем Валаам, он делает это основательно. Но между прочим он нетерпеливо восклицает:

"Гаити", которую я пытался показать, не так черна, как ее рисуют".

К этому он добавляет следующую богатую, темную, мазню:

"К большому стыду, она должна перестать выставлять негритянскую расу на посмешище"[311].

Автор не пропустил ни одной страницы в главе "Рабство в Соединенных Штатах", прежде чем начал разглагольствовать против Южной Каролины и Чарльстона. Он сообщает своим читателям:

"В Южной Каролине положение рабов часто было очень тяжелым, а законы о рабстве - очень жестокими".

Он пишет о восстаниях рабов в Южной Каролине в 1710, 1720 и 1740 годах и утверждает, что в 1760 году в Виргинии, Южной Каролине и Джорджии насчитывалось 400 000 рабов; но он не упоминает, что в этот период все эти люди находились под британским контролем. Он фактически жалуется на Южную Каролину, что: "это был народ, которым так восхищались Гладстон, Кингсли, Хаксли и Карлайл"[312].

Чем больше он пишет, тем больше злится на Южную Каролину:

"Избрание Авраама Линкольна стало последним эпизодом, решившим Южную Каролину - протагониста рабовладельческих держав и справедливо названную так, ибо она с первого до последнего была самым нечестивым из рабовладельческих штатов - выйти из состава Союза"[313].

Но он не может обойти стороной 1740 год:

"Именно в Южной Каролине в первой четверти XVIII века жизнь несчастного африканца стала невыносимой и короткой, и, доведенные до безумного отчаяния, негры подняли восстание в Чарльстоне в 1740 году и попытались (невелика их вина) убить безжалостных дьяволов, которые были их хозяевами"[314].

Правда об этом восстании такова. Никакого восстания в Южной Каролине в 1740 году не было; но в 1739 году, когда, как не уточнил сэр Гарри Джонстон, провинция находилась под британским контролем:

"Произошла вспышка, несомненно, спровоцированная испанцами в Сент-Огастине. Были посланы эмиссары, убеждавшие негров бежать от своих хозяев во Флориду, где их ждали свобода и защита..... В конце концов 9 сентября несколько негров собрались в Стоно и начали свое движение с того, что вскрыли магазин, убили двух молодых людей, охранявших склад, и разграбили его на предмет оружия и боеприпасов. Вооружившись таким образом, они выбрали одного из своих капитанов и с развевающимися знаменами и барабанами двинулись в сторону Флориды. По пути они вошли в дом мистера Годфри, убили его, его жену и детей, забрали все оружие, находившееся в доме, и, поджегши его, направились в Джексонборо. На своем пути они грабили и сжигали все дома, убивали белых людей и заставляли других негров присоединяться к ним..... На протяжении пятнадцати миль они опустошали все плантации на своем пути. К счастью, найдя в некоторых домах ром и свободно выпив его, они остановились и начали петь и танцевать. Во время этих ликований подоспели ополченцы и заняли позиции, чтобы предотвратить бегство, а затем, наступая и убивая некоторых, остальные негры разбежались и скрылись в лесу. Многие бежали обратно на плантации, к которым принадлежали, в надежде избежать подозрений в участии в восстании; но большая часть была схвачена и предана суду, некоторые из них, которых заставили присоединиться, были помилованы; вожаков постигла смерть. Двадцать один белый и сорок четыре негра погибли во время этого восстания"[315].

В 1740 году восстания в Чарльстоне не было.

"В северных колониях единственными заметными волнениями были восстания 1712 и 1741 годов в Нью-Йорке, причем оба были более примечательны по неистовству публики, чем по грозности угрозы..... Мятежники в количестве двадцати трех человек вооружились ружьями, тесаками, ножами и мечами и выбрали темное время суток апрельской ночи, чтобы поджечь дом и перебить горожан, которые стекались к нему. Но их ружейный огонь заставил губернатора так быстро отправить солдат с батареи, что к моменту разгрома заговорщиков было убито всего девять белых и еще несколько ранено. Шестеро из них покончили с собой, чтобы избежать поимки, но когда на следующий день были отбиты леса и обыскан город, а по делам собрался чрезвычайный суд, было капитально осуждено больше пленников, чем составляло весь заговор..... Из осужденных один был сломан на колесе, другой повешен живьем в цепях, еще девятнадцать были казнены на виселице или на костре, причем один из них был приговорен "к сожжению на медленном огне, чтобы он мог продолжать мучения в течение восьми или десяти часов и продолжать гореть, пока не умрет и не превратится в пепел"[316].

"Волнения 1741 года были паникой среди белых высокого и низкого сословия, вызванной после ограбления и серии пожаров разоблачениями Мэри Бартон, молодой белой служанки, касающимися ее хозяина Джона Хьюсона, и признаниями Маргарет Керри, молодой белой женщины, имевшей много псевдонимов, но чаще всего называвшейся Пегги, которая была обитательницей неприглядного дома Хьюсона и проституткой для негров-рабов... Хьюсон, его жена и печально известная Пегги были немедленно повешены, как и Джон Ури, который был осужден как католический священник, а также как участник заговора; двадцать девять негров были с такой же скоростью отправлены на виселицу или на кол, а восемьдесят других были депортированы..... Кряк и Куффи, например, охваченные ужасом на костре, произнесли несколько стереотипные откровения; но желание чиновников приостановить казнь, чтобы получить определенную отсрочку, было пресечено из-за страха перед беспорядками со стороны толпы возмущенных зрителей"[317].

В более научных частях этой книги автор приглашает сравнение с великой работой американца Рипли, что неизбежно умаляет доверие читателя к богатству выражения англичанина. Книга представляет собой массу информации, в которой много предрассудков. Перейдя к советам, автор сообщает читателю, что то, что он считает "вопросом исключительной важности для цивилизованного христианского негра", [318] мистер Рузвельт, очевидно, считает бессмыслицей, ибо этот великий американец сообщил ему, что он никогда...

"не заставит цветное население Соединенных Штатов одеваться иначе, чем их белые сограждане"[319].

Сэр Гарри пожелал.

"чтобы лидеры негритянского народа выступили против этих одеяний (фраков и шелковых шляп), которые хорошо смотрятся только на двух белых мужчинах из десяти, и никогда не выглядят иначе, как уродливыми и неуместными на людях с темным цветом кожи"[320].

Вряд ли стоит прилагать большие усилия, чтобы раскрыть точный смысл набившей оскомину фразы автора:

"Если имперская судьба англоязычных народов Северной Америки будет достигнута, они должны ожидать, что их флаг или флаги будут покрывать национально много народов некавказской расы, носящих ливрею цвета выгоревшего солнца"[321].

И хотя он говорит нам, что:

"Одиннадцать штатов Сецессии по сей день (1910 г.) остаются в стороне от остальной Америки в своей внутренней политике по отношению к неграм и цветным людям, в жилах которых есть хоть капля черной крови. Только здесь - за исключением, пожалуй, Трансвааля, Оранжевого штата и Наталя в Британской Южной Африке - расовый состав гражданина (а не просто грязь, пьянство или неспособность платить) исключает его или ее из муниципальных или национальных привилегий и общественных удобств, которые в иных случаях открыты для всех и оплачиваются всеми.[322] И все же, несмотря на все эти недостатки в социальном принятии цветного населения Соединенных Штатов - недостатки, которые со временем и терпением и в соответствии с достоинствами негра исчезнут, - главный факт был очевиден для меня после поездки по восточным и южным штатам Северной Америки: нигде в мире - уж точно не в Африке - негру не был предоставлен такой шанс для умственного и физического развития, как в Соединенных Штатах"[323].

Если бы сэр Гарри Джонстон или, на худой конец, его покровитель, президент Рузвельт, имели возможность изучить этого заброшенного и обнищавшего негритянского провидца, единственного из учителей своего народа, кто отдал свою кровь за его свободу, доказывая свою веру делами, а не просто пустословием, отречение от которого со стороны негров и их лидеров является самым суровым обвинением, которое только можно предъявить расе, они могли бы быть мудрее. Но с незапамятных времен к пророку всегда обращались с призывом: "Пророчествуй нам гладкое", а У. Ганнибал Томас, сражавшийся в рядах армии Союза и живший в разгар Реконструкции, знал слишком много, несмотря на его превознесение цивилизации Новой Англии и критику попытки Юга в 1865 году вновь сформировать свою собственную, отличную от рабства, цивилизацию, чтобы быть принятым теми, кто участвовал в Реконструкции или был ответственен за нее.

ССЫЛКИ:

[295] Stone, The American Race Problem.

[296] Stanley, In Darkest Africa, Vol. I, p. 384.

[297] Hart, The Southern South, p. 113.

[298] Bulletin XII Fifth Canadian Census, p. 12.

[299] Oliver, Immigration Facts and Figures, p. 9.

[300] London Times, April 3, 1911.

[301] Ibid.

[302] Bureau Census U. S. 1910 Bul. 129 p. 15.

[303] News and Courier, August 22, 1913.

[304] Hoffman, Race Traits and Tendencies, p. 3.

- [305] Bryce, American Commonwealth Vol. II, Rev. Ed. p. 513.
- [306] Bryce, American Commonwealth, Vol. II, pp. 515-537-552.
- [307] Hart, Southern South, p. 113.
- [308] London Times, June 27, 1913.
- [309] Johnston, The Negro in the New World, p. VIII.
- [310] Ibid. p. IX.
- [311] Ibid. p. X.
- [312] Ibid. p. 380.
- [313] Ibid. p. 363.
- [314] Ibid. p. 368.
- [315] McCrady, S. C. Under Royal Govt. p. 185.
- [316] Phillips, American Negro Slavery, p. 469.
- [317] Ibid. p. 470.
- [318] Johnston, The Negro in the New World, p. 413.
- [319] Ibid. p. 415.
- [320] Ibid. p. 413.
- [321] Ibid. p. X.
- [322] Ibid. p. 476.
- [323] Ibid. p. 477.

ГЛАВА XIII

Американская историческая ассоциация, основанная в 1889 году, проделала большую работу по очистке источников, из которых черпалась история. Она стимулировала изучение истории и предоставила поле и возможность для работы. Согласно Акту об учреждении, она ежегодно отчитывается о своей работе и состоянии исторических исследований в Америке перед секретарем Смитсоновского института, который передает Конгрессу все эти отчеты или ту их часть, которую сочтет нужной.

В 1909 году президент Ассоциации предложил некоторым избранным лицам представить на одном из заседаний Ассоциации статьи по негритянскому вопросу объемом не более 1800 слов. Это было ограничение, которое должен был неукоснительно соблюдать каждый белый, и никто не должен был соглашаться, если не хотел серьезно напрячься. Однако тенденция некоторых белых позволять себе немного игривости при обсуждении этой темы кажется неистребимой. Одному цветному ученому, принявшему приглашение, случай предоставил возможность, которую нельзя было упустить, и он с восхитительной наглостью выбрал самое

мрачное десятилетие в рассмотрении этой темы, раскрытое в истории Соединенных Штатов, и посвятил себя обсуждению темы "Реконструкция и ее преимущества" в статье объемом около 10 000 слов.

В пренебрежении, которое он тем самым проявил к условиям приглашения, он был оправдан своим цветом кожи, а его ум и достоинства его работы обеспечили ему широчайшее распространение его взглядов. Как и более сложная книга сэра Гарри Джонстона, она полемична, но превосходит ее по вкусу и стилю, будучи свободной от мелких язвительных огрызков, которыми англичанин украсил свой трактат; ведь если в изложении Дюбуа и были насмешки, то они были высказаны языком, который не вызывает сомнений у воспитанных людей; а тот факт, что в действительности он был адвокатом, которому нужно было вести дело, давал ему на это право.

Это открытие вряд ли могло быть улучшено каким-либо специальным адвокатом.

В 1909 году он заявляет:

"Сегодня существует опасность, что между сильными чувствами Юга и примирительным духом Севера будет допущена серьезная несправедливость по отношению к неграм-американцам в истории Реконструкции. Те, кто видит в избирательном праве негров причину главных зол Реконструкции, должны помнить, что если бы на Юге после войны не осталось ни одного вольноотпущенника, проблемы Реконструкции все равно были бы серьезными. Собственность на рабов в размере, возможно, двух тысяч миллионов долларов внезапно исчезла. Еще тысяча пятьсот миллионов, составлявших военный долг Конфедерации, в значительной степени исчезли. Большое количество недвижимости и другого имущества было уничтожено, промышленность была дезорганизована, 250 000 человек были убиты и еще больше покалечены. К этому добавился моральный эффект неудачной войны со всем ее снижением социальных стандартов и усилением ненависти и уныния - ситуация, которая при любых обстоятельствах затруднила бы воссоздание нового правительства и новой цивилизации. Добавьте ко всему этому наличие четырех миллионов вольноотпущенников, и ситуация еще больше осложнится"[324].

То, что обучение и обращение с этими бывшими рабами стало центральной проблемой Реконструкции, он признает; но при этом утверждает, что решение этой проблемы взяли на себя три организации - негритянская церковь, негритянская школа и Бюро вольноотпущенников, без которых, по его мнению, она была бы гораздо серьезнее. Но он совершенно не принимает во внимание тот продукт южной цивилизации добеллумного периода, который в то время находился на Юге, - 132 819[325] свободных цветных людей, многие из которых были морально и умственно вполне пригодны для того, что Черные кодексы должны были им дать, - избирательного права. Этот элемент населения Юга вместе с большинством рабов Хауса, вероятно, составил бы основу примерно в десять процентов от общего числа негров, на которой можно было бы воспитать новую цивилизацию, если бы Югу было позволено проверить свой план. Заявив, что экономическое состояние одиннадцати штатов к концу войны было "плачевным, а их страх перед негритянской свободой - подлинным", доктор Дюбуа утверждает, что "все же разумно было ожидать от них чего-то меньшего, чем подавление и полная реакция на рабство".

Признавая, что:

"В какой-то степени эти ожидания оправдались: отмена рабства была признана, и негры в целом были предоставлены гражданские права владеть собственностью и выступать в качестве свидетеля в делах, в которых он являлся стороной"[326].

Он тут же противоречит своему собственному признанию, утверждая:

"Кодексы говорили сами за себя. Они часто перепечатывались и цитировались. Ни один непредубежденный студент не сможет прочесть их, не убедившись, что они означают не больше и не меньше, чем рабство в ежедневном труде"[327].

Правда ли это? Может ли любой студент быть абсолютно непредубежденным? Провидец - это приемник и открыватель истин. Такое существо может подойти к рассмотрению предмета с открытым сердцем. Можно представить себе Сократа, который так подходил к предмету; но каким процессом, каким ментальным катарсисом человек, который учится, избавляет свой разум от всех предвзятых представлений о предмете каждый раз, когда он рассматривает теорию, касающуюся того, что заинтересовало его настолько, что заставило стремиться узнать о нем больше?

Нет, подавляющая масса из нас подходит к этим предметам, когда искренне желает узнать истину в духе того человека, который воскликнул Христу: "Господи, я верую, помоги моему неверию". Когда разбитый, избитый Юг пытался разработать кодексы, которые ни один негр никогда не мог рассматривать в судебном порядке, оставшиеся в живых не могли подойти к тому состоянию, в котором они находились, с открытым сердцем. Величайший ум, когда-либо рассматривавший наш великий эксперимент в управлении, французский студент де Токвиль и тот сильный, но более мелкий ум, который в течение стольких лет своими резолюциями затмевал все остальные на Юге, объединились в сентенции. Аболиция означает африканизацию Юга. Но белые Юга в значительной степени были британцами и североирландцами. Они были исключительно консервативны. В поражении больше, чем в победе, как показала история британцев.

Чтобы получить дополнительные силы для противостояния потоку невежества и некомпетентности, вырвавшемуся на свободу или готовому вырваться, они приняли руководство бедного белого Эндрю Джонсона, несмотря на отвращение, которое они испытывали к нему, столь же острое и живое, как любой англичанин когда-либо испытывал к Джо Чемберлену, Ллойд Джорджу или Рамзи Макдональду. Они сделали больше. Насколько позволяло законодательство, они распространили социальное равенство на наименее смуглых представителей темной расы, которой они были окружены. Политический принцип, на котором они пытались приспособиться к изменившимся условиям, основывался, очевидно, на мысли, что если все белые Юга и та часть цветного населения, составляющая примерно одну десятую часть, разумно наиболее возвышенную в умах теоретиков, из-за того, что они ближе всего к белым по физическому строению, объединятся, то такой союз должен усилить правителей, даже если он ослабит управляемых. Поэтому доктор Дюбуа совершенно неправ, когда с некоторым великодушием намекает, что Черные кодексы были приняты под влиянием поспешного возбуждения, заявляя:

"Конечно, это было не то время, когда можно было ожидать спокойных, холодных, продуманных действий со стороны белого Юга"[328].

Нет, каков бы ни был в итоге характер Черных кодексов избитого Юга, на их лицах лежит отпечаток спокойных, невозмутимых, продуманных действий. Даже самое беглое их

рассмотрение покажет, что они были составлены скорее для безответственных вольноотпущенников, чем для вольноотпущенников в целом; например, если вольноотпущенник владел фермой или имел разрешение, ему не запрещалось владение оружием, пистолетом или мечом, в противном случае запрещалось. С другой стороны, запрет на право продажи или обмена домашней продукции распространялся не на негров вообще, а на слугу, работающего по контракту с хозяином, занимающимся хозяйством, да и то не всегда, если слуга имел письменное свидетельство от такого хозяина, или от уполномоченного им лица, или от окружного судьи, который под присягой требовал от него выполнять то, что предписывалось законом, "без ущерба для цвета кожи или против него"[329] Кроме того, слуге предоставлялось право

"Уйти со службы у хозяина за недостаточное снабжение полноценной пищей; за несанкционированное нанесение побоев его собственной персоне или кому-либо из его семьи, не совершенное для защиты персоны, семьи, гостей или агентов хозяина, а также для предотвращения преступления или проступка с отягчающими обстоятельствами"[330].

Закон пошел дальше. Он предоставлял слуге право на уход, а также право на взыскание заработной платы, причитающейся за службу, оказанную до момента его ухода, за любое...

"посягательство на супружеские права слуги или невыплата им (работодателем) причитающегося жалованья"[331].

И даже смерть хозяина не прекращала договор без согласия слуги, за исполнение которого слуга имел право залога, не уступающее ренте. А при несправедливом увольнении слуга имел право взыскать заработную плату за весь период службы, согласно договору[332].

Нельзя отрицать, что хозяину было предоставлено право применять телесные наказания к слуге при определенных условиях; но фраза закона Южной Каролины звучит следующим образом:

"Хозяин может умеренно исправлять слуг, заключивших договор и не достигших восемнадцати лет" -[333] но он также предписывал:

"Его обязанностью также является защита своего слуги от насилия со стороны других лиц в его присутствии"[334].

При этом в нем особо оговаривалось, что:

"Телесные наказания включают в себя только такие виды наказаний, не затрагивающие жизнь или конечности, которые используются в армии или флоте Соединенных Штатов, приспособленные по виду и степени к характеру правонарушения"[335].

Наконец, чтобы не затягивать дискуссию, отметим, что раб не нес гражданской или уголовной ответственности за действия, совершенные по приказу хозяина, за любое правонарушение на территории хозяина[336] и что бывшему рабовладельцу не разрешалось лишать неплатежеспособного бывшего раба [337] и какие подробные положения были приняты для ухода за таким бывшим рабом в его беспомощном состоянии, мы обнаружим, что тщетно ищем в Англии, старой или новой, подобные гуманитарные законы в настоящее время. Почему же тогда были отменены кодексы? Доктор Дюбуа предвзят, и это естественно. Он не так хорошо информирован, как считает себя; но он хочет быть честным и справедливым; и вот мы имеем от этого, самого культурного представителя цветной расы в Соединенных Штатах, настоящую причину "Реконструкции и ее преимуществ".

"Трудности, с которыми столкнулись политики Реконструкции, заключались в следующем: (а) Они должны были действовать быстро. (б) Эмансипация увеличила политическую власть Юга на одну шестую часть; можно ли передать эту возросшую политическую власть в руки тех, кто, защищая рабство, разрушил Союз?"[338]

Итак, потрясающих потерь, которые он сам подсчитывает, было недостаточно. Побитый Юг должен был быть закован в манатки. А как он представляет себе победителей в тот страшный час?

"Возможно, воровства на Юге во время Реконструкции было бы меньше, если бы не избирательное право негров, но, конечно, весьма поучительно помнить, что клеймо вора, которое протащило свою слизь почти через каждый большой северный штат и почти до президентского кресла, в тех случаях не могло, конечно, быть поставлено в вину голосам черных мужчин. Это был день, когда национальный военный министр был пойман на воровстве, вице-президент, предположительно, брал взятки, личный секретарь президента, главный клерк казначейства и восемьдесят шесть правительственных чиновников украли миллионы в махинациях с виски, а Credit Mobilier присвоил себе пятьдесят миллионов и подкупил правительство в нераскрытом объеме; не говоря уже о менее известных ворах вроде Твида"[339].

Помните, что это не южанин, черный или белый, а самый культурный из северных цветных, который так описывает завоевательный Восток, откуда он родом.

Вряд ли можно на меньшей площади дать более полное описание последствий Реконструкции Конгресса, чем то, в котором доктор Дюбуа описывает их:

"Когда некомпетентность получает политическую власть в экстравагантную эпоху, результатом становится повсеместная нечестность"[340].

Но он смягчает это следующим образом:

"Нечестности в ходе Реконструкции Юга способствовали три обстоятельства:

1. Прежняя нечестность политического Юга.
2. Присутствие многих нечестных политиков Севера.
3. Соблазн для политиков Юга сразу же извлечь выгоду из нечестности и дискредитировать негритянское правительство.
4. Бедность негров"[341].

Ему не удастся представить никаких официальных доказательств первого; но три последних должны быть приняты как в какой-то степени оправдывающие негров.

Есть что-то почти патетическое в описании д-ром Дюбуа вклада негров в Реконструкцию:

"Несомненно, было много нелепых вещей, связанных с правительствами Реконструкции: Размещение невежественных полевых рабочих, которые не умели ни читать, ни писать, в законодательном органе, золотые спитоны Южной Каролины, огромные типографские счета Миссисипи - все это было экстравагантным и смешным, и все же для того, кто видит под всем этим причудливым реальную человеческую трагедию стремления вверх обездоленных людей, поиск света среди людей, рожденных во тьме, существует меньшая склонность к

смеху и издевательствам, чем среди более мелких умов и легкой совести. Все, что смешно, не так уж плохо"[342].

И за этим следует то, что он подразумевает как обвинение:

"- Самое большое клеймо на белом Юге не в том, что он выступал против избирательного права негров и возмущался воровством и некомпетентностью, а в том, что когда он увидел, что движение за реформы растет и даже в некоторых случаях торжествует, а все большее и большее число черных избирателей учится голосовать за честность и способности, он все равно предпочел царствование террора кампании просвещения и лишил негров избирательных прав вместо того, чтобы наказать негодяев"[343].

Если вспомнить, что генералы Конфедерации Уэйд Хэмптон, Кершоу и Макгоуэн, как уже было показано, поддержали восстание Делани, Кейна и Уильяма Ганнибала Томаса против Чемберлена и Р.Б. Эллиотта в 1874 году в Южной Каролине, и что сегодня в колонках "Кризиса" Эллиотт превозносится как великий представитель цветной расы; в то время как ни разу не упоминаются те два северных негра, которые наиболее ярко противостояли злу Реконструкции, Мартин Делани и Уильям Ганнибал Томас, мы можем оправдать доктора Дюбуа в неискренности только на основании глубокой неосторожности и неизменных предрассудков.

Подведение итогов этой очень интересной защиты Реконструкции и мольбы за негров как законодателей - бесспорно, умелое изложение:

"Конституции Реконструкции практически без изменений были сохранены в:

Флорида, 1868-1885 17 лет

Виргиния, 1870-1902 32 года

Южная Каролина, 1868-1895 27 лет

Миссисипи, 1868-1890 22 года

Даже в случае с такими штатами, как Алабама, Джорджия, Северная Каролина и Луизиана, которые приняли новые конституции в знак свержения негритянского правления, новые конституции ближе к образцу документа Реконструкции, чем к предыдущим конституциям. Они отличаются от негритянской конституции в незначительных деталях, но очень мало в общей концепции. Кроме того, сегодня в законодательных книгах Юга один за другим появляются законы, принятые в период с 1868 по 1876 год и признанные эффективными и достойными сохранения. Какими бы черными ни были правительства ковровых мешков и негритянского правления, факт остается фактом: суть революции, которую произвело свержение негритянских правительств, заключалась в том, чтобы отстранить от власти этих черных людей и их друзей. За исключением сокращения расходов и прекращения экстравагантности, их преемники не только не внесли особых изменений в работу, проделанную этими легислатурами и конвентами, но в значительной степени осуществили их планы, последовали их предложениям и укрепили их институты. Практически весь новый рост Юга был достигнут благодаря законам, которые чернокожие помогли разработать тридцать лет назад. Я не знаю большего комплимента негритянскому избирательному праву"[344].

Было бы глупо отрицать, что эти конституции Реконструкции были не просто эффективными.

Уильям Ганнибал Томас, которого вполне можно назвать начальником тыла, когда пало негритянское правительство в Южной Каролине, и который критиковал Черные кодексы даже более жестко, чем доктор Дюбуа, заявляет:

"Конституции реконструированных штатов были составлены белыми людьми под руководством и с одобрения лучших представителей юридической мысли Америки"[345].

Они были составлены, чтобы завершить завоевание низвергнутых штатов, доктор Додд говорит об этом следующим образом:

"Дело плантаторов потерпело непоправимое поражение. В течение сорока лет они боролись со своими северными соперниками и, поставив все на кон в битве, проиграли. Всего за четыре года до этого они с непревзойденным рвением и энтузиазмом взялись за гигантскую задачу завоевания своей независимости. До этого времени они величайшую борьбу в истории. Они потеряли цветок своей мужественности и несметные богатства. Теперь они раз и навсегда восстановили свою верность Союзу, который до этого времени был экспериментом, правительством с неопределенными полномочиями. Более трехсот тысяч жизней и не менее четырех миллиардов долларов были принесены в жертву в борьбе за Юг. Культура плантаторов, полуфеодализм "старого Юга" были уничтожены, а промышленная и финансовая система Востока восторжествовала. Север понес убытки в виде шестисот тысяч жизней и расходов для правительств, государственного и национального, на сумму не менее пяти миллиардов долларов. Но Восток был хозяйкой Соединенных Штатов, и социальные и экономические идеалы этой части должны были навсегда запечатлеться в стране"[346].

Война закончилась полным завоеванием Юга и сентиментальным контролем над энергичным Западом, расширенным Востоком, который эксплуатировал разбитый Юг; через уничтожение кодексов и введение Реконструкции Конгресса белые Юга были сварены в новую массу, более грубую и жесткую и неестественно враждебную неграм, которых заставили править ими, пока революционными методами они не свергли их. То, что и они, и негры, и западные белые были подчинены контролю Востока настолько основательно, насколько это могли сделать экономические законы, десятилетиями не осознавалось ни на Юге, ни на Западе.

Если бы на Линкольна не было совершено покушение и если бы он остался верен своим западным идеалам, он был бы сломан на колесе капитализма так же безжалостно, как его великий преемник на Юге, поразивший Германию в час ее триумфа. Но Линкольн избежал этого испытания и умер, так и не осознав всей меры своего служения Союзу и белым, населявшим его; ведь для него негры были ничтожной величиной, несмотря на все фразы, которыми он их оперировал, в своей цели - сохранить Союз. И действительно, только после того, как фонтаны великой глубины прорвались во время мировой войны, неизбежные последствия эмансипации стали довлеть над общественным мнением, и в этой связи небольшой эпизод из упомянутого выше заседания Американской исторической ассоциации в 1909 году бросает некоторый свет на состояние умов на Востоке в тот период.

На том же заседании, где доктор Дюбуа читал свою смелую, продуманную и интересную защиту Реконструкции Конгресса, автор данного исследования представил, по просьбе, статью по негритянскому вопросу, в соответствии с ограничениями, которая, хотя и была принята и отредактирована для публикации Советом, не была разрешена к публикации в Отчете Исторической Ассоциации, мистер Чарльз Д. Уолкотт, имея право исключить ее из таковых, воспользовался этим правом. То, что статья из 1750 слов была в какой-то степени

критична по отношению к Востоку, отрицать не приходится; но если восточные ученые поднялись над своими предрассудками, когда им была представлена истина, почему этого не может сделать официальный представитель? Суть маленькой статьи, когда она была напечатана, не выглядит очень подстрекательской.

"Как сказал один выдающийся писатель Севера: "Север каждый день на собственном опыте убеждается в том, что между расами существуют огромные различия в политических способностях". Конечно, ничто не давало Северу такой возможности день за днем приобретать этот ценный опыт, как распространение негров по всему Союзу. Между тем, по мере уменьшения массы на Юге, негры не будут составлять в той степени, в какой они составляют сейчас, преступный класс; их хорошие качества должны стать более заметными, а плохие - вызывать меньше того напряженного или презрительного отношения, которое в сознании многих южан сделало негра и преступника почти синонимами. Война сделала негритянский вопрос национальным вопросом, и уже слишком поздно говорить: "Человеку Юга следует доверять, что он сможет решить эту задачу (эволюция негритянской расы к более высоким условиям) в свое время" и что "на него возложено это бремя, и он должен его нести". Это секционная позиция, справедливая ни для негра, ни для белого человека Юга. Со временем и при значительном сокращении численности негров белый человек Юга может изменить мнение, которого наследственность идей почти заставляет его придерживаться, а именно, что негр по сути своей подневолен; но таково его настроение сегодня; и хотя, следовательно, он может быть лучше всего приспособлен для управления им как таковым, он не создан для того, чтобы помогать ему в эволюции к более высокому состоянию. По мере своего распространения негры должны все больше и больше соприкасаться со всеми уровнями нашей цивилизации и извлекать из них уроки, наиболее подходящие для их собственного развития. Поэтому настроения, которые отказывают им в этом; которые стремятся ограничить массы Югом, решая за них, что это их естественный дом, и мало сочувствуя им за его пределами, являются, по моему мнению, величайшим препятствием для их продвижения и, в некоторой степени, причиной моральной деградации высшей расы"[347].

Но пока доктор Дюбуа и автор этого исследования в ответ на приглашение доктора Харта перед историками Соединенных Штатов обсуждали, каждый по-своему, тему, которую они считали важной, интересно рассмотреть, что в то же самое время занимало мысли самого мудрого и пренебрегаемого негра в Соединенных Штатах. Примерно в тот же день Уильям Ганнибал Томас написал автору этого исследования:

"Я давно мечтал о том, чтобы все железные дороги находились под единым управлением. Поэтому, имея влияние и сотрудничество с другими людьми, я бы добился от Конгресса Соединенных Штатов хартии о создании Национальной железнодорожной компании с капиталом в пятнадцать миллиардов долларов и правом выпускать облигации на такую же сумму. Будет создано пять крупных подразделений. Все территории к югу от реки Потомак и к востоку от Миссисипи составят Южное отделение. Новая Англия - Восточное подразделение. Нью-Йорк и штаты к северу и востоку от Миссисипи составят центральную часть. К западу от этой великой реки будут находиться северная и южная части Тихого океана. Такова вкратце схема, которую я имею в виду, и как экономический фактор национального подъема я знаю только одну вещь, которая могла бы превзойти ее"[348].

О масштабах мечты этого негра осенью 1909 года можно судить по следующей новости от 17 апреля 1923 года, которая, очевидно, была лишь еще одной мечтой:

"Законодательство, направленное на реализацию планов по консолидации и региональному контролю железнодорожных систем страны, разрабатываемых Комиссией по торговле между штатами, будет принято в следующем Конгрессе, заявил сегодня председатель Комитета по торговле между штатами Сената Камминс после обсуждения железнодорожной проблемы с президентом Хардингом - "Я думаю, что консолидация железнодорожной системы, как это предусмотрено в законе о транспорте, является единственным средством достижения эффективности, которая требуется стране от железных дорог, - сказал сенатор Камминс. Более того, мне кажется, что это единственный метод снижения фрахтовых ставок на товары, на которые ставки должны быть снижены"[349].

Какие бы разногласия ни существовали среди железнодорожных экспертов относительно достоинств законодательства, касающегося железных дорог, которое сенатор от Айовы сделал синонимом своего имени, мало кто сомневается в его знаниях. И все же, похоже, он всего на четырнадцать лет отстает от забытого негра из Огайо, чьи возможности были ограничены двумя сессиями законодательного собрания Южной Каролины в дни Реконструкции. Есть ли что-нибудь, что когда-либо было решено в отношении железных дорог, лучше рассчитанное на службу широкой публике, чем то, что было представлено Томасом, когда он противостоял самому блестящему из "ковровых мешочников", Дэниелу Х. Чемберлену, в 1874 году?

"VIII. Мы считаем, что все франшизы, предоставляемые государством, должны быть подчинены общественному благу; что плата за проезд и фрахт должна быть справедливой и единообразной, и не должно быть несправедливой дискриминации между сквозными и местными перевозками"[350].

Оба съезда должны были подписаться под этим; но если это отражало взгляды Дэниела Х. Чемберлена, то реформаторы под руководством Томаса и других должны быть признаны за определенное влияние на его отход от прежних взглядов на железные дороги, когда он был законным опекуном штата.

Посмотрите на него, только что приехавшего с Востока.

"Офис генерального прокурора,
Колумбия, штат Северная Каролина, 5 января 1870 года.

Мой дорогой Кимптон: Вчера вечером приехал Паркер и говорил о деле Г. и К. и т. д. Я сказал ему, что только что написал вам полное письмо по этому вопросу, а также о старых векселях Бк. Вы полностью понимаете план предприятия G. & C.? Предлагается купить акции G. & C. на 350 000 долларов. Это вместе с 433 000 долларов акций, принадлежащих штату, обеспечит нам полный контроль. Филиал Laurens будет продан в феврале по решению суда и будет стоить не более 50 000 долларов, а возможно, и не более 40 000 долларов. Спартанбургский и Юнионский филиалы также могут быть получены без труда. Тогда у нас будет 168 миль в G. & C., 31 миля в Laurens и 70 миль в S. & U. - всего 269 миль - оборудованных и работающих - с первой закладной в 20 000 долларов за милю - с продажей облигаций по 85 или 90 долларов, и остаток, после оплаты всех расходов на стоимость и ремонт, будет огромным, более 2 000 000 долларов. В этом есть монетный двор, или я дурак. Тогда мы скоро заставим S. C. R. R. попасть в наши руки и завершим соединение с Эшвиллом, штат Северная Каролина. Перед нами безграничная грань расширения власти. Пишите мне полностью и сообщайте обо всем, что вы хотите сделать. Мое последнее письмо было очень полным. Харрисон будет немедленно принят. Не думаю, что Нигл создаст какие-либо проблемы. Паркер ненавидит Нигла и превозносит его намерения.

Искренне Ваш,
D. H. Chamberlain"[351].

Каким ужасным обвинением негритянской интеллигенции является их полное пренебрежение Уильямом Ганнибалом Томасом, великим негром, который мог думать о чем-то большем, чем он сам и его раса, который хотел служить человечеству в целом.

ССЫЛКИ:

[324] DuBois, Reconstruction and Its Benefits Am. Hist. Rev. Vol. IV, p. 781.

[325] Compendium Ninth Census U. S. p. 14.

[326] DuBois, Reconstruction and Its Benefits Am. Hist. Rev. Vol. IV, p. 784.

[327] Ibid.

[328] Ibid.

[329] Statutes S. C. Vol. XIII, p. 279.

[330] Ibid. p. 298.

[331] Ibid.

[332] Там же.

[333] Ibid. p. 296.

[334] Ibid. p. 297.

[335] Ibid. p. 277.

[336] Ibid. p. 299.

[337] Ibid.

[338] DuBois, Reconstruction and Its Benefits Am. Hist. Rev. Vol. XIV. p. 782.

[339] Ibid. p. 790.

[340] Ibid.

[341] Ibid.

[342] Ibid. p. 791.

[343] Ibid. p. 793.

[344] Ibid. p. 799.

[345] Thomas, The American Negro, p. 307.

[346] Dodd, Expansion and Conflict p. 328.

[347] Paper, American Hist. Asso. 1909.

[348] Thomas, Letter to author, November 20, 1909.

[349] Charleston Evening Post, April 17, 1923.

[350] News and Courier, 5 октября 1874 г.

[351] Allen, Gov. Chamberlain's Administration, p. 143.

ГЛАВА XIV

С наступлением 1914 года мир вступил в новую эпоху мысли, ибо влияние на цивилизацию того великого потрясения, которое охватило мир в 1914 году, ощущалось далеко за пределами арен, на которых велась мировая война. Конфликт был слишком гигантского масштаба, чтобы его можно было осознать в процессе ведения. Он в высшей степени подверг цивилизацию испытанию. Непрочные узы, которые по здравому смыслу должны были распасться под огромным напряжением, которому они подвергались, еще крепче сжимались под ударами, которым они подвергались. Та часть человечества, которая меньше всего должна была отдать, отдала с полнотой, превосходящей человеческое воображение. Ничто во все времена не могло сравниться с добровольческим движением мужчин Британии и ее владений. Призыв в армию мог бы создать более эффективную армию и меньше ослабить государство; но великий солдат и великий человек, который в основном создавал армии Британии к восхищению врагов своей страны, знал, что в тот великий час ничто не могло сравниться с моральным эффектом этого замечательного добровольческого движения. Демократия подверглась испытанию и оказалась абсолютно верной.

До того, как Соединенные Штаты бросили на чашу весов свою огромную силу, произошло столько событий, что из памяти людей ушло бесчисленное множество фактов. Никогда еще в истории мира не было так тщательно продемонстрировано, что "Порядок - это не первый закон небес". Демократия непоколебимо шла на жертву. Автократия сломалась под нагрузкой, и в назначенное им время, несмотря на все, что предлагал человек, Бог распорядился событиями так, как никто не мог и мечтать. Но прежде чем вмешалась великая Республика Запада, Соединенные Штаты были затронуты многими способами, и ни один из них не был более глубоким, чем миграция негров с Юга и их распространение по всей стране. Война между государствами и эмансипация сделали это распространение лишь вопросом времени, и оно то ускорялось, то замедлялось в течение десятилетий, предшествовавших Великой войне; но война, значительно ограничившая иммиграцию из Европы, ускорила это движение. Читая лекцию в Чикагском университете в июне 1916 года, автор данного исследования был поражен характером приема, оказанного этой теме: "Приспособление негра к социальной системе шестидесятых годов", в которой подчеркивалась необходимость диффузии.

В период с 1890 по 1900 год уровень жизни северных негров повысился, и так же, как капитал на Севере и Западе вытеснил английских, немецких и ирландских рабочих и заменил их более дешевыми и неполноценными людьми, так и северный негр не мог жить так же дешево, как славянин, грек, итальянец и словенец.[352] Их, однако, в свою очередь сметала мировая война, начиная с середины 1914 года; и в то время как сентиментальная забота о продвижении негра, которая была очень широкой и активной поколением ранее, постепенно ограничилась помощью в обустройстве его на "его естественной родине, Юге", потребность в мускулах и сухожилиях, которые он мог предоставить, ощущалась на Севере и Западе, и, повинуясь ее требованию, негр, за определенную плату, покидал "свою естественную

родину"; Ибо филантропия Севера, величайшая в мире, поскольку она черпает свои запасы из коммерции своей части, в определенной степени подчиняется ей.

Почти одновременно с лекциями в великом западном городе, которому суждено стать центром мнения северных негров, из метрополии Союза пришло изречение огромной важности от самого агрессивного, умного и гуманного издания, распространяющего свое влияние из центра американских и мировых финансов.

Ситуация, сложившаяся летом 1916 года, по мнению "Новой Республики", выглядела следующим образом:

"Для северных негров война в Европе принесла огромную и неожиданную пользу. Она отбросила иммигранта, который является самым опасным конкурентом негра, удвоила спрос на труд негра, повысила его заработную плату и предоставила ему шансы, которые в обычном случае достались бы белым. Если после войны иммиграция не прекратится или будет сдерживаться законом, негр получит великую возможность, которой он ждал все эти пятьдесят лет..... В южных городах - Атланте, Мемфисе, Бирмингеме, Ричмонде, Нэшвилле, Саванне, Чарльстоне, Мобиле - негры составляют от трети до половины населения и более чем такую же долю наемных работников, и им дается шанс заработать на жизнь, потому что без них работа в этих городах не могла бы быть выполнена. С другой стороны, в Филадельфии негры составляют всего 5½ процента населения, в Чикаго - 2 процента, в Нью-Йорке - чуть меньше 2 процентов..... Если белые не хотят работать вместе с ними, если работодатель вынужден выбирать между большим предложением белого труда и малым предложением негритянского труда, он выберет первое..... Негр получает возможность работать только тогда, когда больше некому работать.... Обиженные всегда неправы, и поэтому мы обвиняем негра. Однако, если мы справедливы, мы должны возложить ответственность за социальные последствия на тех, кто отвечает за причину. Если у северных негров уровень смертности выше и среди них больше преступников и проституток, чем среди белых, то это в значительной степени наша собственная вина. Мы не сможем понять проблемы негров на Севере, если не будем постоянно помнить о факте промышленных возможностей. Северный негр имеет право голоса, право и обязанность посылать своих детей в школу, и, по крайней мере, технически, многие гражданские и политические права. Мы не сажаем его в машины Джима Кроу и не держим в тюремных лагерях для частной эксплуатации. Тем не менее, давление на него почти столь же болезненно, хотя и не столь жестоко и унизительно, как на южного негра. Северного негра призывают подняться, но упорно удерживают Иммиграция после войны, похоже, будет оставаться на низком уровне в течение нескольких лет или, возможно, десятилетий..... Это шанс негра, первое обширное расширение его промышленного поля со времени эмансипации"[353].

Тот факт, что это весьма компетентное заявление не совсем точно во всех деталях, мало что меняет в его изложении. Как показал мистер Уорн в своей книге "Иммигрантское вторжение", у негра были неплохие шансы до десятилетия 1900-1910 годов. То, что он не использовал его так полно, как мог бы, объясняется, во-первых, его невежеством, во-вторых, сохранением в течение некоторого времени подневольных инстинктов, в-третьих, решимостью очень значительной и влиятельной части населения Севера и Запада держать негра подальше от Севера и Запада; и контролирующей части южной общественности, которой помогал республиканский Верховный суд Соединенных Штатов, что его следует держать в состоянии, близком к состоянию крепостного крестьянина на Юге, насколько это возможно для тех, кто его сдерживает, держа себя, тем временем, на ветреной стороне закона; в-четвертых, активной, постоянной, хорошо финансируемой пропаганды, возглавляемой самым влиятельным представителем расы, что он должен держаться за Юг.

Что могли противопоставить таким силам немногочисленные белые южане - Карлайл Маккинли, Уэйд Хэмптон и М. К. Батлер, уже в 1889 году проповедовавшие "Диффузию"?

И на Севере, и на Юге, в основном по чисто эгоистическим причинам, сила страны была против диффузии негра и за то, чтобы держать его на Юге, где он так долго был рабом. Поэтому для такой газеты, как "Новая республика", выступить в поддержку диффузии было делом первостепенной важности.

Продолжая дискуссию в своем номере от 1 июля 1916 г. The New Republic заявила:

"Для нации в целом такое постепенное распространение негров по всем штатам в конечном итоге принесет реальную пользу. Если в конце полувека в южных штатах вместо 89 процентов негров будет проживать только 50 или 60 процентов, это положит конец страху перед расовым господством и избавит Юг от многих его особенностей, которые сегодня тормозят развитие. Для негров это было бы еще более очевидной выгодой..... Ведь если южный негр, обнаружив, что политические и социальные условия невыносимы, переедет на Север, в его руках окажется оружие, столь же эффективное, как и любое другое, которое он может найти, - избирательная урна..... Против противодействия преобладающего белого населения у южного негра мало средств защиты. У него нет права голоса, у него нет богатства, а что касается защиты закона, то это меч, который белый человек держит острием в сторону негра. Он не может улучшить свое положение политическими действиями или вооруженным восстанием. Его единственная защита - уехать"[354].

Взвесив все вышеизложенное, не обязательно принимая все это за истину, разве не очевидно, что для белого южанина утверждать, что негры должны остаться на Юге в той массе, в которой они там сейчас существуют, - это признак того, что он отказывается считать полезным все, что затрагивает промышленные условия, к которым он привык? Для негра такое мышление - это просто изживание подневольного инстинкта, который, как утверждает большинство белых южан, скрыт во всех неграх.

Чтобы еще больше подчеркнуть этот вопрос, мы представим и противопоставим взгляды южного и северного негра.

Первый - это взгляд цветного человека, преподобного Ричарда Кэрролла, который в 1890 году привлек внимание Джорджа Уильяма Кертиса, как уже упоминалось, своим смелым и оригинальным высказыванием о том, что Тиллман сделал белых, а также негров читателями и мыслителями. Примерно восемь лет спустя этот цветной служил капелланом цветного полка на Кубе. Позже он занялся цветной школой в окрестностях Колумбии, штат Южная Каролина, и в какой-то степени стал для прессы штата Южная Каролина образцом хорошего негра, который соглашается с лучшими из белых. Это отличительный признак "хорошего негра".

Описывая отъезд негров из Южной Каролины в 1916 году, он заявляет:

"Достопочтенный Х. К. Тиллман, сын сенатора Б. Р. Тиллмана, сказал мне, что в толпе были один или два фермера, подписавшие контракты на работу в следующем году, но что он не будет им мешать".

Далее он описывает слезливое, мелодраматическое обращение одного прорицателя из Джорджии, умоляющего негров не покидать Юг:

"Мы плохо с вами обращались; мы собираемся сделать это лучше. Давайте, белые и цветные, объединимся, чтобы решить расовый вопрос на южной земле. Мы в долгу перед вами, цветные. Прежде всего мы должны вам Евангелие; затем мы должны вам защиту перед законом. Больше не будет возмущений, когда мы возьмемся за эту проблему, как и положено, и решим ее с помощью Евангелия".

Показав патристическое бескорыстие капитана Тиллмана и процитировав плач провидицы из Джорджии, цветной педагог переходит к изложению собственной точки зрения:

"Это страна для чернокожего; белые люди Юга должны предложить соответствующие стимулы и защиту перед законом, чтобы удержать цветных в Южных землях..... Возможно, многие наши цветные говорят: "Бог в этом движении". Но я верю, что если бы цветные люди Юга работали вместе последние пятьдесят лет на благо каждой расы и в то же время каждая раса была бы на своем месте, у нас были бы лучшие условия; на Юге - никаких линчеваний, никаких поводов для линчевания. Если бы лучшие люди Юга держали его в руках по типу генерала Уэйда Хэмптона, это была бы величайшая страна на земле".

Примерно за пятьдесят лет до высказывания Кэрролла люди на Юге, в той или иной степени отвечавшие описанию типа Хэмптона, данному Кэрроллом, создали Черные кодексы, как они считали, "для блага каждой расы, и в то же время каждая раса на своем месте". Но после Реконструкции Уэйд Хэмптон считал, что единственным средством является диффузия негров.

Подробно описав случаи, когда, по его утверждению, негры, обладающие собственностью, были высланы из штата только потому, что владели имуществом и были преуспевающими, Кэрролл утверждает, что когда они приходили к нему за советом, он советовал им

"попытаться добраться до других белых людей в графстве или общине, поскольку в Южной Каролине много белых людей, которые окажут правосудие и защиту"[355].

Черные кодексы сделали это обязательным для всех хозяев своих слуг. Составители кодексов были воспитаны в той политической школе, основной принцип которой Ретт в 1850 году сформулировал следующим образом:

"Там, где в обществе есть только одна раса, может быть политическое равенство в правах, но это не может дать равенства в мыслях, характере и состоянии". Рабство все еще преобладает в той или иной форме, в силу необходимости, столь же суровой, как и законы. Но когда расы различны и одна из них уступает другой, низшая раса должна быть истреблена или впасть в такое состояние подчинения, чтобы создать мотивы для сохранения более сильной расы"[356].

Проживание на Юге в течение значительного времени после достижения зрелости, таким образом, очевидно, уменьшило независимость этого цветного человека. Он, что вполне естественно, стал предпочитать безопасность независимости.

Но в том же году и примерно в то же время в той же газете появилась сдержанная статья другого негра, тоже священника, Р. Р. Райта-младшего, проживающего в Филадельфии, который в разное время работал в Бюро труда Соединенных Штатов и Пенсильванском университете.

Ранее он также опубликовал эссе о негритянской проблеме, в котором рассматривает эту тему как научное исследование, в котором неуместны любые эмоции и чувства. Что касается перемещения негров, он заявил, что со времен войны между государствами было по крайней

мере четыре различных миграции негров с Юга на Север, и, оценивая в 1916 году численность населения в той части, которую обычно называют Севером, но которая охватывает значительную часть Запада, он полагал, что из 1 600 000 негров, проживающих там, три четверти были рождены на Юге. Что касается численности негров на Севере на тот момент, то эта оценка была выше той, которую показала перепись 1920 года; ведь по ней, на дату 1910 года, на Севере и Западе было всего 1 059 000 негров, и поэтому, даже если к 1916 году их число увеличилось до 1 600 000, три четверти из них не могли быть выходцами с Юга, даже если бы общее пополнение в 541 000 человек было из этой части, поскольку из 1 059 000 в 1910 году только сорок процентов были выходцами с Юга;[357] но независимо от того, 40%, 50% или 75% были выходцами с Юга, Райт считал, что 80% переехавших останутся, поскольку был уверен, что самые эффективные из них смогут конкурировать со славянами и итальянцами в грубой работе. Действительно, он утверждал, что в Пенсильвании нередко можно было увидеть негра бригадиром над группами итальянцев. Писатель, наблюдавший то же самое на практике в отношении негров и испанцев во время мировой войны, может в это поверить. Более высокие зарплаты и лучшие образовательные учреждения, по мнению Райта, также привлекут негров на Север и Запад, и, наконец, он назвал то, что, по его мнению, является самым мощным стимулом, побуждающим негров переезжать во все больших количествах с Юга на Север:

"Возможность голосовать также будет удерживать их. Политики поощряют негров оставаться, поскольку они, как правило, республиканцы. Северные негры поощряют их оставаться, потому что это дает им больше власти; и после того как негр проголосует и примет участие в политических собраниях, он становится таким же, как натурализованный иностранец - ему все нравится, и он остается. Конечно, белые люди правят, потому что превосходный интеллект и богатство всегда правят. Но чернокожему нравится быть частью правительства и быть призванным каждый год высказать свое "мнение"..... Хотя на Севере не больше социального равенства, чем на Юге, и практически нет стремления к нему, чем дольше негр живет там, тем больше ему нравится возможность наслаждаться жизнью в соответствии со своими средствами. Он зарабатывает больше денег, может жить в лучшем доме, покупать лучшую одежду, развивать больше достижений, иметь больше досуга и больше защиты в своих удовольствиях. Лично я считаю, что и для негров, и для белых будет хорошо, если миллион или два миллиона негров покинут Юг. Это освободит место для большого количества иностранцев, которые приедут на Юг, и позволит более широко развести трудовую проблему Юга с расовой проблемой, а также даст ей новую перспективу. Это также избавит Юг от страха перед "негритянским господством" и даст ему шанс лучше выразить наши демократические принципы. С другой стороны, рассеяние негров по стране приведет их в контакт с силами организованного труда, что обеспечит им лучшую защиту, а также познакомит Север с неграми таким образом, чтобы дать ему более разумное понимание нашей общей проблемы расовых отношений"[358].

Тем временем негры, со всех сторон одобряемые и отвергаемые, продвигались с Юга на Север и Запад, в крупные промышленные центры, чтобы занять место иммигрантов и солдат, направлявшихся и направляющихся в Европу для участия в великой войне.

Для читающего негра, где бы он ни находился, на Севере или Юге, в этот год, незадолго до вступления великой республики в величайшую войну всех времен, вышла книга "Новый негр, его политическое и гражданское положение и связанные с ним очерки" Уильяма Пикенса, лит. Легко воспринимаемые, популярно составленные, они открываются обычной атакой на черные законы Юга шестидесятых годов, автор особенно выделяет для критики кодекс Южной Каролины. О них в целом он сказал:

"С точки зрения интересов негра, однако, эти законы были "черными" не только по названию и цели, но и по самой своей сути. Вместо того чтобы быть собственностью лично заинтересованного хозяина, негр должен был превратиться в раба гораздо менее сочувствующего общества в целом"[359].

Но, как ни странно, этот критик в 1916 году фактически провозглашает, что...

"Одно из самых больших препятствий, в которых живет новый негр, - это препятствие, связанное с отсутствием знакомств между ним и его белым соседом. При прежнем порядке, когда практически все негры были либо рабами, либо слугами, каждый негр был знаком с каким-нибудь белым человеком; как раса он был лучше известен, лучше понятен и, следовательно, вызывал меньше подозрений со стороны белого общества"[360].

Если это было препятствием в 1916 году, то каким же оно должно было быть в 1865-м? За сорок один год до того, как этот негритянский ученый обнаружил это препятствие, Юг, пытаясь приспособиться к последствиям поражения и свержения своей промышленной системы, законодательно сохранил это знакомство с помощью системы ученичества, которая если и была рассчитана на очень медленное решение проблемы, то все же была рассчитана на то, чтобы произвести нечто превосходящее даже тех цветных свободных людей, которых породило рабство, - достойный продукт, о котором ни у одного негра или северного ученого никогда не хватало терпения задуматься. Автору этого исследования мало что известно о цветных свободных людях, которых воспитал Юг; однако было бы несправедливо обвинять их в том, что Пикенс абсолютно обоснованно утверждает в отношении массы цветных граждан Юга, ставших продуктом Реконструкции Конгресса. Пикенс действительно освежающе откровенен в этом отношении, и настолько, что негры будут избегать его книги. Ее не найдут ни в одном списке Национальной ассоциации содействия прогрессу цветной расы. Он опасно близок к Уильяму Ганнибалу Томасу в следующем:

"До сих пор негр редко откровенен с белым человеком в Америке. Он говорит то, что не имеет в виду; он имеет в виду то, что не говорит. Я слышал, как негритянские ораторы выступали перед смешанными аудиториями белых и цветных, и как белые, так и черные уходили, радуясь, каждая сторона считала, что оратор высказал их мнение, хотя мнения черных сильно отличались от мнений белых, даже противоречили друг другу. Это одна из причин большого заблуждения белой расы относительно желаний, амбиций и чувств черных"[361].

Но в год, последовавший за тем, в котором была опубликована книга Пикенса, Соединенные Штаты вступили в мировую войну.

Прежде чем обсуждать последствия этой великой авантюры для негритянского меньшинства, составляющего десятую часть населения Соединенных Штатов, следует немного рассмотреть силу, которая подтолкнула все это, и из-под пера политического противника, редактора величайшей республиканской газеты Запада, это представляется следующим образом:

"Мы восхищаемся мистером Вильсоном в первую очередь за то, как он руководил военными действиями, как только мы их начали. Эта решимость вытекала из его характера. Он использовал призыв. Он предоставил союзникам то, что им было нужно - людей, деньги и материалы в необходимом количестве. Слабость в это время могла бы погубить нас. Человек, менее решительно настроенный на собственный путь, менее невосприимчивый к тому, что о нем говорят, возможно, дрогнул бы при призыве солдат. Он мог бы попытаться вести войну с добровольцами. Возможно, он даже попытался бы вести войну с помощью денег и

материалов. Он мог попытаться избавить нацию от человеческих жертв или ограничить расход человеческих жизней. Тогда мы должны были вступить в проигрышную войну и оказаться среди проигравших, как раз вовремя, чтобы оказаться среди обломков. Призыв в армию был его важным решением, и независимо от того, осознавал он это или нет, это было его самое опасное решение. Хьюз мог устроить серьезные призывные бунты. От Вильсона народ принял призыв почти без ропота, и война была выиграна прямо тогда. Президент не позволил народу отступить от капли в чаше. Он забрал их деньги. Он тратил их, не задумываясь о том, что они будут потрачены впустую. А траты должны были быть. Он поставил Соединенные Штаты за спиной союзников, пообещав, что будет до последнего человека и последнего доллара. Это требовало мужества, ума и характера; и вся грубость и своенравность темперамента мистера Вильсона служила стране так, как это было необходимо. Это были лучшие моменты его карьеры. Он отправил 2 000 000 человек во Францию прежде, чем изумленные немцы сочли возможным сделать это. 2 000 000 человек находились в тренировочных лагерях в Америке, и еще больше призывалось в армию. Затем из Белого дома раздались громогласные заявления, которые одурманили немецкий народ, стоявший за своими армиями, и разложили его по полочкам в тылу его боевых сил. По мере того как американские дивизии давили на немецкие, слова г-на Вильсона разрушали моральный дух непоколебимого немецкого народа; и война была выиграна"[362].

Но он сделал больше: южанин, сознавая глубокие предрассудки своей собственной части и вопреки протестам многих государственных чиновников, он определил, что определенная часть цветных должна пройти подготовку в качестве офицеров; он не позволил прекратить эту военную подготовку даже после бунта в Хьюстоне, когда негритянские солдаты во второй раз расстреляли южный город. Виновные были немедленно отданы под трибунал, но, к удивлению некоторых негритянских претендентов на пост президента, подготовка негритянских офицеров продолжалась. И снова мы не цитируем друга, а берем высказывание негра и отмечаем:

"До 1200 человек стали офицерами... Военное министерство разрешило неграм работать медсестрами в базовых госпиталях в шести армейских лагерях - Фанстон, Шерман, Захари Тейлор и Додж, а женщины служили в столовых во Франции и в домах для хозяек в Соединенных Штатах. Шестьдесят негров служили капелланами, 350 - секретарями У. М. С. А. и другие - на специальных должностях.... Во всей этой войне самым печальным событием стал военный трибунал над шестьюдесятью тремя военными служащими Двадцать четвертого пехотного полка США, которых судили за беспорядки и убийство семнадцати человек в Хьюстоне, штат Техас, 23 августа 1917 года. В результате тринадцать обвиняемых были повешены 11 декабря, сорок девять приговорены к пожизненному заключению, четверо - к заключению на более короткие сроки и четверо оправданы"[363].

Действия президента Вильсона в этом вопросе были оправданием действий президента Рузвельта во время предыдущего бунта в Браунсвилле и суровым осуждением сентименталистов, белых и черных, чья строгость к Рузвельту заставила негритянских солдат вынашивать удивительную идею, что войска любого цвета кожи могут взять закон в свои руки и устроить Заберн в Америке, в масштабах, превосходящих самые смелые фантазии приспешников военного лорда в Европе.

ССЫЛКИ:

[352] Warne, Immigrant Invasion, p. 174.

[353] The New Republic, June 24, 1916.

[354] Ibid. 1 июля 1916 г.

[355] News and Courier, December 17, 1916.

[356] Rhett's Oration on Calhoun, Pamphlets Vol. 8 p. 151 Johnston C.L.S.

[357] Bureau U. S. Census 1910 Bulletin 129, p. 64.

[358] R. R. Wright Jr. Letter News and Courier, November 6, 1916.

[359] Pickens, The New Negro, p. 18.

[360] Ibid. p. 228.

[361] Ibid. p. 37.

[362] Chicago Tribune.

[363] Brawley, Short History of American Negro, p. 357.

ГЛАВА XV

В год, следующий за окончанием великой мировой войны, вооруженные столкновения между белыми и неграми в Соединенных Штатах произошли в крупных городах Севера и Запада, Вашингтоне, Чикаго и Омахе, а также в штате Арканзас. Эти расовые беспорядки вызвали комментарии со стороны белых и негров. До этих беспорядков в мирное время были другие, во время мировой войны, в Честере и Филадельфии, в штате Пенсильвания, и один в Иллинойсе, в Ист-Сент-Луисе. И доктор Дюбуа, президент "Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения", и цветной священник Райт, чья статья о миграции негров уже упоминалась, давали советы. Интересно сравнить их высказывания. Сначала приводится сообщение священника.

"Моим дорогим братьям и друзьям:

Позвольте мне сказать вам это слово в это время, когда вы испытываете серьезную тревогу. Вы читали о беспорядках в Сент-Луисе, Филадельфии и Честере, штат Пенсильвания, во время Великой мировой войны, а также в Вашингтоне и Чикаго после ее окончания. Когда факты были окончательно просеяны, они всегда показывали, что цветные люди не начинали эти беспорядки. Во всех случаях их начинали белые. Если в будущем будут происходить беспорядки, я хочу сказать своим людям: пусть будет так, как было в прошлом, - вы не должны быть их зачинщиками. К вечному позору этих северных городов, как и некоторых южных, эти беспорядки были начаты белыми, а белые полицейские, которые должны были бы первыми защищать закон, почти в каждом случае помогали толпе. Сейчас для всех нас настало время сохранить самообладание: не делать ничего плохого, что может послужить поводом для беспорядков. Пусть мужчины и женщины спокойно ходят по , занимаясь своими делами. Держитесь подальше от салунов и мест, где играют в азартные игры. В этих местах начинается больше неприятностей, чем где-либо еще. Избегайте споров. Не хвастайтесь. Не угрожайте. Не нападайте ни на мужчин, ни на женщин без должной провокации и ни в коем случае не обижайте детей. Никому не рассказывайте, что негры собираются сделать с белыми. Мы не хотим войны, мы хотим мира. Наша безопасность - в мире. Не слоняйтесь по

улицам; не сталкивайтесь без нужды с бандами белых мальчишек. Банда мальчиков от 15 до 20 лет, как правило, безответственна. Банда белых крутых с удовольствием "набросится" на одинокого негра, особенно если их восемь или дюжина и они считают, что негр безоружен; глупо давать им такую возможность. В торговле как можно чаще получайте нужную сдачу, прежде чем оплатить счет; знайте, что вам нужно, где вы можете торговать со своими людьми, где вы не рискуете ввязаться в спор. Не ходите в белые театры, белые кафе-мороженые, белые банки или белые магазины, где вы можете найти цветного, который обслужит вас так же хорошо. Другими словами, не тратьте свои заработанные тяжелым трудом деньги там, где вас могут избить. Не носите скрытое оружие - это противозаконно. Я не призываю к трусости. Я призываю к здравому смыслу. Я призываю к закону и порядку. Защищайте свой дом, защищайте свою жену и детей, если потребуется, своей жизнью. Если человек переступает порог вашего дома, преследуя вас или вашу семью, закон позволяет вам защитить свой дом, даже если вам придется убить злоумышленника. Соблюдайте закон, но не ищите неприятностей. Избегайте их. Не бойтесь и не падайте духом из-за этих беспорядков. Это всего лишь симптомы протеста против вашего вступления в высшую сферу американского гражданства. Это темные часы перед утром, которые всегда наступали перед вспышкой нового гражданского света. Некоторые люди видят этот свет и провоцируют эти беспорядки, пытаясь остановить его появление. Но Бог действует. Для негров все будет лучше. Мы хотим получить полное право на гражданство, равные школьные условия и все остальное. Мы боролись за них. Мы их получим; мы не должны уступать. Большая часть наиболее мыслящих белых людей, как на Севере, так и на Юге, знают, что мы имеем право на все, что просим. Они знают, что мы это получим. В глубине души они за нас, хотя и боятся низших элементов, которые пытаются создать проблемы, чтобы помешать нам получить наши права. Но они потерпят неудачу, как потерпели неудачу и те, кто лишил нас свободы. Бог с нами. Они не могут победить Бога. Поэтому я говорю вам: отойдите в сторону, будьте готовы, не провоцируйте беспорядки; просто позвольте Богу делать свою работу. Он может разрешить несколько беспорядков, просто чтобы заставить негров быть ближе друг к другу. Он позволяет хулиганам убить нескольких человек, чтобы научить многих, что **МЫ ДОЛЖНЫ ОБЪЕДИНЯТЬСЯ**. Но он не имеет в виду, что мы будем побеждены - если доверимся ему. Давайте усвоим урок, который Он нам преподносит. Помните, что бунт может вспыхнуть в любом месте. Пусть пасторы предупреждают о мире, молитве и готовности. Давайте не будем провоцировать беспорядки. Давайте призывать наши общины сохранять спокойствие и не делать ничего противозаконного.

Ваши в христианских узах,

R. P. Райт-мл.

Редактор "Христианского регистратора" [364].

Обращение Дюбуа более драматично:

"Братья, мы находимся в Великой Глубине. Мы отправились в огромное плавание, которое приведет нас к свободе или смерти. Три столетия мы страдали и трусили. Ни одна раса никогда не подвергала пассивное сопротивление и покорность злу более длительному и жалкому испытанию. Сегодня мы поднимаем страшное оружие самозащиты. Когда придет убийца, он больше не будет бить нас в спину. Когда соберутся вооруженные линчеватели, мы тоже должны собраться вооруженными. Когда толпа двинется, мы предложим встретить ее кирпичами, дубинками и оружием. Но здесь мы должны соблюдать строгую осторожность. Мы не должны допустить, чтобы оправданная самозащита против отдельных людей превратилась в слепое и незаконное нападение на всех белых. Мы не должны добиваться

реформ путем насилия. Мы не должны стремиться к мести. Месть - Моя, говорит Господь; или, говоря иначе, только бесконечная Справедливость и Знание могут назначить виновных в этом бедном мире, а мы сами - грешные люди, отчаянно борющиеся с собственным преступлением и невежеством. Мы должны защищать себя, свои дома, своих жен и детей от беззакония, не останавливаясь и не колеблясь; но мы должны тщательно и скрупулезно избегать с нашей стороны ожесточенной и неоправданной агрессии против кого бы то ни было. Границу провести трудно. На Юге полиция и общественное мнение поддерживают толпу, и малейшее сопротивление со стороны невинной черной жертвы почти всегда трактуется как незаконное нападение на общество и правительство. На Севере полиция и общественность будут уклоняться и колебаться, но в конце концов они поддержат правых, когда им станет ясна правда. Но как бы ни была трудна или легка грань между справедливым сопротивлением и злобным возмездием, мы должны провести ее осторожно, не в диком негодовании, а в мрачном и трезвом размышлении; и, стоя за неприступной крепостью Божественного права на самозащиту, которое санкционировано всеми законами Божьими и человеческими, в любой стране, цивилизованной или нецивилизованной, мы должны занять свою непоколебимую позицию. Честь, бесконечная и нерушимая честь каждому человеку, черному или белому, который в Хьюстоне, Ист-Сент-Луисе, Вашингтоне и Чикаго отдал свою жизнь за цивилизацию и порядок. Если Соединенные Штаты будут страной закона, мы будем жить в ней скромно и мирно - работать, петь, учиться и мечтать, чтобы сделать ее и себя благороднее и лучше; если же они будут страной мафии и линчевателей, мы можем с таким же успехом умереть сегодня, как и завтра.

"И как может человек умереть лучше.

чем столкнуться с ужасными шансами

За прах своих отцов

И храмов своих богов?

The Crisis (New York) September"[365].

При рассмотрении этих двух высказываний можно признать, что с точки зрения литературного мастерства призыв Дюбуа превосходит его, но это не означает, что в своем призыве он лучше играет роль лидера, чем негритянский священник, процитированный первым, чье увещевание к своей расе, в отличие от Дюбуа, ни в коем случае не перегружено и не слишком высоко для самых скромных, обладающих элементарным интеллектом, чтобы понять. Подробные инструкции в публикации Райта, как бы просты они ни были, содержат мудрость, мудрость, которая издревле кричит на улицах; если сравнение, проведенное Дюбуа между северными и южными белыми, в отношении полиции и общественного мнения в двух частях, верно, то странно, что в отличие от негритянского священника, он не встречается с советами переселиться из худшей части в лучшую, поскольку это касается нужд его расы. Если на Севере, даже если правосудие движется с трудом, как он описывает, все же, по его словам, правосудие движется. А для бедных и угнетенных какая выгода может перевесить справедливость? Но есть и более серьезное сравнение, которое следует провести между этими призывами. Дюбуа в своей публикации восклицает:

"Честь, бесконечная и нерушимая честь каждому человеку, черному или белому, который в Хьюстоне, Ист-Сент-Луисе, Вашингтоне и Чикаго отдал свою жизнь за цивилизацию и порядок".

Какими бы ни были несчастья или предполагаемые несчастья, понесенные негритянскими солдатами в Хьюстоне, можно ли утверждать, что они, вооруженные федеральным правительством и поступившие на службу по его приказу, вырвавшись из-под контроля вышестоящих офицеров и взяв в руки оружие, предназначенное для других целей, каким-либо образом способствовали цивилизации и порядку, бросившись на белое население в попытке перестрелять город? Если он так утверждает, то он хуже тех негритянских солдат, которые так действовали, или тех негров и белых, неважно, кем они были, которые критиковали действия Рузвельта в деле Браунсвилля. На какую бы высокую должность ни выдвигались критики Рузвельта, какие бы заслуги перед миром и цивилизацией они ни заявляли, их слабость в том первом случае привела к более серьезному нарушению, за которое при президенте Вильсоне, как главнокомандующем, негритянские солдаты были отданы под трибунал и наказаны за свои эксцессы в Хьюстоне. И все же, несмотря на то, что приведенное выше обращение Дюбуа не дает возможности высказаться за или против негритянских солдат, оно не выдерживает критики, которая содержится в книге Пикенса:

"До сих пор негр редко откровенен с белым человеком. Он говорит то, что не имеет в виду; он имеет в виду то, что не говорит".

Очевидно, его мнение изменилось. Будучи редактором "Кризиса", доктор Дюбуа по случаю чикагских беспорядков, о которых говорилось выше, чествовал каждого человека, черного или белого, который в Хьюстоне или Чикаго отдал свою жизнь за цивилизацию и порядок; позже он высказал следующее, что является не более и не менее чем оправданием поведения негритянских солдат в Хьюстоне:

"Шесть лет назад 11 декабря, в 7:17 утра, тринадцать американских негров-солдат были убиты на эшафоте американским правительством, чтобы удовлетворить жажду крови Техаса из-за хьюстонского бунта"[366].

Итак, как же этот чрезвычайно одаренный человек проявляет себя в качестве лидера своей расы? В 1919 году, в реве и пламени чикагского бунта, он выступал за "Честь, бесконечную и неугасающую Честь каждому черному или белому в Хьюстоне... кто отдал свою жизнь за цивилизацию и порядок"; но к концу 1920 года казненные негритянские солдаты стали мучениками, убитыми правительством.

Но, справедливости ради, следует признать, что среди белых людей, отличающихся культурой и интеллектом, встречаются не менее дикие. Возьмем, к примеру, доктора Х. Дж. Селигмана.

Со всем невыносимым самомнением определенного класса белых он присваивает себе работы негров (легко узнаваемые теми, кто слышал их самых умных ораторов), лишает их юмора, который делает их привлекательными, и представляет их публике в качестве собственного обвинительного акта против Юга. "Южные догмы окрашивают всю остальную страну", - говорит он. И все же он признает: "В том, что касается Юга, условия улучшаются по мере того, как негры уезжают". Другой писатель, Стивен Грэм, начинает свою книгу с того, что приписывает неграм-рабам, освобожденным в 1863 году, "двенадцать миллионов из ста миллионов всех рас, смешавшихся в Америке". "Поскольку перепись населения, проведенная после его книги, дает только 10 389 328 негров на 1920 год, а из них почти два миллиона, как можно утверждать, являются потомством свободных цветных 1860 года, вклад в расу от класса цветных, неизменно игнорируемого английскими и северными писателями, должен приближаться почти к трети. Но это не сенсация. Итак, путешествуя по Вирджинии, Теннесси, Алабаме, Джорджии, Флориде, Луизиане и Миссисипи, посещая негров, принимая их гостеприимство и практикуя социальное равенство, Грэм самым

бесцеремонным образом осуждает их запах и, поскольку ему не удалось достичь и установить какой-либо духовный контакт, в своей попытке обратиться к ним, глупо решает, что его и не нужно достигать. Выразив убеждение, что негры Нью-Йорка и Чикаго крепче плотью и волей, чем негры Юга, и дают больше надежд для расы в свете дополнительного процветания и счастья северных негров, Тем не менее, он ползет назад к ногам северных предрассудков, заявляя, что против миграции негров с Юга на Север и последующего равномерного распределения по всей стране, потому что потребуются "сотни лет, чтобы выровнять их", и "они, вероятно, будут все больше и больше толпиться в больших городах и будут вовлечены в такие же дурные условия, как и на Юге." Может ли быть так, что в больших городах Севера и Запада нет ничего, кроме дурных условий? Разве не убеждены власти Севера, что неграм нужно образование? А какое образование может сравниться с проживанием в этих великих очагах нашей цивилизации? Разве сам мистер Грэм не подтвердил "исключительное процветание и счастье северных негров?". Зачем же тогда пытаться поставить под сомнение выгоду негров от диффузии? С таким же успехом с этим можно смириться без лишних ужимок. Это неизбежно. По закону компенсации та часть нашей великой страны, которая в течение ста или более лет представляла восхищенному миру все добродетели, интеллект и цивилизацию Соединенных Штатов, особенно в своем отношении к цветной расе, должна будет постараться оправдать свою репутацию. Стремящемуся негру не откажут в том контакте с самой передовой цивилизацией этой страны, которым ему обязаны те, кто его освободил. Если он толпится в больших городах, то только потому, что там он находит ее самую разрекламированную демонстрацию, и поэтому самые активные и энергичные толкаются в нее с некоторым презрением к своим слабоумным самоизбранным лидерам, которые проповедуют против или молчат по этому поводу.

В течение трех десятилетий до войны между государствами южные штаты Союза отводили развитию железных дорог второстепенную роль по сравнению с негритянским вопросом. Составляя в то время по площади почти половину штатов, населенных 3 575 634 белыми и 2 176 127 неграми, они были вынуждены основывать свою цивилизацию на субстрате низшей расы, ставя эту дику концепцию даже выше Федерального союза, этого великого эксперимента в управлении, в создании которого они принимали самое активное участие. После их свержения Реконструкция подняла призрак того, что негр опередит белых на Юге и почти наверняка в нижних районах Юга. И что подтверждает удивительную ясность видения негра Уильяма Ганнибала Томаса, так это его способность за два года до свержения Реконструкции увидеть сквозь туман 1874 года, который так полностью окутал видение судьи Альбиона Турги в 1888 году в его "Обращении к Цезарю".

Томас с самого начала понял, что негритянское большинство в Южной Каролине не продержится долго.

За сто лет, прошедших с 1820 года, доля негритянского населения по отношению к белому в Соединенных Штатах в целом сократилась с 19 до 9,9 процента, а доля белого населения выросла с 81 до 90,1 процента. Что касается негритянского населения в южных штатах по сравнению с остальной частью Соединенных Штатов, то его доля на Юге снизилась с 92,5 до 84,2 процента, а доля в остальной части Соединенных Штатов выросла с 8 до 15,98 процента. Но хотя этот процесс рассматривается как движение в течение ста лет, что касается Юга, то из-за неизвестных приращений до 1860 года в результате незаконной работорговли и магнетического притяжения Реконструкции он может быть более точно представлен как движение в течение сорока лет.

В пяти больших штатах - Кентукки, Теннесси, Алабаме, Миссисипи и Луизиане, охватывающих территорию площадью около 224 960 квадратных миль, белое население выросло с 4 112 564 человек в 1880 году до 7 444 218 человек в 1920 году; в то время как негритянское население за тот же период увеличилось с 2 408 654 человек до 3 223 791 человека. Но еще более поразительным является тот факт, что за последнее десятилетие негритянское население этого южного региона фактически сократилось на 143 288 человек.

В то же время в пяти больших штатах Огайо, Индиана, Иллинойс, Мичиган и Висконсин негритянское население выросло до 514 589 человек, а к востоку от большого Северо-Запада, в Средних штатах и Новой Англии - до 709 453 человек; в то время как к западу от реки Миссисипи, за пределами старого Юга, в регион, который до войны между государствами был прерией и почти неисследованными горами и пустынями, переселилось 314 879 негров. При этом на Юге они по-прежнему составляют 26 процентов населения, а за его пределами, в остальной части Союза, - всего 3 процента.

Однако мнение мистера Грэма о том, что "потребуется сотни лет, чтобы уравнять их", - поспешное и непродуманное суждение. В Луизиане, где сорок лет назад цветное большинство составляло 28 707 человек, по данным переписи 1920 года белое большинство составляло 396 360 человек. В Джорджии белое большинство увеличилось с 90 773 в 1880 году до 482 749 в 1920 году, а в великом хлопкосеющем штате Алабама за тот же период большинство увеличилось с 62 083 до 546 972 человек. Учитывая то, что показывают цифры переписи для Вирджинии, страдающей, как ни одно государство, от войны между штатами, в которую она вступила не с целью поддержания черного субстрата для своей цивилизации, а с целью, идентичной той, которую цивилизованный мир провозгласил для Бельгии, и поддерживавшей шок войны с мужеством и преданностью, не превзойденными Францией в Великой войне, она лишилась примерно трети своей площади и четырех десятых своего белого населения, в полном противоречии с Конституцией; но теперь, имея белое большинство, которое выросло с 57,5 процентов до 70,1 процента, она находится в более здоровом состоянии, чем та часть, которая была вырезана из ее фланга. Выигрыш Северной Каролины еще больше. Если взять весь Юг, то окажется, что с 1880 по 1920 год белое население увеличилось с 12 309 087 до 25 016 579 человек, в то время как за тот же период цветное выросло только с 6 013 215 до 8 801 753 человек. Правда, к переписи 1920 года в двух южных штатах, Миссисипи и Южной Каролине, по-прежнему было большинство цветных, но оно сократилось с 213 227 до 46 181 в Южной Каролине и с 170 893 в Миссисипи до 81 262; процент белых в Южной Каролине составлял 48,6 процента, а в Миссисипи - 48,3 процента[368].

Пока не будет опубликована перепись 1930 года, мы не будем знать ничего определенного; но в этом, пятом году после последней переписи, вся имеющаяся информация, похоже, указывает на то, что в обоих штатах белое меньшинство превратилось в белое большинство. По данным переписи населения Соединенных Штатов за 1920 год, в 875 670 квадратных милях, составляющих южные штаты, проживало 25 016 579 белых и 8 801 753 цветных; в то время как в остальных 2 150 600 квадратных милях Союза проживало 70 925 032 белых и 1 552 402 негра, причем 109 966 находились под строгим федеральным контролем в Вашингтоне. Но, опять же, к северу от северной границы Соединенных Штатов простирается регион, превосходящий по площади Соединенные Штаты, в котором, как показала перепись населения Канады 1921 года, проживает всего 8 750 643 человека. Таким образом, дверь возможностей в Америке по-прежнему открыта для негра, и его неспособность увидеть это на протяжении пятидесяти восьми лет его свободы, в течение которых она была доступна для него пешком, в то время как обделенные незнанием наших потребностей, наших обычаев и

нашего языка, обедневшие белые Европы пересекали три тысячи миль водного пространства, которое преграждало им путь, является самым ярким доказательством отсутствия у негра способности помочь себе.

Возможно, справедливости ради следует отметить, что ни в одной расе, которая когда-либо существовала, не было так легко использовать предполагаемых лидеров против истинных интересов масс, как это видно из истории негров. И все же даже они, сталкиваясь друг с другом, излучают некоторые искры политического интеллекта. Тем временем массы все больше привыкают судить сами. Северная среда оказывает на них влияние. Они что-то берут от нее и что-то собираются отдать ей.

На Северо-Западе, по всей вероятности, в ближайшее десятилетие они соберутся в таком количестве, что повлияют и на Юг, и на Канаду, хотя и совершенно противоположным образом. В значительной степени то, что предвидела "Новая Республика" в 1916 году, сбывается, но в несколько более быстром темпе, чем предполагала эта газета. Последняя большая попытка побудить их остаться на Юге в качестве "естественного дома" была предпринята. Она полностью провалилась. Они неуклонно уезжают, и диффузия происходит без каких-либо проблем, которые, как постоянно утверждается, неотделимы от такого движения.

А теперь к этой последней попытке, комментариям к ней и тому, что можно назвать первым негритянским крестовым походом, мы должны уделить некоторое внимание, а затем завершить ссылкой на самую полезную дискуссию, когда-либо начатую в отношении негров.

ССЫЛКИ:

[364] Kerlin, *The Voice of the Negro*, p. 21.

[365] *Ibid.* p. 20.

[366] *The Crisis*, December 1923, p. 59.

[367] Graham, *Children of the Slaves*, Preface.

[368] U. S. Census Pop. by Color, 1920.

ГЛАВА XVI

25 октября 1921 года в Бирмингеме, штат Алабама, президент Хардинг выступил с речью по негритянскому вопросу. Избранный президентом самым большим большинством, которое когда-либо приводило президента к власти, его высказывания, если и не были очень глубокомысленными, то, несомненно, были смело откровенными. Его позиция заключалась в том, что если не будет "признано абсолютное расхождение в социальных и расовых вещах", то может появиться "повод для большой и постоянной дифференциации". Если процитировать его слова в тех отрывках, которые наиболее четко и недвусмысленно выражают его взгляды, то окажется, что он сказал:

Люди разных рас вполне могут бескомпромиссно противостоять любому предложению о социальном равенстве. Действительно, было бы полезно исключить слово "равенство" из этого рассмотрения, чтобы обе стороны признали, что речь идет не о социальном равенстве,

а о признании фундаментальных, вечных и неизбежных различий. Мы добьемся реального прогресса, когда в общественной и социальной мысли обеих рас сформируется отношение, признающее это различие"[369].

К этому он добавил, как бы отвечая на какое-то невысказанное высказывание, хотя он был единственным оратором:

Я согласен с тем, что черный человек не может быть белым человеком и что ему не нужно и не следует стремиться быть как можно больше похожим на белого человека, чтобы достичь всего лучшего, что для него возможно"[370].

В этих двух высказываниях президент Хардинг солидаризировался с Авраамом Линкольном и противопоставил себя Теодору Рузвельту, обедавшему с Букером Вашингтоном, и, исходя из этого, приблизился к тому, что, как предполагается, является учением Букера Вашингтона:

"Я бы сказал, пусть чернокожий голосует, когда он в состоянии голосовать". Я не симпатизирую полуподпольному альтруизму, который переполняет нас врачами и юристами любого цвета кожи и оставляет нас без людей, способных и желающих выполнять ручную работу в мире, где трудятся каждый день"[371].

От этих обобщений, процитировав Ф. Д. Лугарда, который даже филаделфийский юрист не смог бы разгадать, где говорится, что, хотя на пути знаний и культуры должно быть равенство, равное восхищение и равные возможности, каждый должен следовать своим унаследованным традициям, и, соглашаясь быть духовно равными, расходятся физически и материально, президент перешел к фрагменту сопротивления своего выступления:

"Вполне вероятно, что мы как нация подошли к концу периода очень быстрого роста нашего населения. Ограничение иммиграции снизит темпы прироста и заставит нас вновь обратиться к пожилому населению, чтобы найти людей для выполнения более простой и физически тяжелой ручной работы. Это потребует сложной корректировки. Предвидя такое положение дел, Юг вполне может признать, что Север и Запад, скорее всего, продолжат отток цветного населения, и что если Юг хочет сохранить свои поля и промышленность, то ему придется конкурировать за услуги цветного населения"[372].

На эту, самую важную часть замечаний президента, похвалив тон и дух всего выступления, та же газета, в которой Карлайл Маккинли в 1889 году пытался раскрыть Югу свою истинную политику, ответила следующим образом:

"Юг был бы рад, если бы значительная часть негритянского населения этой части нашла приют в других частях"[373].

Комментарий того северного издания, которое, как было показано, наиболее толково обсуждало миграцию негров с Юга на Север и Запад в 1916 году, сводился к тому, что, хотя план президента имеет много положительных моментов с точки зрения его духа, тем не менее...

"Юг знает, как должен знать президент Хардинг, что нельзя проводить резкую границу между политикой и общественной жизнью. В большинстве районов Америки должности в штате являются лидирующими позициями в обществе. При полном политическом равенстве штат Миссисипи может легко избрать негра губернатором. Будет ли такой результат воспринят в Миссисипи как лишенный социальной значимости? Расовая проблема, к сожалению, не из тех, которые допускают легкие общие решения"[374].

Речь президента появилась примерно в то время, когда доктор Дюбуа вернулся со второго Panaфриканского конгресса в Европе, в созыве которого он принимал главное участие и на котором присутствовали негры и мулаты из Западной и Южной Африки, Британской Гвианы, Гренады, Ямайки, Нигерии и Золотого Берега; индийцы из Индии и Восточной Африки; цветные мужчины из Лондона и двадцать пять американских негров. Собрания проходили в Лондоне, Брюсселе и Париже.

Лондонский конгресс, на котором председательствовал выдающийся английский администратор, впоследствии государственный секретарь по делам Индии сэр Сидней Оливье, был мягким, председатель не делал никаких попыток контролировать результаты. Но в Брюсселе, где...

"чернокожий сенегалец Блез Диань, французский заместитель и верховный комиссар африканских войск"[375].

председательствовал - .

Дюбуа говорит.

"Мы ощущали страх, царивший в стране войны, нервы которой все еще были напряжены"[376].

Похоже, Освальд Гаррисон Виллард, с тем освежающим самомнением, которое побуждает его обсуждать любую тему, независимо от того, знает он о ней что-нибудь или нет, по невежеству осуждал воинскую повинность, наложенную на французских негров.

С бесконечно большим политическим чутьем Лондонский конгресс под руководством Дюбуа или, несомненно, с его одобрения, заявил о праве нести ее наравне с белыми французами, пока Франция признает расовое равенство; но когда Дюбуа в Брюсселе, после нескольких дней безобидной болтовни...

"поднялся после обеда и прочитал на французском и английском языках резолюции Лондона"[377].

, это вызвало некоторое волнение. Вот сцена, изображенная Дюбуа:

"Диагне, сенегальский француз, председательствовавший на заседании, был вне себя от волнения после оглашения резолюций; как заместитель секретаря французского правительства, как высокопоставленный негр большой Франции и, возможно, как успешный инвестор во французские колониальные предприятия он, несомненно, находился в трудном положении. Возможно, он был связан фактическими обещаниями Франции и Бельгии. Его французский был почти слишком быстр для моих ушей, но смысл был ясен; он считал, что дело черного человека было скомпрометировано черными американскими радикалами; он особенно осуждал наше требование "восстановить древнюю общую собственность на землю в Африке" как коммунизм"[378].

Доктор Дюбуа не объясняет, почему это не так; он ограничивается заявлением, что Диагне использовал свою власть председателя и не допустил голосования, а вопрос был передан на рассмотрение французского конгресса. Позже в разговоре с Дюбуа Диагне заявил, что он "лишь пытался предотвратить убийство расы".

В своем заключительном анализе конгресса в Париже Дюбуа заявляет:

"Франция признает равенство негров не только в теории, но и на практике, она по большей части предоставила право голоса своим цивилизованным негритянским гражданам. Но что она признает, так это равное право своих черных и белых граждан эксплуатировать современными промышленными методами свои трудящиеся классы, черные и белые; и кричащая опасность для черной Франции заключается в том, что ее образованные и голосующие лидеры присоединятся к промышленному ограблению Африки, вместо того чтобы вести свои массы к образованию и культуре"[379].

Дюбуа считал, что Диагне и Кэндис, будучи непоколебимыми защитниками расовых возможностей, образования и избирательного права для цивилизованных людей, "удивительно робели", когда речь заходила о промышленных проблемах Африки. Таким же был и негр Мартин Р. Делани, кандидат в лейтенанты губернатора Южной Каролины в 1874 году. У него были преимущества для изучения африканских проблем, которыми доктор Дюбуа, возможно, не воспользовался в той же степени. В молодости Делани был исследователем Африки и, даже если он не очень глубоко проник на "Темный континент", видел африканского негра в его логове. Он и его младший соратник по реформам в Южной Каролине Уильям Ганнибал Томас, бывший солдат Союза из Огайо, как уже рассказывалось, поддержали кандидатуру судьи Грина на пост губернатора Южной Каролины в 1874 году против блестящего белого коврового баггера Дэниела Х. Чемберлена и его лейтенанта, еще менее авторитетного черного коврового баггера Р. Б. Эллиотта. Но если Томас принял Чемберлена в 1876 году как изменившегося человека, то в отношении сопровождения Чемберлена Делани, который был в Южной Каролине с 1865 года, то есть одиннадцать лет против трех лет Томаса, был все еще "любопытно робок".

Позже Дюбуа расширил свой опыт поездкой в Африку, а до этого, возможно, был тронут работой французского негритянского ученого, который оставил след в литературном мире и вызвал некоторый переполох в колониальной политике Франции, сразу после Панафриканского конгресса. Но по возвращении с них в 1921 году Дюбуа сразу же занялся рассмотрением бирмингемской речи президента Хардинга.

С любопытной симпатией к человеку, Хардингу, и с проявлением беспримерной неблагодарности к тому белому лидеру, который осмелился сделать для негра больше, чем, по мнению Хардинга, должен был сделать белый человек, Дюбуа заявляет:

"Президент сделал более смелое и ясное заявление, чем когда-либо осмеливался сделать Теодор Рузвельт или чем когда-либо мечтали сделать Уильям Х. Тафт или Уильям Маккинли".

Мистер Хардинг имел в виду, что американский негр должен признать, что для Букера Т. Вашингтона было неправильно и позорно обедать с президентом Рузвельтом"[380].

Восхваляя президента и совершенно незаслуженно глумясь над мертвым Рузвельтом, который осмелился на "позор" и пострадал за это, доктор утверждает, что "более смелое и ясное высказывание" Хардинга было "немыслимо опасным и недемократическим требованием", от которого он избавился одним взмахом пера, не только перечеркнувшим речь Хардинга; но и уничтожил основу, на которой Джон Стюарт Милль воздвиг свою политическую экономию, а именно: "Первый импульс человечества - следовать и подчиняться, рабство, а не свобода - это его естественное состояние".

По мнению доктора Дюбуа, это не так:

"Ни одна система социального подъема, которая начинается с отрицания мужественности человека, не может закончиться предоставлением ему свободного избирательного права, настоящего образования и справедливой заработной платы"[381].

В ответ на это можно сказать, что когда негры будут полностью рассеяны по Соединенным Штатам, они, скорее всего, получат такое же свободное голосование, как и белые, и пропорционально такое же образование; но когда все, кто работает, белые или черные, получат справедливую зарплату, наступит тысячелетие, и капиталистический лев будет лежать рядом с рогатым трудовым ягненком.

Нельзя отрицать, однако, что доктор Дюбуа своими конгрессами вызвал определенные комментарии, и тем, кто верит в призыв "да будет свет", будет интересно ознакомиться с французскими и немецкими высказываниями по этому поводу.

Парижская газета "Темпс", считающаяся органом французского правительства, публикует такую редакционную статью:

"Это требования более мудрой группы, которые должны быть изучены..... Путь негров в Лиге Наций к скромному освобождению, программу которого они разработали на своем конгрессе, будет долгим. Но ничто не мешает нам, французам, немедленно применить на практике хотя бы некоторые статьи этой программы для начала"[382].

Это всемирное эхо речи Хейна, произнесенной на заседании Сената Соединенных Штатов Америки примерно столетием ранее. Это также в какой-то степени одобрение Диагне, которого Дюбуа критиковал как "любопытно робкого". Портрет замечательного сенегальца, сыгравшего роль Аякса в амбициозном Гекторе Дюбуа, отсутствует; зато вся первая полоса The Crisis отдана Марану, черному Терситу расы.

Если бы Дюбуа принял Диагне в качестве лидера негритянского народа, это могло бы принести определенные результаты; но негр в Дюбуа вряд ли допустит это. Он может принять гораздо менее способного белого, Освальда Гаррисона Вилларда. Но никак не негра.

Немецкий комментарий к конгрессу менее осторожен, чем французский, но указывает в том же направлении:

"Конгресс был созван доктором Бургардтом Дюбуа, американским мулатом, который в течение многих лет занимал видное место в своей стране как агитатор расы. Его целью было объединить все негритянские организации во всем мире. На повестке дня стояли следующие вопросы: сегрегация цветных рас; расовая проблема в Англии, Америке и Южной Африке; будущая программа.....

В Лондоне и Брюсселе присутствовало очень мало народу, но в Париже в заседаниях участвовало около четырехсот делегатов со всех уголков мира..... На лондонской сессии радикальные идеи Дюбуа, приближенные к идеям Гарви, были на подъеме, и сила проповедовалась как возможная альтернатива для достижения целей, которые ставят перед собой негры..... В Брюсселе председательствовал депутат Диагне, член французского парламента от Сенегала. Когда он увидел, что радикальные идеи могут возобладавать и там, он самовольно прекратил заседание. В Париже программа была вырезана и высушена..... Газеты давали полные и сочувственные отчеты о заседаниях. Этим дипломатическим ходом

Франция достигла своей цели. Под умелым руководством французского депутата Диагне конгресс принял более умеренную программу эволюции вместо революции, кульминацией которой стала платформа, требующая равенства всех цивилизованных людей без различия расы; систематического плана образования цветных рас; свободы для туземцев сохранять свою собственную религию и нравы; восстановления прав туземцев на их прежние земли и на их продукцию; создания международного института для изучения и регистрации развития черной расы; защиты черной расы Лигой Наций; и создания отдельной секции в Международном бюро труда для решения проблемы негритянского труда."[383]

В этом докладе утверждается, что и Соединенные Штаты, и Англия подвергаются суровому обращению, в то время как Франция удостоивается похвалы. Похоже, сэр Гарри Джонстон в какой-то степени согласен с этой похвалой Франции в ущерб своей собственной стране, и его мнение таково:

"В целом я считаю, что французская нация с 1871 года решала проблему негров в Африке и тропической Америке более мудро, осмотрительно и успешно, чем это делали мы, англичане"[384].

Именно этому весьма беглому одаренному лингвисту, по всей вероятности, принадлежит живописный вывод:

"Наконец, совершенно точно, что расовый вопрос - это скала, на которой рухнет Британская империя, или краеугольный камень, на котором будет возведено величайшее политическое сооружение в истории мира"[385].

Но если это исходит от представителя императорской Германии, единственной страны, которая когда-либо принимала в качестве части своего органического закона принцип нуллификации, то по грандиозности и позитивности заявления это превосходит сентенцию Кэлхуна в 1837 году:

"Последние 12 лет мы переживаем великий и опасный момент. Проход почти сделан, и, если не возникнет новых трудностей, он будет успешно завершен. В настоящее время я не вижу ничего, кроме вопроса об отмене закона, который, однако, боюсь, призван потрясти страну до основания. Впервые было принято смелое решение о том, что рабы имеют право обращаться в Конгресс... с просьбой об эмансипации.... Наша судьба как народа связана с этим вопросом. Если мы уступим, нас уничтожат; но если мы будем успешно сопротивляться, мы станем самым великим и процветающим народом современности. Это лучший в мире субстрат населения, на котором можно легко и безопасно вырастить великие и процветающие Содружества"[386].

Мы, жители Юга, знаем, что не оказали успешного сопротивления эмансипации; не были истреблены; но являемся частью "величайшего и наиболее процветающего народа современности". Мы должны осознать, что, какой бы ни была цена, заплаченная за нее, эмансипация стала спасением для Юга. Это было освобождение от "тела смерти". Проанализировав нашу историю, мы обнаружим, что в тот же год, когда Кэлхун, величайшая разрушительная сила в нашей политике, произнес процитированную выше сентенцию, сравнительно молодой и неизвестный политик, которому суждено было стать величайшей цементирующей силой Союза, заявил

"Что институт рабства основан как на несправедливости, так и на плохой политике; но что распространение доктрин об отмене рабства скорее способствует, чем уменьшает его зло"[387].

Обсуждая это высказывание Линкольна, его последний биограф, мистер Стивенсон, который утверждает, что оно свидетельствует о зачатке его интеллекта, прекрасно изображает, как...

"возникают две идеи: вера в могущественную правящую силу; равная вера в то, что она должна использовать свою мощь с бесконечной нежностью; что она должна быть медленной, чтобы принудить к результатам"[388].

За десять лет до рассвета интеллекта Линкольна и за четыре года до заявления о том, что негритянский вопрос, как он, Кэлхун, считал, является субстратом для африканских рабов, на котором можно легко и безопасно вырастить великие и процветающие государства, Хейн на заседании Сената Соединенных Штатов озвучил своими словами мысль Линкольна, которую тот впоследствии спонсировал.

Послушайте Хейна:

"Таким образом, сэр, выходит, что Всемогущий в мудром порядке своего провидения наметил ход событий, который не только устранил все опасности, но постепенно и эффективно и в свое благоприятное время совершит наше избавление от того, что джентльмены с удовольствием считают проклятием земли"[389].

Очевидно, что в 1827 году негритянский вопрос был для Юга совсем другим, чем впоследствии; а о том, что укрепление и возможное распространение рабства в какой-то мере объяснялось преданностью Кэлхуна ему, прежде всего, еще до Нуллификации, свидетельствует его письмо Макси в 1830 году:

"Я рассматриваю тариф, но скорее как повод, чем как реальную причину нынешнего несчастного положения вещей"[390].

Странно, но даже в столь ранний период он пишет о том, что Юг, возможно, будет вынужден "восстать", чтобы сохранить свой "особый институт".

К счастью для Нижнего Юга, в 1860 году президентом был избран Линкольн, а не Сьюард; ведь если бы Сьюард занял этот руководящий пост, то, по всей вероятности, семи штатам - Южной Каролине, Джорджии, Флориде, Алабаме, Миссисипи, Луизиане и Техасу - было бы позволено отделиться и попытаться провести эксперимент по созданию правительства, о котором идет речь, с населением 2 619 116 белых, 36 861 свободных цветных, многие из которых были рабовладельцами, и 2 312 372 негров-рабов.

То, что цветное население должно было быстро увеличиться, - вполне обоснованный вывод. Вирджиния, Северная Каролина, Кентукки и Теннесси, по всей вероятности, быстро избавились бы от значительной части 1 324 166 рабов, которых они держали, и даже если бы такие государственные деятели Юга, как Леонидас Вашингтон Спратт, не смогли возобновить африканскую работорговлю, контрабандный ввоз рабов становился бы все более и более масштабным следствием. Рабство было краеугольным камнем новой политической структуры, и вполне естественно, что мнение губернатора Сибрука о том, что негры-рабовладельцы должны быть допущены к голосованию, в конечном итоге возобладало бы. Война между большой и малой частями Северной Америки могла

возникнуть из-за какого-нибудь пограничного инцидента, связанного с Арканзасом, Индейской территорией или Мексикой; но вряд ли это был бы тот разрушительный конфликт, который Нижний Юг, поддерживаемый двумя с половиной миллионами дополнительных белых жителей Вирджинии, Северной Каролины и Теннесси, поддерживал в течение четырех лет отчаянной борьбы.

Каждый год задержки конфликта привел бы к тому, что штаты, оставшиеся в старом Союзе, стали бы сильнее и белее, снабдили бы отделившиеся штаты железными дорогами и, вполне возможно, втянули бы Канаду в свою орбиту; ведь, как отметил сэр Чарльз Дилк в своей книге "Проблемы Великой Британии", опубликованной, когда вопрос об аннексии Канады еще оставался спорным, - "факт, который часто упускают из виду.

"в Англии часто упускают из виду тот факт, что до сих пор западные центры населения Британской Северной Америки были более тесно связаны с районами, лежащими югу от них через американскую границу, чем с местами к востоку и западу от них, в пределах канадской границы"[391].

Времена "жителей Малой Англии", когда колонии считались почти помехой, только проходили.

Но независимо от того, был бы регион, обозначенный сейчас как Виннипег, Альберта и другие пшеничные районы канадского Запада, присоединен к великому белому Союзу в шестидесятые годы, если бы его не потревожила война и он двигался с постоянным ускорением промышленного развития, или нет, Союз стал бы белее, по мере того как темнел Нижний Юг; и теория "субстрата" Кэлхуна была бы там проверена в полной мере и с максимальным риском.

Из этого следует, что ловкая политическая игра Линкольна побудила Нижний Юг, стреляя по флагу, спасти себя, причем неосознанно. Вторжением в Виргинию он заставил этот штат, а также Северную Каролину и Теннесси войти в состав Конфедерации, против которой в 1862 году он применил оружие эмансипации, не имея ни малейшего представления о том, насколько глубоко оно должно резать. Ибо оно оказалось обоюдоострым мечом.

Ничто так ясно не показывает незнание Линкольном неизбежных последствий эмансипации, как его послание Конгрессу в декабре 1862 года:

"Но есть опасения, что освобожденные люди заполонят всю землю. Разве их уже нет на земле? Разве освобождение сделает их более многочисленными? Если их равномерно распределить среди белых всей страны, то на семь белых будет приходиться один цветной. Может ли один как-то помешать семерым?... Но почему эмансипация на Юге должна привести к тому, что свободные люди будут бежать на Север? Люди любого цвета кожи редко бегут, если им не от чего бежать. До сих пор они в какой-то степени бежали на Север от рабства и нищеты. Но если будет принята постепенная эмансипация и депортация, им не от чего будет бежать. И в любом случае Север не сможет сам решить, принимать ли их?"[392]

Если таков был взгляд Великого Эмансипатора на эмансипацию, то что удивляться, что "цветной психоз южан" распространился, как корь, от одного только контакта.

Реконструкторы из Конгресса думали, что в войне между штатами они выиграли то, что с тех пор именуется благозвучным термином "сфера влияния", люди, которым можно продавать товары. Но масса белых на Севере и Западе, настоящих американцев, устала от эксцессов Реконструкции Конгресса. Федеральные войска были выведены по приказу истинного патриота, Резерфорда Б. Хейса, президента Соединенных Штатов, а не какой-либо секции.

Озлобленные и дисциплинированные падением власти, самые энергичные и трудолюбивые, самые смелые и напористые негры с 1876 года неуклонно движутся в огромные города Севера и Запада, чтобы там, в сегрегированных районах, создать группы новых негров, как следует из отчета о беспорядках в Чикаго, "более совершенных страдающих горлом".

Совместный комитет черных и белых обсудил этот бунт, и это делает обсуждение еще более ценным.

В этом великом городе с двумя с половиной миллионами жителей, после десяти дней беспорядков, кровопролития, поджогов и убийств, в ответ на обращение представительных граждан, губернатор Лоуден назначил чрезвычайный комитет для изучения основных причин беспорядков 1919 года и выработки рекомендаций. Согласно переписи 1920 года, в Чикаго на тот момент проживало 109 458 негров. Председателем комитета стал Эдгар А. Бэнкрофт, ведущий юрист, впоследствии назначенный президентом Кулиджем послом в Японии. Заместителем председателя был доктор Фрэнсис В. Шеппардсон, в свое время возглавлявший Чикагский университет. Самым известным негром в комитете был Роберт С. Эббот, владелец самой большой и влиятельной негритянской газеты в США, "Чикаго Дефендер". Отчет был опубликован в 1922 году. В нем говорится о 38 убитых во время беспорядков: 15 белых и 23 негра. Из 527 раненых 178 были белыми, 342 - неграми, расовая принадлежность 17 не установлена.

По факту 38 смертей было предъявлено девять обвинений в убийстве, четыре человека были осуждены.

Хотя утверждается, что беспощадные бомбардировки негритянских домов были вызваны систематической кампанией, проводимой прессой против негров, покупающих недвижимость на одной стороне района, в котором проживает 90 процентов негритянского населения, что они переехали (в связи с их увеличением) в сторону , куда они и переехали, а не в противоположном направлении, в отчете говорится: "...

"может быть отчасти объяснено враждебностью, которую ирландцы и поляки часто проявляли к неграм"[393].

То, что негров убивали намеренно, в качестве деловой меры, в ответ на пропаганду против них просто как негров, - неизбежный вывод. Выдержки из "Журнала владельцев собственности" показывают, что снова и снова предпринимались попытки апеллировать к "высшему закону", нежели закон страны. Похоже, это был закон жадности. Вот выдержка:

"Любой владелец недвижимости, который продает имущество в нашем округе нежелательным лицам, является врагом белого владельца и должен быть обнаружен и наказан..... Негр использует Конституцию и свои законные права, чтобы злоупотреблять моральными правами белых"[394].

После этого лицемерного призыва 58 домов, купленных неграми, подверглись бомбардировке, причем дом Джесси Бинга, негра-банкира, бомбили шесть раз, не сломив его твердой решимости выдержать штурм. Дом негритянки бомбили три раза. Ее дом подвергся нападению во время беспорядков, а входная дверь была выбита; но после обращения в полицию она и ее муж были арестованы, хотя позже оправданы. В отчете содержится обвинение в грубом и постоянном преувеличении во время беспорядков, в котором четко указано, что лидировала газета "Чикаго Трибьюн", хотя также говорится, что газета, принадлежащая одному из членов комитета , в одном случае вряд ли могла быть

превзойдена. То, что это последнее заявление было сделано, говорит о справедливости комитета и о том, что член комитета таким образом согласился со строгим отношением к себе. В статье, опубликованной Робертом С. Эбботом в "Защитнике", также говорится следующее:

"Вероятно, не будет преувеличением сказать, что политика "Защитника" побудила тысячи беспокойных негров устремиться на Север, где они были уверены в его защите и поддержке их дела"[395].

Губернатор в своем Предисловии утверждает, что отчет показывает, "что присутствие негров в большом количестве в наших великих городах не является угрозой само по себе". Приведенные инциденты свидетельствуют о высоком мужестве и эффективности негров-полицейских, а также о проявлении сурового чувства долга, контролирующего расовые предрассудки.

В отчете говорится следующее:

"Совершенно очевидно, что негры-мигранты не возвращаются на Юг. Напротив, наблюдается небольшой, но непрерывный поток миграции в промышленные центры Севера. Большое количество негров не возвращалось на Юг даже в период безработицы в начале 1921 года"[396].

Поддерживая позицию страны против неограниченной иммиграции времен анте-беллум, как раз в это время "Новая республика" заявила:

"Если мы сможем удерживать ворота закрытыми еще десятилетие, эти злоупотребления неминуемо прекратятся. Не всем в Америке это понравится. Не всем в Америке понравится и другое естественное следствие ограничений - то, что они привлекут все больше и больше негров из сельских районов Юга, особенно из "пояса линчевания", для совместного труда в промышленности"[397].

В своем Предисловии к чикагскому докладу губернатор Лоуден ставит себя в абсолютную оппозицию Линкольну. Он сказал:

"Наша расовая проблема должна быть решена в гармонии с основным законом нации и ее свободными институтами. Они не допускают никакой депортации негра, равно как и любого ограничения его свободы передвижения в пределах Соединенных Штатов"[398].

Но отчет о беспорядках в Чикаго содержит гораздо больше, чем выражение мнения комитета о причинах этой вспышки дикости. На его 667 страницах изложены мнения многих негров по самым разным вопросам. В первой статье излагаются убеждения членов Негритянской городской лиги Чикаго.

"Я понимаю, что наши солдаты усвоили новые привычки самоуважения и чистоты"[399].

Это короткое предложение, но оно содержит многое.

А вот еще одно, которое говорит о том, что негр не только многому научится у белого человека Севера и Запада, но и немного научит его. Это не очень приятное высказывание, но оно стоит того, чтобы над ним задуматься:

"Есть одна черта, и, можно сказать, только одна, за которую я снимаю шляпу перед южным "крекером", - это его уважение и высокое отношение к женщинам. Хотя он не очень-то жалуется на жен и дочерей других парней (негров), все же он уважает своих собственных. Мы

должны подавать ему хороший пример и уважать всех женщин, независимо от расы, цвета кожи или вероисповедания. Тогда вы завоюете восхищение всех цивилизованных людей. Мужчины, которые не уважают и не почитают своих женщин, недостойны гражданства"[400].

Всего одна черта, но какая важная!

СНОСКИ:

[369] Речь Хардинга в Бирмингеме, News and Courier, Oct. 27, 1921.

[370] Там же.

[371] Там же.

[372] Там же.

[373] News and Courier, Editorial, October 27, 1921.

[374] The New Republic, 9 ноября 1921 г.

[375] Дюбуа, The New Republic, 7 декабря 1921 г.

[376] Там же.

[377] Там же.

[378] Там же.

[379] Там же.

[380] The Crisis, December, 1921, p. 53.

[381] Ibid. p. 55.

[382] Ibid. p. 64.

[383] Асмис, "Живой век", 4 февраля 1922 г., с. 261.

[384] Ibid. p. 262.

[385] Ibid.

[386] Jameson, Calhoun's Correspondence, p. 368.

[387] Stephenson, Lincoln, p. 32.

[388] Ibid. p. 35.

[389] Jervey, Robert Y. Hayne and His Times, p. 207.

[390] Bassett, Andrew Jackson, Vol. II p. 547.

[391] Dilke, Problems of Greater Britain, p. 20.

[392] Munford, Virginia's Attitude, Slavery and Secession, p. 173.

[393] Negro in Chicago, p. 8.

[394] Ibid. p. 121.

[395] Ibid. p. 92.

[396] Ibid. p. 105.

[397] The New Republic, February 14, 1923.

[398] Negro in Chicago, p. XXIII.

[399] Ibid. p. 193.

[400] Ibid. p. 306.

ГЛАВА XVII

Переходя от отчета о негритянских беспорядках в Чикаго в 1919 году к "Негритянскому ежегоднику" за ту же дату, мы находим в нем утверждение, что совокупное богатство 10 300 000 негров в Соединенных Штатах на ту дату оценивалось в 1 100 000 000 долларов.

Каким бы ни было богатство или прогресс негров в Соединенных Штатах в любое время, принято ссылаться на него, как на значительно превышающее то, что было на момент эмансипации. Особенно склонны утверждать это негритянские писатели. В данном исследовании было показано, что это в некоторой степени неверно, но, возможно, стоит немного углубиться в этот вопрос.

В 1860 году 4 441 800 цветных жителей Соединенных Штатов состояли из 488 070 свободных цветных и 3 953 730 рабов-негров и мулатов. 488 070 свободных цветных людей были примерно поровну разделены между Северными и Южными штатами. Они обладали собственностью. Какова была вероятная стоимость их имущества?

Перепись 1860 года показала, что в городе Чарльстон, штат Южная Каролина, проживало 3 237 цветных свободных людей и что 357 из них вернули собственность для налогообложения, с которой они заплатили 12 015,60 долларов налогов, в основном на недвижимость, вероятно, около семи восьмых от общей суммы. Но они также платили налоги на доходы и бизнес, а также налоги на рабов, которыми они владели, и на их лошадей, кареты и собак. Учитывая общепринятую среднюю стоимость рабов и безопасную оценку конины, а также стоимость недвижимости, мы можем подсчитать, что совокупное богатство цветных свободных людей в Чарльстоне, штат Северная Каролина, в 1860 году должно было составлять около 888 650 долларов. Если не было какого-то особого материального преимущества в проживании цветных свободных людей в этом штате и городе, наиболее ассоциирующемся с "особым институтом", то установленный подушевой норматив можно распространить на все население этого класса в Соединенных Штатах на ту дату; соответственно, он составил бы около 133 989 231 доллара.

Конечно, богатство цветных свободных людей в Чарльстоне могло быть больше, чем в остальной части штата Южная Каролина; но по той же причине оно должно было быть еще больше в Новом Орлеане и крупных городах Севера, где недвижимость обязательно имела большую стоимость и больше росла.

Поскольку за шесть десятилетий, закончившихся в 1860 году, численность цветных свободных людей увеличилась более чем в четыре раза, какие основания полагать, что,

привыкнув к обязанностям свободы, темпы их роста после освобождения массы рабов должны были существенно снизиться?

При массовой эмансипации негров-рабов все было бы иначе; И поэтому нет ничего маловероятного в том, что из 1 100 000 000 долларов, принадлежавших в 1919 году всему негритянскому населению Соединенных Штатов, около 535 957 124 долларов должны быть приписаны потомкам цветных свободных людей, которые с самого начала были лучше всего подготовлены к тому, чтобы воспользоваться своей долей богатства, принесенного войной между государствами на Север и Запад, а не большому числу эмансипированных, оставшихся на обнищавшем Юге и страдавших вместе с белыми от бедствий Реконструкции, проводимой Конгрессом. Тот факт, что Югу потребовалось время до 1890 года, чтобы восстановить материальное благосостояние, утраченное в период с 1861 по 1876 год, в то время как за тот же период материальный прогресс на Севере и Западе был предметом зависти всего мира, лишь подкрепляет аргумент.

Однако эгоизм нередко сопровождает рост благосостояния, и поэтому никого из вдумчивых людей не должно удивлять, что культурный Дюбуа и некоторые его белые единомышленники с некоторым недоумением смотрят на неуклонное движение южных негров с Юга на Север и Запад.

Однако это не позиция того негра, чье имя стоит во главе отчета комитета по беспорядкам в Чикаго.

Роберт С. Эббот ближе к библейскому описанию хозяина виноградника. Он хочет разделить с рабочими своей расы поля, которые он так успешно собирает с помощью своей еженедельной газеты "Чикаго Дефендер", и поэтому, какими бы ни были его экстравагантными выражения, он кажется самым бескорыстным лидером, который есть у негров.

Обратившись к еженедельнику, а не к более амбициозному ежедневному изданию, негры проявляют достойную их чести дальновидность.

"Негритянские газеты издаются еженедельно, потому что они не могут конкурировать с ежедневными газетами в обеспечении любой части публики новостями изо дня в день"[\[401\]](#).

Это очень простое утверждение, но в нем заключена огромная мудрость.

Для той части человечества, которая не имеет достатка, еженедельная газета - великий защитник. Новости проходят через фильтр. Она дает возможность честному редактору и издателю внимательно изучить то, что в условиях жесткой конкуренции за ежедневные новости вряд ли возможно.

Призыв к копированию нередко является призывом к беде. Чтобы заполнить пустоту, может потребоваться спешный отбор карикатур, ни в коем случае не наспех подготовленных, но, возможно, как раз для такого случая. Выбранные таким образом карикатуры нередко сводят на нет эффект редакционной статьи, а многое, маскирующееся под новости, но на самом деле пропагандистское, может быть поспешно всунуто в формы около двух часов ночи. Поэтому негры, цепляющиеся за еженедельники, "мудрее в своем поколении, чем дети света".

К счастью для человечества, сентиментальность уничтожила рабство негров в Соединенных Штатах; но результатом стало интенсивное стимулирование экономического рабства белых и черных, благодаря простому процессу ввоза из Европы массы белых, многие из которых были ниже стандартов численности американских негров. Это было предотвращено, и теперь негр-рабочий во всех сферах деятельности должен соизмерять себя со славянином и латиноамериканцем. По физической силе он превосходит латинянина; но латинянин компенсирует это большей настойчивостью и упорядоченностью метода. Хотя это утверждение, вероятно, будет воспринято с насмешкой, обучение раба южным рабовладельцем и обработка негра южанином происходит не в том темпе, в котором движутся Север и Запад, и под этим напором северный негр становится более эффективным инструментом. Но как на Севере, так и на Юге массе людей больше помогает, чем мешает то, что культурный молодой негр, обратившийся в одно из ведущих учебных заведений Соединенных Штатов, так описал:

"Дикарь и ребенок, чтобы подняться на более высокий уровень, должны почувствовать власть более сильной руки. Это особое благословение американского негра, и за сорок лет он на столетия опередил своего хайтинского брата, который был самоуправляемым в течение ста лет"[402].

Даже если он с тех пор отказался от своих слов, именно такой точки зрения придерживался Уильям Пикенс в 1903 году, когда ему была присуждена премия Тен Эйка в Йельском университете. Но если присутствие белых влияет на негра в лучшую сторону, будет справедливо процитировать мнение южан по поводу обратного.

Всего два года спустя после вручения Пикенсу премии Йельского университета один южный ученый опубликовал книгу "Грядущий кризис"; несмотря на то, что она написана на безупречном английском языке, демонстрирует симметрию композиции, которая в целом достойна восхищения, и отстаивает взгляды, которых сегодня придерживается огромное количество людей, не мало из которых добились определенной репутации в обсуждении их менее грамотно, чем мистер Пинкни в 1905 году, его книга, тем не менее, на тот момент, оказалась абсолютно плоской. То, что мистер Пинкни видел до мировой войны, теперь видят и другие. Его взгляд на негритянскую проблему не совпадал с мнением автора данного исследования. Он был бы удивлен, узнав, что его взгляды в значительной степени совпадают с взглядами Авраама Линкольна, хотя и с некоторыми различиями. Но в рассуждениях Пинкни негр занимает лишь второстепенное место по отношению к теме, которая для него настолько вдохновляющая, что ее можно представить в отрывке, над которым стоит задуматься:

"Кажется вероятным, что история Соединенных Штатов рассчитана на то, чтобы предоставить более полную и более яркую иллюстрацию работы политических принципов, чем когда-либо предоставлялась миру прежде. Это эксперимент столь грандиозного масштаба, и на карту поставлены столь гигантские интересы, что энтузиазм сам собой захлестывает при созерцании. Было слишком много надежд на то, что такой эксперимент будет успешным с самого начала. Не так-то просто было вырвать у нежелающей идти на попятную природы последнее и величайшее благословение человечества - дар разумной свободы. Не без терний, крови и мучений может быть завоевана такая корона. Если бы награда досталась легче, возможно, те, кто ее получил, оказались бы недостойны наслаждаться ею. Пусть помнят об этом те, кто боится за судьбу Республики. Так их сердца вновь наполнятся мужеством. Так изнутри зазвучат новые целебные потоки надежды, бальзам для израненных умов, освежающий, комфортный. Отпасть от благодати - значит

узнать путь спасения и, подобно блудному сыну, стать причастным к неведомым ранее радостям"[403].

Нигде не найти более тонкой сатиры, чем в главе его книги, озаглавленной "Зарплата и сантименты - причина и доход". Там также есть очень четкие и убедительные рассуждения. Но сейчас речь пойдет о том, что мистер Пинкни говорит о присутствии негров на Юге.

В противовес мнению Уэйда Хэмптона, М. К. Батлера и Карлайла Маккинли, по словам мистера Пинкни:

"Штаты сами должны контролировать негритянский вопрос, иначе американской системе придет конец. Попытки федерального правительства контролировать или даже вмешиваться в этот вопрос всегда должны приводить, как это неизменно происходило до сих пор, к беспорядкам и анархии". Таким образом, что касается Юга, самые высокие санкции, какие только возможны по естественному праву, связаны со строгим соблюдением истинной конституционной конструкции. Идти по конституционному пути - это безопасность и счастье; сходить с него - это мгновенная анархия. ... Цель - защитить все местные дела от вторжения извне, но среди этих дел первым и главным всегда был негритянский вопрос, в котором не может быть никаких колебаний, выбора или возможности альтернативы. Таким образом, мелкий вопрос о присутствии негров включается в более крупный класс вопросов, составляющих весь спектр местных интересов..... Таким образом, негр является (совершенно неосознанным) средством иллюстрации необходимости конституционного самоуправления. Его присутствие эффективно препятствует тому, чтобы Юг хоть на мгновение сошел с конституционного пути. О Каффи нужно помнить, если мы хотим спасти Республику"[404].

Это согласуется с мнением, что южные штаты являются демократическими, потому что присутствие негра, теперь уже освобожденного, заставляет их быть таковыми.

Возможно, в этом есть доля правды; но может быть и так, что они являются и были демократическими, несмотря на негра.

Публикация списка налогоплательщиков в Чарльстоне, "очаге сецессии", в 1860 году стала иллюстрацией полной демократичности этого места и народа в то время. Это была открытая демонстрация силы и слабости каждого носителя правительственного бремени, а также наложенных на него обременений. Что может быть демократичнее этого? Налог на недвижимость составлял 1,4 процента, на товарные запасы - 1,4 процента. Не было налога на облигации и на акции, потому что без процентов и дивидендов ценные бумаги - это просто бумага. Но существовал налог на проценты и дивиденды в размере 2,5 процента; такой же налог взимался с валового дохода, комиссионных, аннуитетов и валовой выручки всех коммерческих агентств. На страховые премии налог составлял 1,25 процента. На капитал в судоходстве, как и положено, налог был небольшим, всего 0,75 процента; ведь судоходство - это самая жизнь морского порта. Но оно также приносило прибыль, поэтому часть прибыли облагалась налогом. Глупая идея абсолютного освобождения от налогов была исключена. Предметы роскоши облагались справедливым налогом в виде дополнительных головных налогов. Карета, запряженная двумя лошадьми, облагалась налогом на треть больше, чем карета, запряженная одной. Повозки, запряженные одной лошадью, облагались меньшим налогом, чем повозки, запряженные одной лошадью, а лошади и мулы - еще меньшим. Рабы облагались налогом, но головной налог в 3 доллара за раба, если учесть, что некоторые из них продавались по 1200 долларов за штуку, был неоправданно мал по сравнению с налогом

на лошадиное мясо и имущество такого рода. Один процент на негра и десять процентов на мула по средней стоимости и уменьшение с ростом стоимости любого из них было огромным стимулом для рабовладельцев. За единственным исключением, в отсутствие этого прокрустова ложа, единой ставки, на которую теперь натягивается вся собственность, которую невозможно скрыть, богатые платили в соответствии с их богатством, бедные - в соответствии с их бедностью; но все, кто имел хоть что-то, вносили вклад в общее благосостояние и несли справедливую долю общего бремени.

Вот истинная причина, почему они так долго и успешно боролись. Например, с 385 000 долларов недвижимости, 28 рабов, 1 кареты и 2 лошадей Отис Миллс и Отис Миллс и Ко заплатили налог в размере 5 524 долларов. С недвижимости стоимостью 281 000 долларов, 14 рабов, кареты и 2 лошадей Уильям Эйкен заплатил налог в размере 4 027,40 долларов. С \$101 500 недвижимости, \$2 724,16, процентов по облигациям, 3 рабов и \$45 000 судоходства, наследство Джеймса Адгера заплатило налог в размере \$1 835,60. С 15 000 долларов недвижимости, 1 982 долларов процентов по облигациям, 14 642 долларов комиссионных, 14 рабов, 1 кареты, 3 лошадей и 2 собак, Вм. К. Би и Вм. К. Би и Ко. заплатили налог в размере 732,60 долларов. С товарного запаса в 16 000 долларов, комиссионных в 9 000 долларов, компания "Джеффордс и Ко" заплатила налог в размере 449 долларов. С 8 000 долларов отгрузки, 4 600 долларов дохода и 3 рабов компания E. Lafitte & Co. заплатила налог в размере 184 долларов. С товарного запаса на 1000 долларов Сэмюэл П. Лоуренс заплатил налог в размере 14 долларов. С 1 раба миссис М. С. Х. Годбер заплатила налог в размере 3 долларов. С 200 долларов недвижимости доктор Чарльз М. Хичкок заплатил налог в размере 1,80 доллара. С товарного запаса стоимостью 100 долларов К. Х. Брансон заплатил налог в размере 1,40 доллара. Налог на производство газовых фонарей был меньше, чем на судоходство; но он приносил прибыль, и с капитала в 755 700 долларов компания заплатила налог в размере 3 778,50 долларов[405].

В том, что состояние южных штатов неизмеримо улучшилось после отмены рабства, автор данного исследования твердо убежден. Но , что от последовавшего за этим налогового законодательства сильно пострадала нравственность всех людей, - это убеждение многих, с которым он согласен.

Присутствие негров в тех массах, в которых они все еще оставались на Юге после эмансипации, замедлило даже то замечательное восстановление, которого добился Юг. В этом 1925 году, первом за столетие, когда белое население Южной Каролины превысило по численности цветное, очевидно, что мелкая промышленность в сельской жизни становится заметно более прибыльной. Почему? Негр все меньше ощущает влияние окружающей среды. Он меньше ворует. А с уменьшением трения и, как следствие, материальной выгоды, шире открываются двери для литературы и искусства.

То, что искусство обладает огромной воспитательной силой, вновь и вновь демонстрируют художники, которые преследовали более глубокие цели, чем "искусство ради искусства".

В качестве иллюстрации нельзя не отметить, что в то время как образованные негры Севера не могли принять от рук негра солдата Союза, который сражался за свободу расы и прошел через дни Реконструкции Конгресса без единого пятнышка, В качестве отдельного законодательного лидера, достоверно описывающего огромную массу негров Юга, они превозносят французского негра, автора "Батуала", чей реалистический роман о неграх в Африке, сурово критикуя их белых французских правителей, проклинает негров еще больше. Книга не только интересна, но и поучительна для тех, кто нуждается в поучениях; а растущее

число образованных негров на Севере нуждалось именно в такой книге, чтобы показать им, от чего они спаслись в Африке.

Рене Маран заявляет:

"Моя книга - не полемика. Она появляется случайно, когда приходит ее час. Негритянский вопрос - это настоящее. Кто сделал его таковым? Американцы".

Описывая Французскую колониальную Африку, он цитирует сенегальца Диагне:

"- Лучшими поселенцами были не профессиональные колонисты, а европейские войска из окопов"[406].

Это в предисловии.

Книга открывается пробуждением героя "Батуала" в хижине, в которой он спит со своей восьмой и любимой женой Яссигуинджиа. Это напоминает другое пробуждение в другом реалистическом произведении - "Старого Брэма" в "Черной границе". Разница лишь в пробуждении волка и пробуждении старого сторожевого пса, "друга человека", прирученного волка. История вращается вокруг политики и желаний Батуала, Биссибингуи и Яссигуинджиа. Батуала - волк, заботящийся о стае; Биссибингуи - молодой волк, такой же свирепый, заботящийся только о себе и своих желаниях. Яссигуинджию можно описать только одним из предметов, которыми она была куплена.

В "Черной границе", правда, мы находимся в Южной Каролине, на побережье; но, как красноречиво сказал один шотландский житель Южной Каролины, в этом регионе "в каждом нашем вздохе звучит Африка". С художественной силой Маран изображает звуки африканского рассвета.

"Дневной свет разгорался. Батуала - Батуала, мокунджи, вождь стольких деревень - хотя и был еще тяжел от сна, но уже вполне осознавал эти звуки. Он зевнул, вздрогнул и потянулся. Должен ли он снова заснуть? Вставать ли ему? Боже! Зачем вставать? Он даже не хотел знать, зачем.

"А просто встать - разве это не требует огромных усилий? Само по себе решение было совершенно простым, так казалось. На самом же деле это было трудно; ведь встать и работать - одно и то же, по крайней мере для белых..... Жизнь коротка. Работа - для тех, кто никогда не поймет жизни. Ничегонеделание не унижает человека. В глазах того, кто смотрит на вещи реально, оно отличается от лени. Что касается его, Батуала, то, пока не будет доказано обратное, он будет считать, что ничего не делать - это просто извлекать выгоду из всего, что нас окружает. Жить изо дня в день, не думая о вчерашнем дне и не заботясь о завтрашнем, не заглядывая вперед, - вот что было совершенством"[407].

Какая идеальная картина негра без "власти более сильной руки", необходимость которой Уильям Пикенс так ясно видел в 1903 году. А философия! Посетив Африку в 1924 году, доктор Дюбуа делает открытие:

"Я начал замечать его, когда въехал на юг Франции. Я сформулировал это в Португалии. Однажды в воскресенье в Либерии я познал ее как великую истину. А великая истина заключалась в следующем: Эффективность и счастье не сочетаются в современной культуре..... А лень; божественное, вечное томление - это правильно, хорошо и истинно"[408].

Доктор хвалит "манеры" африканцев.

"Их манеры были лучше, чем на Парк-Лейн или Парк-Авеню, Риттенхаус-сквер или Северном побережье..... Прimitивный черный человек вежлив и достоин.... Так почему же мы все должны отправиться в Большой Буш? Нет, я предпочитаю Нью-Йорк"[409].

Что касается великой истины, то счастье зависит от того, что в душе человека, а не от его окружения.

Но Батуала, хотя и не любил работу, мог напрячься, чтобы поохотиться или повоевать. Его беспокоило то, что во все века волновало людей больше, чем любое другое. Он и его народ были обложены слишком высокими налогами. Он собрал народ и заговорил с ним.

"За группой, центром которой был Батуала, теснилась пьяная толпа. Они поносили белых. Батуала был прав, тысячу раз прав. Раньше, до прихода белых, они жили счастливо. Они немного работали на себя, ели, пили и спали. Время от времени они устраивали кровавые пирушки и вырывали печенки у мертвецов, чтобы съесть их мужество и впитать его в себя. Такими были счастливые дни давних времен, до прихода белых"[410].

Далее следует описание великого танца.

"Биссибингуи был самым красивым из всех. И самым сильным. Его мускулы выделялись. Его глаза сияли, как кисть в огне. Все, что было до этого, было ничем. Все предшествующие шумы и крики, беспорядочные танцы были лишь подготовкой к тому, что должно было произойти, - танцу любви, который почти никогда не танцевали, кроме как в этот вечер, когда им было позволено предаваться разврату и преступлению..... Пары сформированы.... Это была безмерная радость грубиянов, освобожденных от всякого контроля.... Танцующая пара упала на землю.

Внезапно его пальцы судорожно сжались вокруг ножа в руке, и Батуала, Мокунджи, бросился на эту пару. Он был весь в пене. Его кулак был поднят для удара. Биссибингуи и Ясигуинджиа, более проворные, чем обезьяны, выскочили из его рук. Он преследовал их. Ах, эти собачьи дети имели наглость желать друг друга на его глазах. Он бы содрал шкуру с этой трусихи. Что касается Биссибингуи... Ах, как бы женщины не смеялись над ним тогда. Ясигуинджиа! Идея! Разве не купил он ей семь поясов, ящик соли, три медных ошейника, сук, четыре горшка, шесть кур, двадцать коз, сорок больших корзин проса и девушку-рабыню! Ах, он заставил бы Ясигуинджию принять пробный яд"[411].

Но прибытие коменданта спасает виновную пару. Однако Батуала продолжает строить козни против Биссибингуи, который замышляет ограбление собственного народа, будучи одним из солдат коменданта. Во время большой охоты Батуала бросает копье в своего соперника, попадает в него и сам оказывается сражен разъяренной пантерой. Так темный патриот падает, а черный скалолаз побеждает. Это впечатляющая картина африканской жизни, мужчин, женщин и супружеских отношений.

Перенесемся теперь на побережье Южной Каролины, где в "Черной границе" разворачивается действие "Развода Джима Моултри", самого глубокого по пронительности из всех похожих на жизнь очерков этой трогательной книги.

Джим тоже был великим охотником, неутомимым преследователем. Не зверь. Но чернокожий человек. Верующий в развод, как почти все негры в Америке, даже в Южной Каролине, где закон это запрещает.

В конце холодного февральского дня, после того как он протащил свое неуклюжее каноэ по всем ручьям и протокам болот Джехосси, чтобы выловить уток для нанявшего его белого спортсмена, на закате он возвращается домой. Как привлекает нас картина побережья.

"Далеко вверх по реке, как низко висящие звезды, мерцали сторожевые огни большого деревянного плота, направлявшегося к устью Северного Эдисто. С далекой плантации доносилось сладкое "лу-лу-лу" счастливого негра, освобожденного от работы. Плот, несясь на лоне сильного прилива, быстро приближался, и вокруг его костров, сложенных на земляных платформах, негры-плотники разговаривали и смеялись, готовя ужин, а пламя освещало лицо и увеличивало фигуру чернокожего рулевого, стоявшего у большого весла, которым он, находясь на корме плота, направлял его ход вниз по течению.

Вот уже час Джим молча преодолевал прилив, подгоняя лодку мощными ударами весла попеременно то влево, то вправо.

О чем ты думаешь, Джим?

'Study 'about 'ooman, suh.' (Короткое молчание).

'Ooman shishuh cuntrady t'ing, dem nebbuh know w'en dem well off. Вы можете накормить его, вы можете надеть плащ на его спину, вы можете надеть шубу на его ноги, вы можете надеть шляпу на его голову, вы можете надеть деньги на его руки, и все же оона не знает оомена, не знает, когда он будет жить в достатке. Dem fuhrebbuh duh lookout fuh trubble. Если они встретят пузырь, то будут охотиться на него. Я не знаю, как он будет искать трубки, но он их поймает. Если они видят след, чтобы выследить его, они суют нос в дупло и пытаются унюхать его, но их не поймать. Я изучал эту жену, которую я хотел бы иметь, по имени Мэри. Посмотри, как он справился, когда у него не было ни одного каджуна! Ты не знаешь, что со мной? Позвольте мне рассказать вам. Однажды в субботу вечером я пошел домой после риба. Я взял две утки, выпечку, муку, сахар и чай, а потом положил фибе куклу на колени Мэри. Ты знаешь, что это большие деньги за то, чтобы сидеть на коленях у ниггера? Когда я был мальчиком, а ты гребёшь женщине пятьдесят центов, она думает, что богата, но я всю ту неделю жил с одним богачом из Ньянки, которого мистер Фицсиммон пристрелил, и он гребёт мне фибе долгуя купюру, которая выглядит так, как будто он стоит десять центов! Когда я положил деньги на колени женщине, и яму с тоддухом, когда я достал пунцовую купюру, Мэри не треснула по зубам. Я спрашиваю: "Ну что? 'E mek ansuh, 'nutt'n'. С сегодняшнего дня женщина продолжает в том же духе. 'E nebbuh crack 'e bre't. I quizzit 'um 'gen. I ax 'um 'smattuh 'long 'um. Он говорит: "Ничего". А я говорю: "Хорошо, что хорошо". В понедельник я беру ружье, зову собаку и разговариваю с женщиной. Я говорю: "Мэри, я собираюсь уехать в Риббу, и я вернусь в субботу через две недели". Я не хочу, чтобы ты так переживала, но я знаю, какие у тебя проблемы. Ни одна женщина, которая сидела бы на верхушке этого риба, не может больше, чем ты, ни одна женщина не получает так много, но я не могу освободиться от этого, пока ни одна женщина не хочет поднимать свой рот", en w'en I cum back las' Sat'd'y two week' I gwine' tarry gate you one mo' time, en' I gwine ax you 'smattuh mek you stan' so, en if oonah een de same min 'ez now, den me nuh you paa't."[412]

Рассказывается об упрямом молчании женщины и о молчаливом расставании. Затем следует попытка женщины успокоить его, ее ревность прошла. Его отказ. Его обида на то, что она поверила пустой лжи. Его решимость, что уже слишком поздно. И вот последние две строки, в которых так много заключено.

"У тебя есть другая жена, Джим?"

"У меня была та девушка, которую вы видите, со мной, когда я уходил от мистера Фитц-Симмуна. Him ent wut!"[413].

Представления Джима Моултри о супружеской жизни можно было бы улучшить, но они, безусловно, на несколько циклов опережают представления Батуала. Именно в очерках, которые содержит эта книга, и в совершенно восхитительной "Дуэли в Каммингсе" мы видим негра с южного побережья таким, какой он есть, - самым наблюдательным, не лишенным домашней философии и, как заметил Томас, негр из Огайо (хотя сам он совершенно лишен ее), существом безграничного юмора. Откуда он его черпает? Кажется, он в некоторой степени теряет его по мере удаления от побережья. Но он становится более эффективным. Пребывание в Америке принесло ему огромную пользу. Он должен проявлять больший интерес к своей расе в других местах, чем это делают культурные представители. Для негров Соединенных Штатов хорошо, что их число продолжает перемещаться в северные и западные штаты. Это обеспечивает интереснейший эксперимент. Городские негры, живущие в великих городах Севера и Запада, представляют собой интереснейшую иллюстрацию той таинственной силы, которая ведет человечество к его улучшению. По данным переписи 1920 года, в великом городе Нью-Йорке насчитывалось 152 467 негров. По оценкам Департамента торговли на июль 1923 года, их число увеличилось до 183 248.[414] Если только миграция не замедлилась, так как по оценкам на 1 июля 1923 года, негритянское население Нью-Йорка сегодня должно составлять 194 445 человек, Филадельфии - 163 248, Чикаго - 148 326. Нигде в южных штатах нет городского негритянского населения с такими показателями. Ближайшим является Новый Орлеан, где негритянское население может составлять 107 530 человек. Но кроме того, в крупных городах, которые тянутся вдоль и поперек богатой и густонаселенной территории между Нью-Йорком и Чикаго вплоть до границ Канады, негритянское население неуклонно растет. В Детройте, расположенном у самых дверей Канады, негритянское население больше, чем в любом южном городе, кроме Нового Орлеана; ведь Балтимор теперь практически северный город.

Хотя городское негритянское население южных штатов, по-видимому, растет, оно едва ли увеличивается с той скоростью, с которой оно растет в вышеописанной большей части Севера, и, как было показано в нескольких штатах Юга, негритянское население в целом немного уменьшается; в то время как белое население активно растет. Но цивилизация южных белых была подорвана грузом негритянского населения, который она несла на себе в течение столетия и более. Он не должен нести больше, чем его справедливая доля этого груза, и в естественном движении негров с Юга на север центральной части Союза и в некоторой степени в Канаду, путем слияния негров и мулатов, коричневый народ, затронутый цивилизацией этих секций, отличающийся в некоторой степени от более темных негров, которые будут медленнее развиваться в южных штатах, покажет в своем прогрессе, что Север и Запад могут сделать для их улучшения. С постоянно уменьшающейся численностью на Юге, они будут лучше реагировать на окружающую среду, которая станет лучше от такого уменьшения. Результатом станет продвижение всех к лучшему состоянию и более высокому уровню мышления.

ССЫЛКИ:

[401] Negro in Chicago, p. 567.

[402] Yale Lit. Magazine, p. 237.

[403] Pinckney, The Coming Crisis, p. 61.

[404] Ibid. p. 58.

[405] Evans & Cogswell; List of Taxpayers Charleston, S. C. 1860.

[406] Rene Maran, Batouala, pp. 10, 12.

[407] Ibid. pp. 22, 24.

[408] The Nation, December 17, 1924, p. 675.

[409] Ibid.

[410] Rene Maran, Batouala, p. 90.

[411] Ibid. pp. 98, 103, 105, 106, 107.

[412] Gonzales, The Black Border, pp. 212, 213, 214.

[413] Ibid. p. 215.

[414] Министерство торговли, Оценка численности населения, с. 138.

Примечания транскриптора

- стр. 10 Заменено: согласие их учредителей
на: согласие их избирателей
- стр. 20 Заменено: сопровождается постоянно растущими инвестициями
на: сопровождаемые постоянно растущими инвестициями
- стр. 55 Заменено: столь прискорбное происшествие
на: столь прискорбное происшествие
- стр. 76 Изменено: поощрение этой однородности
на: продвижение этой однородности
- стр. 110 Изменено: не было ноги, на которой можно стоять
на: не было ноги, на которой можно стоять
- pg 126 Изменено: они были слегка удивлены
на: они были слегка удивлены
- стр. 131 Заменено: нападавшие с пятью потерями
на: нападавшие с пятью жертвами
- стр. 133 Заменено: имеет в своем революционном прогрессе
на: имеет в своем революционном прогрессе
- стр. 146 Заменено: как бы он ни назывался
на: как бы он ни назывался
- стр. 150 Заменено: мир между двумя странами
на: мир между двумя странами
- стр. 152 Заменено: правящие политические лидеры
на: правящие политические лидеры
- стр. 158 Изменено: сравнительно небольшой ценой
на: сравнительно небольшая цена
- стр. 160 Изменено: обеспечение богатства и процветания
на: обеспечение богатства и процветания
- стр. 163 Заменено: кто объявил об этом цветном чиновнике
на: кто заявил об этом цветном чиновнике

- стр. 174 Изменено: более процветающий и прогрессивный
на: более процветающим и прогрессивным
- стр. 174 Изменено: достигнуть полной статуи
на: достигнуть полного роста
- стр. 175 Изменено: просвещение и прогресс
на: просвещение и прогресс
- стр. 178 Изменено: За пять лет до Букера Вашингтона
на: Пять лет до Букера Вашингтона
- стр. 196 Изменено: Нижний Юг несет ответственность
на: Нижний Юг - ответственность
- стр. 197 Изменено: предотвратить распад
на: предотвращение разрыва
- стр. 197 Изменено: семь восьмых кавказской крови
на: семь восьмых кавказской крови
- стр. 203 Заменено: все надежды на социальное равенство
на: все надежды на социальное равенство
- стр. 233 Заменено: которые, если брать в целом
на: которые, если брать в целом
- стр. 243 Заменено: Факты и цифры иммиграции
на: Факты и цифры иммиграции на.
- стр. 305 Изменено: Тем временем масса растет
на: Тем временем массы растут
- стр. 338 Изменено: вечное томление - это правильно и хорошо
на: вечное томление - это правильно и хорошо